

Протоиерей Вячеслав Брегеда

ДУХОВНЫЕ СВЕТИЛЬНИКИ Карагандинской ЗЕМЛИ

О подвижниках веры и благочестия
и об истории Русской Православной
Церкви в Караганде

Сергиев Посад
2020

УДК 271.22-36(470-25:574.31)(092)
ББК 86.372.24-574(5Каз-2Караганда)
Б87

По благословию
митрополита Крутицкого и Коломенского
Ювеналия

Допущено к распространению Издательским
советом Русской Православной Церкви
ИС Р21-021-0553

Брегеда, Вячеслав.

Духовные светильники Карагандинской земли: о подвижниках веры благочестия и об истории Русской Православной Церкви в Караганде/ [авт.-сост. протоиерей Вячеслав Брегеда]. – Сергиев Посад: Православный приход Димитрие-Солунского храма в Яковлево, 2020. – 384 с.

ISBN 978-5-9902669-8-8

В апреле 2016 г. к памятной дате – 50-летию со дня кончины Карагандинского старца Севастиана – приходом Димитрие-Солунского храма в дер. Яковлево Сергиево-Посадского района была издана книга с письмами упомянутого святого. Нынешнее издание является продолжением, дальнейшим развитием темы о подвижниках благочестия, светильниках веры Карагандинской земли. Его подготовил к публикации, в прошлом житель г. Караганды, протоиерей Вячеслав Брегеда. Автор-составитель не только делится своими воспоминаниями. В книгу включены различные публикации, исследовательские работы по церковной истории в Карагандинской области, повествования о подвижниках благочестия и мучениках за веру, архивные документы. Таким образом, поэтапно раскрывается летопись духовной жизни в Караганде.

Издание, несомненно, вызовет интерес не только у церковных историков и краеведов, но и у широкого круга читателей как воцерковленных, так и еще «не переступивших» церковного порога.

ISBN 978-5-9902669-8-8

© Православный приход Димитрие-Солунского храма
в Яковлево (Московская обл., Сергиево-Посадский р-н)

© Автор-составитель – протоиерей Вячеслав Брегеда

От автора-составителя

В 30-е годы прошлого века десятки тысяч крестьянских семей со всей России, так называемых раскулаченных, были вывезены в «телячьих» вагонах в голодную казахстанскую степь. Среди высланных были мои бабушка, дедушка и другие родственники. До ссылки они проживали в Царицынском уезде (ныне Волгоградская область) Саратовской губернии. Моему отцу было тогда четыре года. Чтобы укрыться от непогоды и сильных ветров и иметь хоть какое-то пристанище, ссыльные выкапывали в степи землянки глубиной метра 1,5-2. Ближе к зиме часть народа переселили в практически неотопливаемые наскоро сооруженные бараки. В первую же зиму от холода, голода и болезни умерло около половины переселенцев. Выжившие обитатели землянок и бараков и составили в основном население нескольких рабочих поселков угледобытчиков и целинников, которые были официально преобразованы в город постановлением ВЦИК от 10 февраля 1934 г. Строительных материалов практически не было. Из веток, соломы и глины над верхней частью землянок делали некое возвышение и крышу. Высота такого «дома» едва превышала один метр с небольшим. Пол был глиняным. Внутри жилища ставили печку, трубу выводили наружу. Входили или, точнее, влезали в жилище по земляной лестнице через вход под крышей, который закрывали небольшой деревянной, плетеной или собранной из разных подсобных материалов дверью. Старая Караганда и состояла главным образом из бараков и таких землянок-домов.

Я родился в городе Алма-Ате в 1955 г. Когда мне было полтора года, отец привез меня в Караганду к своей сестре. Она меня в дальнейшем выхаживала и воспитывала до совершеннолетия. С детства я был очень болезненным, поэтому тете приходилось со мной постоянно нянчиться, и я доставлял ей много хлопот. Другие мои родственники к этому времени уже умерли. Судьба моей матери мне неизвестна.

Караганду считаю своей малой родиной, поскольку здесь прошли мои детские, отроческие и юношеские годы, и все мои главные впечатления той поры связаны с этим городом.

Очень хорошо помню старую Караганду: темно-серые покосившиеся бараки, небольшие, обмазанные глиной домишки и крохотные землянки. Зимой, во время больших снежных заносов, по крышам можно было спокойно прогуливаться. Но чтобы войти в жилище или выйти из него, постоянно приходилось откапываться. Из снега торчали только трубы. Вот такая была романтика моего детства.

Я воспитывался в религиозной семье. Пожалуй, самым значимым событием того времени для верующих людей было одно совершенно незаметное для внешнего мира обстоятельство. После долгих мытарств и проволочек в 1955 г. был получен документ о регистрации религиозной общины в поселке Большая Михайловка (в настоящее время включен в состав города Караганды). Начались реконструкционные работы по переоборудованию жилого дома в храмовое здание. Руководил всем иеромонах Севастиан. Были сняты перегородки между стенами, на 1,5 метра углублен пол, на крыше

сооружен голубой купол-луковка. Дело в том, что власти не разрешали, чтобы церковь была выше других домов. Поэтому пришлось углубляться, поскольку потолок в доме был очень низким. И в 1955 г., в день праздника Вознесения Господня, была освящена церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы. О. Севастиан был настоятелем этой церкви 11 лет – с 1955 по 1966 г., т. е. до дня своей кончины. Ныне он причислен к лику святых и известен как преподобный Севастиан Карагандинский. Его священническое служение – особая страница в жизни нашего города. О нем уже написано и издано несколько книг, составлено жизнеописание. Его по праву можно причислить к последним Оптиным старцам, поскольку он принял монашество в Оптиной пустыни и находился там несколько лет. Был келейником Оптинских старцев, сначала Иосифа, а затем Нектария. В 1933 г. осужден за веру и семь лет пробыл в заключении, из них шесть – в Карагандинском лагере (Карлаге).

Святейший патриарх Алексей II, посещая Казахстан, назвал казахстанскую степь огромным антимином, распростертым под открытым небом. В XX веке здесь несли свой христианский подвиг и нашли упокоение тысячи верующих во Христа.

После освобождения в 1939 г. о. Севастиан вначале тайно служил по частным домам. Мне довелось дважды в жизни общаться или, точнее, соприкоснуться с о. Севастианом. Когда мне было полтора года, он меня окрестил. Как мне рассказала моя крестная тетушка, старец ей тогда предупредительно и строго сказал: «Смотрите за ним...». Я был

худым и маленьким, и он очень удивился, что мне уже полтора года. Видимо, этим и объясняется его такое назидание моей крестной.

Второй раз я уже сам пришел к о. Севастиану. Мне было тогда лет 6-7. Он меня, помню, благословил и дал конфеты. Эти конфеты я запомнил на всю жизнь. Они делались из специальной ирисовой смеси и имели вид различных ягод и овощей, например, клубнички, вишенки, сливы, огурчика, помидорчика. Упакованы сладости были в красивую коробочку с рисунками.

Бывший узник Карлага, благолепный старец стал, несомненно, символом духовного обновления Караганды, небесным покровителем этого города. Не счесть случаев чудесной помощи, его молитвенного заступничества в самых тяжелейших жизненных обстоятельствах.

В апреле 2016 г. к памятной дате – 50-летию со дня кончины старца Карагандинского Севастиана – приходом Димитрие-Солунского храма деревни Яковлево Сергиево-Посадского района была издана книга с письмами преподобного. Эти письма включены в приложение настоящего издания.

Достойной преемницей старца впоследствии стала его духовное чадо настоятельница Богородице-Рождественского женского монастыря г. Караганды схиигуменья Севастиана, в миру – Лидия Владимировна Жукова (отошла ко Господу 7 июля 2015 г.). Матушка в моей жизни сыграла огромную роль, и я постарался поделиться с читателями всем тем, что знал о ней, о ее родных и близких. Родной отец матушки служил в бытность о. Севастиана диаконом.

Сам старец его выбрал и рекомендовал. Затем его рукоположили во священника, и он служил еще лет десять. Я был тогда уже юношей, приходил в церковь и помогал читать молитвенное правило и синодики.

В этой книге я не только делюсь своими воспоминаниями. В нее включены различные публикации, исследовательские работы по церковной истории в Карагандинской области, архивные документы. Я вел также переписку со священнослужителями Карагандинской и Алма-Атинской епархий. В частности, на мою просьбу откликнулся иеромонах Модест (Дроздов) – клирик Александро-Невского храма при женском монастыре «Взыскание погибших» города Астаны и передал мне жизнеописание схиигумена Евфимия (в миру Иоанна Семеновича Тимакова), которое я поместил в настоящее издание. В приложении книги приводятся, помимо писем преподобного Севастиана, документы из архива уполномоченного по делам церковей в Карагандинской области, которые, несомненно, могут вызвать интерес как у историков и краеведов, так и у обычных читателей. Таким образом, поэтапно раскрывается летопись духовной жизни в Караганде. Все упомянутые материалы и послужили основой для новой книги, издаваемой Димитрие-Солунским храмом д. Яковлево, – **«Духовные светильники Карагандинской земли».**

Протоиерей Вячеслав Брегеда

P. S. В публикуемых письмах преподобного Севастиана сохранена авторская орфография. Следует также помнить, что ряд духовных советов преподавался конкретным людям в конкретных обстоятельствах и требует рассуждения при применении в современной жизни.

Мои воспоминания о схиигумении Севастиане и Михайловском храме

Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалях изнемог:
Чем ночь темней, тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог...
А. Н. Майков, 1878 г.

7 июля 2015 г. скончалась настоятельница Богородице-Рождественского женского монастыря в г. Караганде схиигумения Севастиана. Матушка Севастиана знала меня с самого детства и помогала мне в духовном развитии. Посещая обитель в 2018 г., я, приложившись к частице мощей старца Севастиана и чтимым иконам, направился в трапезную храма. На комоду у стола стоял портрет матушки, и под ним я прочитал следующие слова:

Добрей ее мы не встречали,
Она всем столько придавала сил,
Ее все очень уважали,
Как жаль, что нет ее –
И опустел наш мир...

Схиигумения Севастиана (в миру Лидия Владимировна Жукова) родилась 15 апреля 1926 г. в селе Новохмелевка Самарской области в семье крестьян Владимира Яковлевича и Евдокии Васильевны Жуковых. Об этой местности есть в Интернете такая информация: «Новая Хмелевка – деревня

удельная при реке Большой Аврал, от уездного центра 60 верст, от станowego квартала 20 верст, число дворов 31, мужских персон 125, женских 170. (Из архивной переписи Самарской губернии, Ставропольского уезда за 1859 г.). Увы, этот населенный пункт не существует уже более сорока лет. А вот название бывшей деревни осталось благодаря храму Святого Архистратига Михаила. Он сохранился и величественно возвышается над полями ржи и гречихи, равнинной травой и крутыми склонами оврагов».

Игуменью Севастиану я знал лично, и она сыграла огромную роль в моем духовном становлении, поэтому мне хочется переместиться ко времени моего детства и описать, как проходила жизнь в Михайловском храме. С младенчества я здесь приобщался к церкви. Преподобный Севастиан меня крестил. С 1964 по 1966 г. я проживал в Алма-Ате с родителями и там услышал о смерти старца Севастиана. Когда мне исполнилось одиннадцать лет, мой отец снова привез меня в Караганду, и я жил под присмотром и попечением бабушки и тети. Моя бабушка, Анастасия Митрофановна, рано ослепла из-за катаракты. Помню, она меня посылала в храм ко всеобщей и к обедне по праздникам и в воскресные дни. Давала сорок копеек и при этом говорила: «Слава, это двадцать копеек на дорогу и еще двадцать копеек на свечечку!» Приходилось ехать двумя автобусами из поселка Мелькомбинат до Михайловки и обратно. В то время билет на проезд стоил пять копеек.

Я возвращался и докладывал, как прошла служба, но бабушка еще просила пересказать, какую проповедь говорил служащий священник. Мне хорошо запомнился тогда отец Леонид Барановский. Он был родом из Малороссии и говорил с характерным украинским акцентом. Проповеди его были яркие и очень убедительные. Помню, я подробно пересказал бабушке услышанную мною проповедь про жадную бабу. Бабушке мой пересказ очень понравился, и она даже заулыбалась. Постараюсь по памяти воспроизвести часть той проповеди. Священник, перемеживая и путая украинские и русские слова, говорил примерно так. «Була видна така баба скаредна, нікому не хотела давати милостиню. Пришла к ней ныщенка и стала просить дать ей хоть краюху хлеба. Та закричала на нее: «Пошла вон отсюда!» Це баба в это время полола грядку с морковью и швырнула в ныщенку подгнившей морковкой. Та взяла морковку и удалилась. Ночью с бабой приключился сердечный удар и она предстала перед Престолом Господним. Бесы ратуют: «Она наша – она нікому милостини не давала, всегда только для себя жила и ни с кем не считалась!» Ангел Хранитель тоже предстал перед Господом и сказал: «У нее есть одно доброе дело. Она подала морковку вчера голодающей женщине и таким образом помогла ей...» Господь тогда велел ангелу взяться за ботву морквы, а женщине держаться за сам корень, и если ее вытащит из озера огненного, то она будет спасена. Ангел взялся за ботву и стал тащить бабу на нэбо. Та обами рукама за моркву. Другие грешники бачут, як она стала

подыматься, и один из грешников ухватился за ее ногу и другой тако же за того, и так образовалася целая цепочка грешников. Она баче вниз, дрыгает ногами и кричит: «Это моя морква!» И вдруг обрывается. Вот як жадность губит людей!»

Отец Леонид недолго прослужил в Михайловской церкви и уехал впоследствии на Украину, я потом долго с ним переписывался.

Мне нравилось посещать Михайловскую церковь. Возле храма очень часто можно было видеть слепого, который добирался сюда с помощью огромной палки. Она была шершавая, зеленого цвета и одним концом под углом стертая. Он прислушивался к звуку машин, переходил сам дороги и отказывался от сопровождающих. Перед храмом сидели в два ряда нищие, им давали какие-то копейки. Мой друг Сергей Хмыров, впоследствии ставший священником, рассказывал, как он однажды решил проделать такой эксперимент. Он дал одному из нищих три рубля, солидную по тем временам сумму. Когда он это сделал, нищий от радости даже привстал и готов был целовать ему руки, кланялся и несколько раз благодарил. Через некоторое время Сергей все это повторил снова. Нищий ликовал и хорошо заметил своего благодетеля. На эти деньги он мог спокойно купить полбутылки водки или чекушку и достаточно закуски. Так было несколько раз, но однажды Сергей нарочно прошел около нищего и ничего ему не дал. Тот был раздосадован до крайности. Ему уже казалось, что его благодетель постоянно будет снабжать его трояками, и хвастался этим перед другими попро-

шайками. И тут вдруг такой поворот. Проходя далее, Сергей услышал вдогонку себе вопль недовольства и обрывки фраз: «Вот гад, зажал мои деньги, прошел мимо. Эй ты, гони трояк!»

На территории храма можно было видеть и другого известного в наших краях нищего — Андриюшу. Он никогда не сидел вместе с другими попрошайками. Его место было где-то на отшибе, и он ничего ни у кого не просил. Ему подавали краюхи хлеба, мелочь, конфеты или фрукты. Он брал, но при этом всегда говорил: «Иди, работай!» Лидия Владимировна Жукова, будущая игуменья, почему-то всех уверяла, что он так говорит неспроста, это означает: надо молиться. Его почитали блаженным, просили у него молитв. В некоторых глубоких жизненных вопросах он давал очень разумные советы, и к нему прислушивались. Лидия Владимировна часто к нему подходила и о чем-то спрашивала.

В большие двенадцатые праздники по благословению отца Севастиана на территории храма после службы устраивали длинные столы с яствами и всех прихожан кормили. В одной своей поездке по Афону я узнал, что в нашем Пантелеимоновом монастыре был такой случай. Накануне Успения, 14 августа 1903 года, в монастырь было доставлено письмо из Кинота (Управление монастырями). Кинот требовал отменить раздачу милостыни. Прошел праздник, и через неделю монахи решили в последний раз раздать подаяние, а затем объявить нищим, что впредь, по решению Кинота, раздачу прекратятся. Решили на память сделать об этом фотографию. Когда проявили фото, увидели стоящую

вместе с братией женщину в длинном черном платье. (Женщины не могут вступать на полуостров). Братия признала в ней Богоматерь – покровительницу Афона и решила продолжить кормить паломников, какие бы ни были трудности. Сегодня на месте явления Божией Матери установлена гранитная плита, на которую переведено изображение с фотографии. Рядом в 2011 г. была построена часовня и написан образ Божией Матери «Светописанная». Подобный образ хотелось бы видеть и во дворе Михайловской церкви. Слава Богу, кормления прихожан там продолжаются и до сих пор.

Храм в двенадцатые праздники особо преображался. На Богородичные праздники покрывало на аналое и украшения над иконами были голубоватого цвета. На Троицу, Богоявление и в поминальные дни они были белого цвета, в пост – черные, а на Пасху – красные. При этом на Господские праздники и Сретение Господне служили в золотых или желтых облачениях. Так служили в России при государях и императорах не одно столетие. На престольный праздник Рождества Пресвятой Богородицы все украшалось желтым цветом, так как Богородица была той зарей, после которой пришел сам Христос Спаситель – Солнце Правды. Рассказывают, как однажды владыка Иосиф, митрополит Алма-Атинский, приехал служить сюда на престольный праздник, но иподьяконы его взяли только голубое облачение. Владыка быстро принял решение и сказал: «Как здесь заведено, пусть так и будет!» Сам он служил в голубом облачении, а все духовенство – в желтом.

Архимандрит Севастиан установил в своем храме тот порядок богослужения, который был еще в Оптиной пустыни.

После всенощной читались долго молитвенные правила ко Святому Причащению, и поэтому приходилось возвращаться поздно. Вечером моя бабушка и тетя говорили мне: «Слава, тебе завтра причащаться, поэтому нельзя пить чай и кушать до причастия, а после уже можно, так всех нас благословлял отец Севастиан!» Уже в семинарии я расслабился и отошел от этого правила, хотя, думаю, такая строгость не вредит.

На литургии я стоял обычно около клироса и с нетерпением ждал, когда запоют Херувимскую и, наконец, Отче наш... Еще несколько минут, и батюшка выйдет с чашей. За мной внимательно наблюдали с клироса и как-то сказали моей крестной тете: «Ваш Слава кавалеристый, все с девочками да с девочками стоит, и он с ними дружит». Мне, действительно, нравились девчонки с клироса. После причащения мы выходили во двор и вкушали просвирки. Я съедал сразу три, но все равно оставался голодным. Потом меня угощали ими еще девочки, а иногда и конфетами. Кто бы мог представить тогда, что среди этой своры балагурящих ребятишек и сидящих беззаботно на скамейке во дворе Михайловской церкви находятся те, которые впоследствии станут священниками. Это ныне протоиерей Иван Сирота, и пишущий эти строки, а Геша Пономарев станет даже митрополитом, экзархом всея Беларуси, владыкой Павлом. Помню, рядом со мной часто сидели его сестры и мы

о чем-то без умолку болтали, кого-то дразнили, над кем-то насмехались. А теперь попробуй подступись, если он уже в епископском сане... После службы мы уходили в парк, катались на каруселях, девчонки угощали меня мороженым. Я уже не мог себе купить ничего, поскольку мой лимит в 40 копеек был полностью исчерпан. Иногда за хорошие отметки я получал добавочные двадцать или пятнадцать копеек и их сберегал на подходящий случай. Мороженое стоило 19 копеек, а карусель – 10.

Однажды в один из праздников в нашей компании кто-то сказал: «Пойдемте в Зелентрест к Лидии Владимировне, она сегодня работает и проведет с нами экскурсию».

Зелентрест был недалеко, в двадцати минутах ходьбы. Лидия Владимировна была буквально ошеломлена нашим приходом и просьбой девочек. Нас оказалось пятеро или шестеро, точно не помню. Она, видимо, была достаточно занята. Но отказать в нашей просьбе не смогла, хотя по ее виду чувствовалось, что у нее есть какие-то неотложные дела. Мы зашли в оранжерею экзотических растений, и она нам долго объясняла, что это за тропические диковины, а потом повела нас на свое рабочее место и предложила чай с соевым медом. Затем достала со шкафа сборник стихов Владимира Солоухина и зачитала нам такое стихотворение:

Раз я ехал, жажда одолела.
На краю села стоит избушка.
Постучался, встретила старушка,
Пропустила в горенку с порога.
Из ковша напился, губы вытер

И шагнул с ковшом к перегородке,
Чтоб в лоханку выплеснуть остатки
(Кухонька была за занавеской.
С чугунками, с ведрами, с горшками).
Я вошел туда и, вздрогнув, замер:
Средь кадушек, чугунков, ухватов,
Над щелястым полом, над лоханью,
Расцветая золотым и красным,
На скамье ютится Божья Матерь
В золотистых складчатых одеждах,
С ликом, над младенцем наклоненным,
С длинными тенистыми глазами,
С горечью у рта в глубокой складке.
— Бабушка, отдай ты мне икону,
Я ее — немедленно в столицу...
Разве место ей среди кадушек,
Средь горшков и мисок закоптелых!
— А зачем тебе? Чтоб надсмехаться,
Чтобы богохульничать над нею?
— Что ты, бабка, чтоб глядели люди!
Место ей не в кухне, а в музее.
В Третьяковке, в Лувре, в Эрмитаже.
— Из музею были не однажды.
Предлагали мне большие деньги.
Так просили, так ли уж просили,
Даже жалко сделалось, сердешных.
Но меня притворством не обманешь,
Я сказала: «На куски разрежьте,
Выжгите глаза мои железом,
Божью Матерь, Светлую Марию
Не отдам бесам на поруганье».

.....

Постепенно стало мне казаться
Сказкой или странным сновиденьем,
Будто бы на кухне у старушки,
Где горшки, ухваты и кадушки,
На скамейке тесаной, дубовой
Прижилась, уютится Божья Матерь
В золотистых складчатых одеждах,
С ликом, над младенцем наклоненным,
С длинными тенистыми глазами,
С горечью у рта в глубокой складке.

Многого я не понимал из ее наставлений, но они, как семя, всё равно произросли в моей душе и дали росток. Возвращаясь в дом, я все о своих похождениях пересказывал бабушке и тете. В это время гостил мой крестный дядя Юра, и он вспомнил, как в годы своей юности они ходили вместе с Лидией Владимировной и моей крестной тетей Ксенией в кино. «Однажды нас четверо пошли в кинотеатр на какой-то зарубежный фильм, – начал он свой небольшой рассказ. – В те времена, конечно, неприличные кадры вырезали, но Лидия Владимировна и Ксения все равно не выдержали, закрыли глаза рукой, и пришлось нам уйти из кинотеатра, не досмотрев фильм». Далее он вспомнил, что в то время, когда меня крестили, при этом присутствовала Лидия Владимировна и помогала отцу Севастиану при совершении таинства. Я решил расспросить свою тетю, как проходило мое крещение и как она познакомились с Лидией Владимировной.

Тетя рассказала, что окрестить меня решили на дому, потому что я был слабенький. Она стала

расспрашивать обо всем в церкви и ей дали в помощь Лидию Владимировну.

Когда все было оговорено, приехал мой крестный, который учился в горном институте. Покрестили меня в назначенный день в землянке на улице Памирской, там, где мы тогда жили. Жилье состояло из маленькой кухоньки и еще одной комнаты четыре на четыре метра; в этой комнате мы проживали вчетвером и как-то помещались. Сюда мы переехали из Осакаровского района 13-го поселка, куда были высланы. В моей памяти запечатлелся этот скромный уютный домик – колыбель моего детства.

Позднее мы перебрались на улицу Белорусскую.

Дядя Юра далее поведал, что с Лидией Владимировной всегда было интересно разговаривать.

«Их семья, так же, как и наша, – рассказал он, – была выслана в Казахстан как кулаки. Она об этом сама мне говорила. У них было четверо детей и мать с отцом. Везли их в поезде, в товарных вагонах. Сначала привезли в Акмолинск, там жили в шалашах. Сама она этого по малолетству не помнила, ей об этом рассказывала ее мать. Затем умерла самая младшая сестра, младенец Надежда трех лет. Лиде в это время пятый год шел... Из Акмолинска их после перевезли в Компанейск, в степь. А когда ей было 11 лет, они переехали в Большую Михайловку. Она почему-то думала, что Михайловка – это село Михайловское – пушкинское село. Все ее родные пережили ссылку, только младенец Надежда умерла. В Михайловке они тоже проживали в землянке».

Моя крестная подчеркнула такую деталь, что в землянке приходилось полы мазать глиной.

– Как мазать? – переспросил я.

– А вот так, полы были не деревянные, а земляные, и, чтобы они понаряднее смотрелись, их мазали глиной. Специально разводишь глину в воде в тазике и делаешь жижу. Затем берешь тряпочку, окунаешь в эту жижу и водишь по земляному полу. Она вскоре высыхает, и пол становится коричневым, как покрашенным. Лидие Владимировне приходилось также по дому убираться.

– А как она получила высшее образование? – переспросил дядя Юра.

– После окончания средней школы №1 города Караганды, – продолжила тетя, – Лидия из-за своей принадлежности к вере поехала в Ульяновск и поступила в сельскохозяйственный институт, чтобы получить специальность агронома. Помимо учебы, Лидия занималась легкой атлетикой, другими видами спорта, выступала в театральных постановках. В июле 1948 г. она участвовала во Всесоюзной спартакиаде по легкой атлетике на стадионе «Динамо» в Москве. Во время учебы Лидия познакомилась с чудным старцем по имени Василий (Василий Дмитриевич Струев), который был немощен телом, но силен духом. Он жил в селе Большой Урень Карсунского района. Его силы хватало на любовь ко всем людям, на молитвенный подвиг ради прощения людских грехов и облегчения чужих страданий. Из 82 лет своей жизни 45 старец Василий находился в неподвижном лежачем состоянии. Когда Лидия пришла первый раз к старцу, она рассказала о

родителях и посоветовалась с ним, ехать ли к ним в Караганду. Старец Василий сказал: «С Богом!» Перед отъездом к родителям Лидия еще раз была у старца, на Пасху. В то время старались жить скрытно и о вере никому не говорили. Даже ее родители не все ей рассказывали. К ним часто приходил отец Севастиан и совершал на дому службу. Потихоньку об этом кого нужно предупреждали, и она не всегда про то знала. Лидия как-то вспоминала, что иногда она приходила из школы и видела разлитую в комнате воду. Позднее она поняла, что кого-то здесь крестили, а от нее скрывали. Ее младший брат Иван погиб на фронте под Курском 12.02.1943 г. Старший – Александр на фронте не был. Он выучился на водителя и возил первого секретаря обкома партии, ездил на машине "Победа". Лидия Владимировна тоже имела водительские права и иногда садилась за руль, когда брат ей это позволял при отсутствии в кабине большого начальника. Мы с ней как-то ездили на машине правительственной марки "ЗИМ". Лидия Владимировна с 1952 по 1956 г. работала научным сотрудником Карагандинского опытного поля недалеко от города Темиртау, потом стала агрономом на Карагандинской станции юных натуралистов – опытников сельского хозяйства. Жизнь у нее всегда была яркой и интересной. Она любила классическую музыку, пение, преподавала Правила дорожного движения в Автомобильном учебном комбинате Управления автотранспорта Карагандинского совнархоза. С 1961 г. по апрель 1965 г. работала старшим агрономом Облконторы «Сортсемовощ». Затем устроилась старшим инженером по сельхозмашинам

в областное объединение «Казсельхозтехника», а в 1968 г. перешла работать агрономом в Карагандинский ботанический сад "Зелентрест".

– Лидия, когда мы ходили в кино, – продолжил разговор мой крестный, – читала нам стихи про мученицу, которая добровольно шла на страдания. Это была поэма Семена Надсона "Христианка". Я потом в библиотеке нашел это произведение.

Спит гордый Рим, одетый мглою,

В тени разросшихся садов;

Полны глубокой тишиною

Ряды немых его дворцов...

В последний раз я открываю

Мои дрожащие уста:

«Прости, о Рим, я умираю

За веру в моего Христа».

И в эти смертные мгновенья,

Моим прощая палачам,

За них последние моленья

Несу я к горним небесам:

.....

Простой народ тепло и свято

Сумел в преданьи сохранить,

Как люди в старину, когда-то,

Умели верить и любить!..

1878 г.

– Я поражался, – продолжал мой крестный, – как она знала практически наизусть всю эту поэму. Чувствовалось, это было сродни ее душе, и она сама была готова также идти на страдания. Когда я женился, она все время твердила мне, чтобы я скорее повенчался с Раей. Помнишь, Ксения, как мы вместе

ездили на поезде до Москвы, я поехал дальше на юг, и вы были на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ). Там вы сильно подружились.

– Да, мы вместе ездили на Украину и были в городе Харькове у твоего папы, – поддержала разговор тетя Ксения. – Когда она окончила институт, ей было адресовано такое послание. Оно у меня чудом сохранилось. Сейчас я его зачитаю:

"Первенцу химического научно-исследовательского кружка при УСХИ.

Дорогая Лида! В Вашей натуре, в Вашем характере имеется очень много хороших черт, и главной чертой является любовь к науке, любовь к исследованиям. Как жаль, что намеченного не довели до конца. Я очень желаю от души развернуть на производстве научно-исследовательскую работу. Я буду ждать от Вас через несколько лет Вашей первой научно-исследовательской работы. Внедряйте в производство опытное дело!!! Уважающая Вас всегда Е. Решеткина".

Преподаватели видели в ней будущее науки. Ей многие писали. Сохранилось небольшое письмо от Б. Туризина: "Знания, полученные в Ульяновском СХ институте, надо приложить на месте производственной деятельности:

заложите сад и ягодную плантацию;
заложите парники;
организуйте орошение сельскохозяйственных культур.

Желаю успехов в работе и личной жизни.

04.04.1952 г."

– Вообще Лидия Владимировна всегда была очень смелым человеком, – продолжила моя крестная. – Раз под Крещение Господне она нам говорит: "Девочки, сегодня в двенадцать часов вода везде освящается, так пойдёмте к колодцу и обольём себя колодезной водой в полночь". Так мы и сделали, взяли простыни, накинули на себя зимнее одеяние и к колодцу. Вода нас хорошо обожгла, на каждую вылили по ведру, и мы счастливые пошли домой...

Эту беседу моих крестных и моей бабушки я запомнил на всю жизнь и как мог по памяти воспроизвел. Все они уже отошли в иной мир, и я пользовался при написании литературными источниками и семейным нашим архивом.

Будучи священником, в перестроечное время я решил возродить крещенские купания. Они у нас в России устраивались еще с незапамятных времен. Вспомнил я и про Лидию Владимировну, и ее обливания возле колодца на Крещение. Я нашел единомышленников, и мы впервые окунулись в проруби на Крещение в 1990 г. Теперь на всем постсоветском пространстве окунаются на Крещение сотни тысяч людей разных вероисповеданий.

Однако вернусь снова к моим воспоминаниям о Лидии Владимировне.

Недавно я записал рассказ одного прихожанина Михайловской церкви про его знакомство с Лидией Владимировной. Вот его содержание.

"Моя мама познакомилась с Лидией Владимировной – впоследствии матушкой Севастианой – в начале 60-х годов. И как им было не познакомиться, если Лидия не проходила мимо, завидев человека в

скорби, унынии или в слезах... Никого она не оставляла без своего попечения и внимания, каждому стремилась помочь, и не только добрым, теплым, ласковым словом, но и делом. Посещала больных в больницах и на дому. Для кого-то что-то искала, находила, приносила, покупала! Она была всегда стремительной, озаренной милой улыбкой, легкой, живой, худенькой, стройной, в постоянном движении. Не сказать, что красивая! Нет! По обыденному представлению даже незаметная. Однако через минуту общения с ней начинали проявляться ее достоинства, ее богатейшее содержание, внутренняя красота, духовность, участливость, любвеобилие... И она становилась какой-то необыкновенной, пронизанной лучезарным светом и его же излучающая! И сразу становилась родной и очень близкой. А было ей тогда менее 40 лет. Мне же было 18 лет, когда она стала моим наставником и покровителем. Я тогда был студентом I курса медицинского института, впервые приехал из села в город, в котором нет ни родных, ни знакомых. Потом они, конечно, будут. А пока холодная осень, все чужое, надо бы к зиме одеться. А где, что? Всюду сплошной дефицит. На помощь пришла Лидия Владимировна (я так и звал ее тогда) и через весь город сопровождала меня в магазин «Одежда», что на Федоровке. Там почему-то оказался тот самый дефицит – немецкое пальто за 50 рублей. Недорогое, но красивое и стильное! Словом, неожиданно я превратился в уважаемого молодого человека. Денег она мне добавила, у меня таких не было. Стипендия-то 28 рублей. Так началось наше знакомство и дружба, продолжавшаяся полвека.

Не скажу, что мы часто встречались. К сожалению, нет. Но о своей молодости, учебе и работе до принятия монашеского пострига она кое-что рассказывала, как институт окончила и научным сотрудником в ботаническом саду работала. А еще в студенческие годы была участницей первой спартакиады народов СССР в Москве и играла за сборную Казахстана в волейбол как «распасовщица», организатор волейбольных атак! Вот откуда ее высочайшая подвижность, решительность, мгновенная оценка ситуации, находчивость, целеустремленность. А может быть, правильнее сказать, что как раз благодаря этим своим качествам она и стала настоящей спортсменкой. Много, много талантов у нашей матушки! Все, кто ее знал, непременно слушали с наслаждением многочисленные ее рассказы, разные истории, воспоминания. А сколько стихов на память по всякому случаю прочитывала она нам, да и сама их сочиняла! Блистала эрудицией в области всех жанров искусства. А главное, она знала и любила, и помнила всех нас по именам, знала наши нужды, чаяния. Нет человека, который бы побывал в ее келье и не получил ценного совета, а паче того, и что-то памятное – книжицу, иконочку, какой-то предмет духовного содержания и почти всегда что-то вкусненькое, сладкое! А прежде всего сладкое для души, полезное не только для телесного здоровья".

Жизнь прихода

В те времена в Церкви было далеко не все спокойно. В книге В. Королевой о владыке Иосифе "Свет радости в мире печали" (часть 3) отмечается: "Чтобы более понятна была атмосфера 60-х годов, в которые начинал свое служение в Алма-Ате владыка Иосиф, мы вынуждены напомнить о тех реформах, которые проводило государство по отношению к Церкви.

Не последней по значимости причиной наступления на Церковь были экономические расчеты властей. Тяжелый удар, связанный с невероятным повышением налога, был нанесен по материальной базе как Патриархии, так и в каждой отдельной епархии. Духовенство буквально разорялось.

Как образец, отражающий положение духовенства в этот период, можно привести письмо к владыке Иосифу клира Больше-Михайловской Рождество-Богородицкой церкви г. Караганды:

«Его Высокопреосвященству, архиепископу Иосифу Алма-Атинскому и Казахстанскому от священнослужителей Больше-Михайловской общины православных

Прошение

Обращаемся к Вам, Ваше Высокопреосвященство, с покорнейшей просьбой о выдаче на нас троих денежной ссуды в размере 6000 рублей (новыми деньгами) для окончательной расплаты с налогом, наложенным на нас в размере почти 11000 рублей на каждого. Осталось нам еще к уплате по 2000 рублей каждому к 15 ноября сего года.

Для расплаты с налогом нам пришлось взаимобразно занимать у верующих прихожан, а больше уже занимать не у кого, почему мы вынуждены обращаться к Вашему Высокопреосвященству с этой просьбой.

Мы даем обязательство в том, что из зарплаты, приходящей на наши руки, 50 % Церковный Совет ежемесячно будет удерживать с нас для оплаты ссуды, занятой из Епархиальных средств.

Мы выражаем надежду, что Вы, Ваше Высокопреосвященство, не откажете в нашей просьбе.

К сему: настоятель архимандрит Севастиан (Фомин),

Священники: А. Кривоносов, П. Коваленко».

Сам же владыка Иосиф не давил на приходы в отношении налогов. Он понимал нужды Церкви и нужды людей...

Когда владыка приезжал от уполномоченного, он вздыхал: «Отцы, для того чтобы сейчас быть служителем Церкви, нужно быть жертвой».

Владыка Иосиф часто паломничал в Аксайское ущелье к могиле преподобномучеников иеромонахов Серафима и Феогоста. Но особенно любил владыка Иосиф ездить в Караганду. Он говорил: «Караганда медом помазана», «Караганда на святых костях стоит» и «Поедем в благословенную Караганду». Ведь он сам последние шесть лет своего заключения находился в одном из многочисленных лагерей Карагандинской области, в поселке Актас, где работал на строительстве кирпичного завода, и видел, и пережил все ужасы Карлага. Приезжая в

Караганду, владыка ездил в Актас к своему бывшему бригадиру. У них были очень дружеские отношения. В 70-е годы Лидия Владимировна Жукова на автомобиле возила его в Актас.

В Михайловской церкви после открытия прихода был первым старостой Павел Коваленко, а в 1958 г. он был рекомендован старцем Севастианом на священство, а старостой стал Василий Денежкин, который вспоминал: "В 1958 г. наш староста Павел Александрович Коваленко принял священный сан. Батюшка позвал меня к себе и предложил должность старосты. И, как я ни отказывался, ссылаясь на свою неопытность в хозяйственных и строительных делах, мне пришлось за послушание принять эту должность и двадцать лет трудиться на этом поприще".

Дьякон Василий Денежкин запомнился мне, как очень благочестивый и добрый человек, пострадавший за веру в годы репрессий и отбывавший срок в Карлаге. Когда мне пришлось неделю послужить священником в Михайловской церкви, то произошел один памятный случай на литургии при чтении Апостольского послания. Помню, я сидел в алтаре у горнего места и говорю отцу дьякону, как уже достаточно пожилому человеку: «Присядьте, отче». Он в это время стоял недалеко от престола на одном колене и мне ответил: «Это вам, священникам, полагается сидеть при апостольском чтении, а нам, дьяконам, помощникам вашим, только можно стоять на одном колене, такое правило!»

Вот такие были строгие служители алтаря в Михайловской церкви.

Лидия Владимировна еще школьником водила меня к протоиерею Александру Кривоносову. Помню, зашли в какую-то малую каморку, вышел слабенький священник, что-то мне рассказывал, показывал какие-то журналы и выписки из них. Как выяснилось, это и был о. Александр. Впоследствии я зачитывался его книгой «Исповедь жизни». Наставления его были весьма полезными и запоминающимися: «...Каждый человек, заметив в себе какую-нибудь дурную, скверную склонность к чему-либо, должен постараться сразу ее искоренить, чтобы она не развивалась и не овладела им. Наш общий враг, сатана, заметив в нас что-либо скверное, страстное, старается каждого подталкивать в соответствующем направлении, чтобы привести к совершению греха и укоренению страстей» (Протоиерей Александр Кривоносов. Исповедь жизни. Москва. Паломник, 2014 г., с. 23).

К концу школы мне нужно было выбрать, куда пойти учиться. Лидия Владимировна повела меня к матушкам и попыталась направить в медицинский институт. Она так и говорила: «Слава, станешь хирургом, будешь лечить людей, а потом выучишься на священника и у тебя будет возможность причащать больных людей на месте своей деятельности».

– Может быть, ты читал сказку Андерсона «Дикие лебеди» об одиннадцати братьях или видел фильм об этом? – спросила она как-то меня.

Я ответил, что смотрел мультфильм.

– В сказке говорится о принцессе, – начала она как бы пояснять мне, – которой давалось такое повеление: «Ты нарвешь крапивы, хотя твои руки

покроются волдырями от ожогов; потом разомнешь ее ногами, ссучишь из полученного волокна длинные нити, затем сплетишь из них одиннадцать рубашек-панцирей с длинными рукавами и набросишь их на лебедей; тогда колдовство исчезнет. Но помни, что с той минуты, как ты начнешь свою работу, и до тех пор, пока не окончишь ее, хотя бы она длилась целые годы, ты не должна говорить ни слова. Первое же слово, которое сорвется у тебя с языка, пронзит сердца твоих братьев, как кинжалом. Их жизнь и смерть будут в твоих руках! Помни же все это!» Вот и дело Божие надо делать всегда молча, как та девушка, и никому об этом не говорить. Ее обвиняли в колдовстве, но она готовила рубахи братьям и уже шла на костер до последнего момента, чтобы всех их спасти, так надо и Христу служить.

Вспоминая эти ее слова, в моей памяти почему-то и сейчас отчетливо звучит необыкновенный тембр ее сугубо нежного голоса. Голос у нее был удивительный. Подобного по красоте звучания я никогда не встречал. Когда она постарела, он изменился, стал более приглушенным и слабым.

Она не говорила ничего лишнего. Ее назидания я сравнил бы с резцом по стеклу, так они запечатлелись в моей душе и в моем сердце. Но тогда я поступил своевольно и матушку не послушался, стремился поступить на физико-математический факультет. Сдал физику и математику на пятерку, а русский язык провалил. Ушел впоследствии работать в геодезическую партию и ездил в командировки по Казахстану. До армии снова попробовал поступить в

горный институт, где когда-то учился мой крестный, но результаты оказались прежними.

Находясь на службе в рядах Советской армии, я скучал по Караганде и о своем родном храме. Вел переписку со своей родной тетушкой, моей крестной. Она сообщала мне все новости. В доме у Жуковых случилась большая скорбь. 27 октября 1974 г. скончалась матушка Евдокия – мама Лидии Владимировны. В том же году к ним пришла на жительство одна девушка, которую звали Людмила Б. Она готовилась к поступлению в университет и попутно вела дневник, в котором были отражены и события, связанные с ее проживанием у Лидии Владимировны. Лидия Владимировна сама ей посоветовала вести этот дневник. Этой женщине теперь уже за шестьдесят и она проживает со своей семьей в г. Рыбинске. Недавно я ее навестил, и она разрешила мне ознакомиться со своими дневниковыми записями. В своих воспоминаниях она в частности пишет: «Впервые я увидела свою будущую крестную Лидию Владимировну Жукову в отеческом доме в начале 70-х годов. Она приехала по работе в наш далекий Жанааркинский район по работе (степи Сары-Арки Центрального Казахстана – моя Родина). Моя мама по профессии агроном, пригласила будущую мою крестную переночевать. Мы с сестрой были тогда еще некрещеные, и Лидия Владимировна уговаривала маму отпустить нас покреститься в Караганде, но мой отец, будучи коммунистом и директором птицефабрики, и слушать об этом не хотел. Он был недоволен, что я общаюсь с семьей Жуковых. У нас часто возникали споры с ним по поводу религии и

веры. Это были довольно сложные моменты моей жизни, но с Божией помощью все решалось как-то благополучно. Я не хотела даже общаться с ним, хотя его любила. С ним жила моя младшая сестра Марина, и я ее очень жалела. Вторая встреча произошла в 1973 г. Лидия Владимировна приезжала в командировку со своим старшим братом Александром Владимировичем, и опять шел разговор о крещении нас с сестрой.

Богу было угодно, и в 1974 г. после окончания средней школы я решила поступить в Карагандинский университет на филологический факультет. Моя мама сказала мне, чтобы я пока пожила в доме у Жуковых (в семье моей будущей крестной). Я была полна возвышенных романтических идеалов, и мне предстояло пройти здесь свою школу жизни. Приняли меня очень радушно. Я была еще невоцерковлена. Тогда еще были живы отец Владимир и его матушка Евдокия, девица Мария – крестная моей крестной. Мне выделили большую светлую комнату, где я готовилась к экзаменам. Этот уютный небольшой дом щедро и гостеприимно принял меня и оберегал в течение одиннадцати лет, дарил душевное и духовное тепло. Крестная привела меня к познанию Господа. Она много приводила примеров существования Бога, ссылаясь на мнения различных ученых и писателей, а также на многие документальные источники. Говорила о необходимости веры для человека. Мне было очень интересно ее слушать. Так со мной еще никто не разговаривал. Она хорошо знала русскую литературу, умела декламировать стихи так, что мороз по коже пробирал. Ее любимые

фразы, которые я запомнила на всю жизнь: «Высшая власть – это власть над собой!», «Если у тебя есть тайна, – она твоя пленница, но если ты расскажешь ее, то будешь ее пленник!», «Всегда знай, что говоришь, но всегда говори, что знаешь!» Также цитировала Евангелие: «Надо идти не широким, а узким путем!» «Много званых, мало же избранных!» В феврале 1975 г. крестная меня окрестила в мои 17 лет. Я сознательно покрестилась и была очень довольна, душа моя ликовала. Мама моя была тоже рада (к тому времени она была очень тяжелобольная) и в 1975 г. умерла. Крестная приезжала к нам домой на ее похороны. После смерти мамы крестная заменила мне ее. Она очень заботилась обо мне, и я стала членом ее семьи. Крестная помогала мне в учебе: доставала учебники, словари. У меня были проблемы с немецким языком, и она познакомила меня с одним из своих сотрудников, католиком-немцем Иосифом из Ботанического сада (крестная в то время работала в Зелентресте). Он меня стал обучать немецкому языку. На первом курсе нас, студентов, послали на уборку овощей недалеко от Караганды. Как мы, девчонки, были удивлены, когда получили письмо от крестной на немецком языке! Мне пришлось довольно попотеть, чтобы перевести его на русский. Этим крестная хотела меня заставить заниматься немецким языком, не проводить время впустую. Как будущего филолога она решила меня приобщить к чтению «Журнала Московской Патриархии», который выходил регулярно каждый месяц. Особенно мы обращали внимание на статьи отца Анатолия

Просвирнина (впоследствии – архимандрит Иннокентий; скончался в 1994 г.). Он писал на темы древнерусского искусства и обратил мое внимание на труды Ключевского. Присылал нам альбомы по искусству со своими комментариями.

В дальнейшем моя жизнь сложилась следующим образом. Моя семья переехала в Россию в 2000 г., и нам пришлось нести свой крест на новом месте. Вспоминали батюшку Севастиана, дети хотели даже ехать обратно. Церковь нам помогла прижиться, и сейчас, спустя 18 лет, мы ни на минуту не забываем о своей малой родине, батюшкином храме в многострадальной Караганде, где царила любовь и братская поддержка».

Дневник Людмилы Б., на мой взгляд, по-своему раскрывает образ Лидии Владимировны как неутомимой, разносторонне образованной подвижницы благочестия и содержит некоторые важные моменты из жизни автора дневниковых записей в доме Жуковых. Имя Лидии Владимировны присутствует в дневнике, начиная с первых страниц. «Июль 1975 года. «В жизни каждого человека бывает наилучшая пора, когда он с повышенной жадностью копит впечатления бытия и неминуемо, каким бы молодым ни оставался до конца дней, потом лишь разбавляет запас накопленного наблюдениями новизны». Л. Леонов. «Русский лес». Вихров.

Случайно найденные эти слова в книге-романе Л. Леонова «Русский лес» помогли мне начать свой дневник. Наверное, и у меня наступила пора. Да, я коплю впечатления этого бытия, бытия которое подняло мои идеалы еще выше, до апогея. Открылась

еще одна веха в моей жизни, которая остается без внимания, которая получает толчки и удары со всех сторон. 23 июля моя сестра Марина вступила в этот (духовный мир), то есть приняла Святое Крещение. До этого ходили вместе (с Лидией Владимировной) к матушке Агнии сообщить о своем намерении, и она благословила. Угостила нас конфетами. К всеобщему удивлению дала всем по 13 конфет не глядя, просто горстью, потом добавила по две штуки, и получилось по 15 конфет, сразу по одной съесть. Сказала моей сестре Марине, что ей жить до 90 лет».

Однако снова вернусь к своим воспоминаниям. Жизнь везде проходит своеобразно, со своим укладом. Моя армейская служба проходила в г. Архангельске, в воинской части стройбата. Помню, как встречали первый армейский Новый год в посудомойке, а потом где-то в Архангельском районе строили дома для военнослужащих. Впоследствии я стал старшим геодезистом и мог свободно заходить в храмы города. Два года армии в воинской части города Архангельска пролетели довольно быстро. Еще в первый год своей воинской службы я решил навестить местный храм. Он находился в нескольких минутах ходьбы от места нашего базирования. Войдя в храм, я вдруг почувствовал, как будто снова нахожусь у себя дома в Караганде в Михайловской церквушке. Я подружился с бабушками, пекущими просфоры, и имел возможность регулярно посещать службы и читать толкование на Евангелие. Возвращаясь из армии в декабре 1975 г., я посетил Троице-Сергиеву лавру и навестил отца Петра (Горошко) – бывшего алтарника и водителя старца

Севастиана Карагандинского. Он тогда был иеромонахом. Впоследствии стал архимандритом. После смерти старца Севастиана отец Петр окончил семинарию и академию в Троице-Сергиевой лавре и вернулся служить в родную Караганду. О. Петр много рассказывал мне о Троице-Сергиевой лавре и привил особую любовь к этому святому месту. Вернувшись в Караганду, я вскоре встретил Лидию Владимировну. Она помогла мне устроиться на работу в таксомоторный парк, чтобы затем пойти учиться на водителя такси. Благодаря ее стараниям я смог и приодеться: у меня появилась теплая овечья шубенка. В Караганде зимой морозы достигают до минус сорока.

Во дворе Михайловской церкви можно было видеть как двое, а иногда и трое ведут ко храму под руки матушку Анастасию. Она шла медленно, пошаркивая своими огромными валенками с галошами по дорожке. Проживала матушка рядом с церковью, буквально в тридцати-сорока шагах. Она была вся перевязана пуховыми платками, я всегда ее видел в таком наряде зимой и летом. Очень интересную историю про ее валенки рассказал мне прихожанин Михайловской церкви Анатолий Еремеев, ныне медицинский работник. Его рассказ я помещаю ниже.

«Как-то осенью, минуя людные улицы и остановки, в общем, любые скопления людей, можно сказать «огородами», к Богородице-Рождественскому храму с мешком в руках пробирався молодой юноша, на вид лет шестнадцати-семнадцати. В руках у него был большой мешок, который выдавал в нем

деревенского человека. В мешке – громадные, непомерной величины валенки. Такие редко носят даже и в деревне, а тут – город! Он, видимо, стеснялся своего «груза», и потому, обогнув кинотеатр «Мир», проулками пробирался к церкви. Да и не только из-за валенок, а еще и потому, что являлся студентом медицинского института. А студенту в церковь ходить опасно, могут за это и отчислить из института, если попадешься. Робея, смущаясь, оглядываясь, он вскоре оказался в ограде церкви, где его ждала Лидия Владимировна, чтобы принять эти валенки и вручить их матушке Анастасии. Матушка, собственно, попросила эти валенки-чесанки, мягкие и большие размером, для своих больных ног. Валенки валяли в Осакаровке в пимокатном цехе по заказу матушки Надежды. Эти валенки, как ей хотелось, должны были стать пожертвованием для поминовения ушедшего из жизни ее сына – Харлампия. Брат покойного, студент Анатолий, и принес их в храм. Матушка Анастасия, как известно, несла подвиг юродства, а оттого у Анатолия был трепет и легкий страх от предстоящей встречи. Матушка сидела на завалинке перед окном кельи батюшки Севастиана и грелась на солнышке. Как всегда, она была странно одета и обута в разную обувь. Она взяла из рук Лидии Владимировны мешок и достала валенки. И даже не посмотрев на них, грубовато произнесла свой приговор: «Маленькие. Мне поболее нужны». И это при том, что были они весьма большие. Однако не вернула их, а, отодвинув в сторону, попросила поболее.

Ее просьба была выполнена. Вновь студент через какое-то время повторил свой рискованный путь к храму с еще более громадными валенками, все так же испытывая стыд и опасаясь комсомольских активистов. Но матушка Анастасия к великому огорчению всех присутствующих при сем деле снова возразила: «Малы!» и отдала их Лидии Владимировне, чтобы та передала одной из монахинь. Первая пара, кстати, также была передана монахиням.

В третий раз студент понес валенки, которые уже и в мешок не вмещались, а потому были завернуты каким-то покрывалом, и оттого студент выглядел еще более комичным. В таком валенке запросто мог спрятаться годовалый ребенок. На этот раз матушка дар приняла без возражений: «Эти как раз! Такие мне и нужны».

Как участник тех событий хочу дать небольшое пояснение. Весь «секрет» заключался в том, что валенки матушка обувала поверх, скажем, тапочек или калош, не снимая последних. Так, она считала, ей удобнее. К тому же таким образом она обеспечила «здоровой» добротной обувью, каковыми всегда были валенки-чесанки, еще двух монахинь.

О матушке Анастасии и ее прозорливости ходило немало разговоров. Неоднократно я обращался к ней лично, и она мне помогала. О каждом таком случае можно написать отдельную историю. О прозорливости матушки рассказывала как-то и Лидия Владимировна в связи с последним приездом в Караганду владыки Иосифа. О приезде владыки верующих долго не ставили в известность. Только накануне вечером выяснилось, что на следующий

день он уже будет служить литургию. И эта весть молниеносно разлетелась по всей Караганде. Толпы богомольцев с раннего утра отовсюду спешили в родной храм, чтобы утешить сердца в совместной благодатной молитве с дорогим архипастырем.

Как обычно, ни на минуту не опаздывая и не поспешая, под радостный перезвон мелодичных колоколов, ровно в девять утра остановилась у паперти храма Рождества Пресвятой Богородицы церковная машина. По древнему русскому обычаю церковный староста приветствовал преемника апостолов хлебом-солью и краткой речью, а женщины – букетами цветов. По пути, осыпанному лепестками роз, владыка вошел в храм. Торжественное богослужение маститого иерарха, воодушевленное пение хоров, трогательное приветствие преосвященного митрополита к карагандинской пастве – все это оставило неизгладимое впечатление в сердцах верующих. Долгие еще часы толпы богомольцев не оставляли церковный двор, как бы выражая тем глубокую признательность за полученное духовное утешение и радость церковной молитвы.

О том, что этот приезд в Караганду станет для владыки последним, он услышал на церковном дворе, когда увидел матушку Анастасию. Она была в своем привычном старческом одеянии. «Благословите, владыка! – грустно произнесла она. – Мы больше не увидимся». Но владыка не хотел это предсказание воспринимать всерьез и, вернувшись домой, недовольно ворчал: «Подумаешь, она предсказала, что я больше не буду в Караганде! Все, еду в

Целиноград, а на обратном пути заезжаю в Караганду!» Но этого не произошло. Владыка действительно летом поехал в Целиноград, но в Караганду не попал. Обстоятельства сложились так, что из Целинограда ему срочно пришлось вылететь в Алма-Ату. А вскоре у него случился приступ, и 4 сентября 1975 г. владыка почил.

Дом Жуковых

После учебы на водителя и получения водительских прав я стал ходить к Жуковым домой и читать с отцом Владимиром келейные молитвенные правила. И вскоре дом на улице Пищевой поселка Мелькомбинат сделался для меня таким же родным, как и собственный. С тех пор прошло много лет. И вот недавно меня снова пригласили в этот дом, с которым связано так много добрых впечатлений моей юности и молодости. На мое удивление, дом почти не изменился. С внешней стороны его немного обновили, внутри добавились некоторые удобства, а так все в нем, как и было раньше. В зимнее время после праздника Рождества Христова мне мальчишкой приходилось ходить по домам верующих и славить Христа. Заходишь в дом, поешь тропарь и кондак празднику Рождества Христова и за это получаешь всякие сладости. На Мелькомбинате было много верующих семей, так что за день-другой не справишься. Приходилось хаживать почти все Святки. Посещение дома Жуковых было уже неким финалом, просто так из него не отпускали. Приглашали обычно за стол, выставляли лучшие варенья из крыжовника или из каких-либо других

ягод. Как мне казалось, в семье Жуковых царил настоящий дворянский аристократический дух и высочайшая интеллигентность. В моей памяти отчетливо запечатлелся незабвенный образ скромного и почти всегда молчаливого священника отца Владимира Яковлевича. Лидия Владимировна всегда о чем-то хлопотала по хозяйству и при этом напевала или рассказывала какую-нибудь историю. Она мне напоминала сказочную певунью лесов и полей. Очень хорошо я запомнил, как она с артистической интонацией красиво и выразительно читала стихотворение Ивана Козлова «Вечерний звон»:

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом.
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!
Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.
Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет.
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!
1827 г.

Мама ее, Евдокия, всегда была очень серьезна. Никогда не выражала никаких эмоций. Сядет, бывало, рядышком со мной и всегда что-то подсовывает из всяких кушаний. Мы иногда приходили всей своей церковной ватагой ребят, которые постоянно посещали храм. Всем нравилось именно под конец зайти к Жуковым, и потом уже можно было расходиться по домам.

В дневнике Людмилы Б. есть очень интересные страницы, как проходили встречи с различными гостями в доме Жуковых. Вот как она повествует об одной из таких встреч.

«Октябрь 1975 г. Почему-то никаких дум и мыслей. Порой бывает страшно, что в последние дни совсем ни о чем не думаю. Наверное, просто некогда. И вообще кажется, кому какое дело до кого. У каждого своя жизнь, свои заботы. Кажется, что еще всё впереди, о чем я только смутно пытаюсь догадаться. В то же время, где-то в уголке души чувствуется шевеление долга. 18-го была у Лидии Владимировны, приехала за учебниками, возвратилась поздно, после ужина молились, услышали стук в окно – «очередной посетитель», да еще кто! С «гражданским» выражением лица вошли Шура и отец Герман с чемоданом в руке. Не смея взглянуть, взяла благословение и, естественно, заторопилась к себе в комнату. Увидя, что я ухожу, батюшка вынул фотографии, на которых запечатлено погребение митрополита Иосифа. Отец Герман тоже там присутствовал. Шура угостила яблоком из Алма-Аты.

28 октября. Боже, какая масса разных событий, впечатлений, взглядов за одну неделю! Эта быстро

осуществленная поездка в Актас положила начало всем остальным последствиям... Если мы на исповеди должны говорить все свои сокровенные мысли и чувства, то неужели Господь не увидит того, что мы не высказали, не поймет, что высказано с глубокой силой убеждения, а что просто для отвода глаз... Лидия Владимировна подготовила почву для рассказа, что у меня будто завелись любовные делишки. Ничего подобного, пусть и не думает, что я слишком легковесно поддаюсь «веселой» современной жизни – нашла рыцаря, никак нет!.. Здесь же масса факторов и чувств, зависящих друг от друга. Все же, я думаю, что тоже допустила некоторую слабость. Значит, острый вопрос, требующий немедленного рассмотрения.

27 октября был год новопреставленной матушки Евдокии, мамы Лидии Владимировны. Все было благополучно. Даже сфотографировались на прощание... Хочу поделиться сама с собой насчет еще одного «персонажа»*, Славы. Когда он пришел первый раз с Лидией Владимировной, я решила сразу не знакомиться. По голосу же заочно определила, что он спокоен (понятие относительное, если натолкнешься на то, что он знает, то разговаривает с видом довольно-таки знающего человека, умеющего рассуждать), говорит без тени сомнения, твёрдо. По моему, характер его равномерный, но я заметила, что он бывает и вспыльчивый, спорящий с яростью. Пока

* *Этим «персонажем» Людмилы был я сам, пишущий эти строки.*

я гостя не увидела воочию, голос его дал мне совершенно неверные первые суждения о нем самом. Речь его была довольно простая, лексика разговорная простонародная, даже нельзя сказать, что он читает научные книги или художественные (хотя оказалось затем, что он увлекается философией, логикой, математикой), но если он начинает говорить чисто на определенную тему, то он ясно её представляет, чётко формирует словесно и показывает знание – это его умение логически, последовательно мыслить. Просто удивительно, несмотря на это, в простом разговоре он не показывает себя так же и довольно просто выглядит. В то же время лишен языкового «слуха, чутья». Он не обращает внимания на интонацию, то есть сосредоточен только на чем-то отдельно. Наверное, это свойство всех, изучающих точные науки. Конечно, это ещё надо проверить (я это не утверждаю, а предполагаю). Грамотность его сносная, но в отношении русского языка очень много сомнений (в смысле правописания слов). Тоже считает, что русская литература, в некотором смысле, – легкое занятие. Стоит выучить правило, и нет проблем. Тем не менее он, может быть, и не знает, в каких случаях пишется одно «н», а в каких два. В математике он может не помнить какой-то формулы, но с языком это не проходит, тут нужно все помнить... Лично я провожу аналогию между предметами гуманитарных и точных знаний. Необходимо как и математическое чутье, так и языковое. Считаю, что нужно с ним поспорить по этому вопросу. На вид он мне не понравился. Весь коричневый – и волосы, и глаза, и свитер. Смотрит

как-то исподлобья, наклонив вниз голову. Зубы щербатые, что, может быть, и так немного его портит. Рост его немного выше среднего. О внешности, как видно, не заботится; зимой в куртке. Руки у него белые, слабые, словно не развиты физически. Батюшка отец Владимир сказал, что у меня и то руки более-менее, а у него, как у Белоснежки. Лидия Владимировна запланировала сразу же перенос угля с его помощью. Лидии Владимировне он нравится за его спокойный нрав. Она хочет его направить по «тернистому» пути, но, как мне кажется, все это сомнительно. Он хочет знать всё, изучить всю вселенную, а что потом он собирается делать? Изучив это, точнее, как я поняла, на первом месте у него – познание мира, а что потом? Почему мне он уже надоел со своими сомнениями, которые я слышу от Лидии Владимировны? Если бы он был немного решительнее что ли, то я бы чувствовала себя немного бодрее в нравственном плане...»

Отец Владимир к концу 1975 г. часто болел и не мог служить как прежде, немощи давали о себе знать. Иногда он сидя вычитывал каноны дня и весь суточный круг богослужения. Я старался приходить каждый день вечером или днём, когда было свободное время. Помню, как-то я раздеваюсь и прохожу в его комнату, она первая справа от залы, спрашиваю благословение на чтение положенных молитв. В зале большая печка, от которой в зимнюю пору всегда шел жар, так как она топилась углем. Дом строился из расчета, что в нем можно будет совершать богослужения. Зала могла вместить более двадцати верующих, следующая комната предназна-

чалась как алтарь. Думается, в годы гонений здесь мог совершать литургию приснопамятный архимандрит Севастиан. В комнате все строго, ничего лишнего, иконки в святом углу подобраны по значению, среди них и изваяние херувима. Есть там и фотография старца Севастиана. С этой комнатой граничила другая – уютная спальня с лежанкой, где мог почивать старец Севастиан от своих трудов. В комнате отца Владимира, где он читал свои молитвенные правила, тоже не было ничего лишнего, вполне спартанская обстановка. Кровать, стол, пара стульев, святой угол с иконками, переносной и разборный амвон с духовными книгами и шкаф. Здесь могли священники принимать грехи исповедующихся. Надо было с отцом Владимиром вычитывать малую вечерню, великую, повечерие, а если утром был праздник, то утреню, часы и обедницу. Я спрашивал благословение, и мы начинали служить. Свет электрический был выключен, мирно горела лампадка у святых икон, и со свечой в руках мы читали положенные каноны. С 17:00 до 19:30 – вечерние молитвы, а утром, с 7:00 до 9:00, – утреню, часы, изобразительные и потом у нас был завтрак. Затем я бежал на занятия к 10:00. Они закачивались около 16:00 с практикой вождения по городу. Дома даже ревновали, почему я все время у Жуковых да у Жуковых. Иногда я и ночевал у них, так что дома мне нелестно выговаривали по этому поводу и даже устраивали неприятные «сцены» и «разборки». Я спрашивал матушку Анастасию: «Правильно ли я все делаю?» Ее ответ был следующим «Направление жизни у тебя правильное!» Еда у Жуковых была

неприхотливая, в посты почти постоянно гороховая каша, практически и на первое и на второе. Наварят чугунок, потом разбавляют и на сковородке подогревают. Зато пироги с горохом были очень вкусные, особенно если с луком, да еще поджаренные. Сиделись обычно все вместе, отец Владимир по центру, а дальше все остальные.

За приемом пищи читали житие святых. Мне очень запомнилось повествование об Оптиной пустыни из книги «Оптина пустынь и ее время». Фрагменты из этого описания оставили в моем сердце неизгладимые впечатления. Ниже приведу один из них.

«Когда помирал старец отец Лев, то завещал скит день его кончины поминать «утешением» братии и печь для них в этот день оладьи. По смерти же его нашими старцами Моисеем и Макарием было установлено править на тот же день соборную по нем панихиду. Так и соблюдалась заповедь эта долгое время до дней и игумена Исаакия и скитона начальника Иллариона. При них вышло такое искушение. Приходит накануне дня памяти отца Льва к игумену пономарь Феодосий с предложением отменить соборное служение. Игумен не согласился. И что же после этого вышло. Видит во сне Феодосий, батюшка Лев схватил его с затылка за волосы, поднял на колокольню на крест и три раза погрозил: «Хочешь, сейчас сброшу?» И в это время показал ему под колокольной страшную пропасть. Когда проснулся Феодосий, то почувствовал боль между плечами. Потом образовался карбункул. Более месяца болел, даже в жизни отчаялся. С тех пор встряхнулись, а то

было хотели перестать соборно править. А в скиту в тот день келейник отца Иллариона Нил стал убеждать его отменить олады: «Батюшка, – говорит, – сколько на это крупчатки уходит, печь приходится их на рабочей кухне, рабочего отрывать от дела, да и рабочих тоже надо потчевать. Где же нам муки набраться?» И склонил-таки Нил скитона начальника – отменили олады. Тут вышло посерьезнее Феодосьева карбункула, с того дня заболел отец Илларион и уже до конца дней не мог совершать Божественную службу, а Нила поразила проказа, с которой он и умер, обессилев при жизни до того, что его рабочий возил в кресле в храм Божий. Мало того, в ту же ночь, когда состоялась эта злополучная отмена «утешения», на рабочей кухне в скиту угорел рабочий и умер. Сколько возни с полицией-то было! А там и боголюбцы муку-крупчатку в скит жертвовать перестали...» – добавил отец Нектарий к своему рассказу и заключил его такими словами: «Пока старчество еще держится в Оптиной, заветы его будут исполняться. Вот когда запечатают старческие хибарки, повесят замки на их двери, ну тогда... всего ожидать будет можно, а теперь: «не у прииде время». Батюшка помолчал немного, затем улыбнулся своей светлой добродушной улыбкой и промолвил: «А пока пусть себе на своих местах красуются наши красавицы-сосны»... Но вот что передает современный очевидец: «Хочу вам рассказать один эпизод поругания оптинских святынь. Уже после закрытия монастыря я с мамочкой по дороге к батюшке старцу отцу Нектарию в Холмищи заходил, часто в Оптину пустынь, которая

была превращена в лесопильную артель, а скит – в дом отдыха. Безжалостно спиливали великолепные сосны оптинского леса, визжали пилы, слышна была ругань рабочих, нет ни одного монаха. Грустно и тяжело было видеть настоящее, вспоминая духовный расцвет Оптиной в прошлом. Поклонившись тогда еще существовавшим могилам старцев, мы с мамочкой пошли к скиту, чтобы побывать возле благодатной хибарки старца. Подойдя к святым воротам скита, мы остановились и молча думали о батюшке, вспоминая, как в хибарке преподавал святое благословение старец. Вы помните, что в скит женщинам входить было нельзя, и можете себе представить наш ужас, когда мы увидели, что из скита святыми воротами Иоанна Предтечи выходит жирный брюнет с курчавой головой в трусах и его толстая супруга в купальном костюме и голый их отпрыск... трудно писать и говорить об этом...». Старцы предвидели это время, они получали благодатный огонек и знания от своих предшественников и передавали его своим восприимчикам... Познав личным опытом и прошедшие школу трезвения и умносердечной молитвы. Они, изучившие благодаря этому в совершенстве духовно-психические законы и лично достигшие бесстрастия, отныне могли становиться способными руководить новоначальными иноками в их «невидимой брани» на пути ко спасению. Старец должен проникать до самых глубин души человеческой, видеть самое зарождение зла, причины этого зарождения, установить точный диагноз болезни и указать точный способ лечения. Как искусный духовный врач, он должен ясно видеть

«устроение» своего ученика, характер его души и степень его духовного развития и непременно обладать даром рассуждения и «различения духов», так ему все время приходится иметь дело со злом, стремящимся преобразиться во "ангела светла", и, кроме всего, обладать и другими духовными дарами как прозорливости, чудотворения и пророчества».

Такие чтения чрезвычайно воздействовали на меня. Мне хотелось увидеть Оптину пустынь, перечитать поучения всех старцев. После чтения жития святых обычно Лидия Владимировна что-то еще добавит из прочитанного, попытается разъяснить или расскажет подобную историю, а то и даже какой-то стих, к примеру, про грибы Сергея Маркова «Мухомор»:

Подберезовик душистый,
Белый гриб — грибов король,—
Где-то в листьях, в травах мшистых
Ищешь их... Исчезли, что ль?
А красивый, длинноногий,
Несъедобный мухомор
У тропинки, у дороги:
«Рви меня!» — кричит в упор.
Так-то водится на свете:
Кто полезен и умен,
Тот не очень-то приметен,
На глаза не лезет он.
А другие — те, напротив,
Встанут выше, на дыбы.
Вы такого обойдете?
Вы ведь знаете грибы!
1952 г.

Отец Владимир большей частью был молчалив, но иногда вставлял в разговор какое-то значительное слово или предложение. К примеру, о дружбе: «С кем поведешься, от того наберёшься!», «Надо выбирать себе товарищей и друзей»... Лидия Владимировна нередко доставала Библию и зачитывала отрывки из книги Иисуса сына Сирахова. «Живущих с тобою в мире да будет много, а советником твоим – один из тысячи. Если хочешь приобрести друга, приобретай его по испытанию и не скоро вверяйся ему. Бывает друг в нужное для него время, и не останется с тобой в день скорби твоей; и бывает друг, который превращается во врага и откроет ссору к поношению твоему. Бывает другом участник в трапезе, и не останется с тобою в день скорби твоей. В имени твоём он будет как ты, и дерзко будет обращаться с домочадцами твоими; но если ты будешь унижен, он будет против тебя и скроется от лица твоего. Отдаляйся от врагов твоих и будь осмотрителен с друзьями твоими. Верный друг – крепкая защита: кто нашёл его, нашёл сокровище. Верному другу нет цены, и нет меры доброте его. Верный друг – врачество для жизни, и боящиеся Господа найдут его. Боящийся Господа направляет дружбу свою так, что, каков он сам, таким делается и друг его. Сын мой! от юности твоей предайся учению, и до седин твоих найдешь мудрость. Приступай к ней, как пашущий и сеющий, и ожидай добрых плодов ее: ибо малое время потрудишься в возделывании ее, и скоро будешь есть плоды ее. Для невежд она очень сурова, и неразумный не останется с нею: она будет на нем как тяжелый камень испытания, и он не замедлит

сбросить ее. Премудрость соответствует имени своему, и немногим открывается. Послушай, сын мой, и прими мнение мое, и не отвергни совета моего. Наложь на ноги твои путы ее и на шею твою цепь ее. Подставь ей плечо твое, и носи ее и не тяготись узами ее. Приблизься к ней всею душою твоею, и всею силою твоею соблюдай пути ее. Исследуй и ищи, и она будет познана тобою и, сделавшись обладателем ее, не покидай ее; ибо, наконец, ты найдешь в ней успокоение, и она обратится в радость тебе. Путы ее будут тебе крепкою защитою, и цепи ее – славным одеянием; ибо на ней украшение золотое, и узы ее – гиацинтовые нити. Как одежду славы ты облечешься ею, и возложишь ее на себя как венец радости. Сын мой! если ты пожелаешь ее, то научишься, и если предашься ей душою твоею, то будешь ко всему способен. Если с любовью будешь слушать ее, то поймешь ее, и если приклонишь ухо твое, то будешь мудр. Бывай в собрании старцев, и кто мудр, прилепись к тому; люби слушать всякую священную повесть, и притчи разумные да не ускользают от тебя. Если увидишь разумного, ходи к нему с раннего утра, и пусть нога твоя истирает пороги дверей его. Размышляй о повелениях Господа и всегда поучайся в заповедях Его: Он укрепит твое сердце, и желание премудрости дастся тебе» (Сирах. 6. 6-37).

Все это, конечно, я старался запомнить. Лидии Владимировне хотелось меня наставить и направить на монашество, но в то же время она поучала, если и выберешь спутницу жизни, то надо обязательно

перед этим молиться. «Собираешься по морю плыть – молись, идешь на войну – дважды молись, собираешься жениться – трижды молись!» При этом расскажет какую-нибудь прибаутку. «Пришел домой муж и говорит: «Жена, я сегодня кузнеца убил, в лесу закопал, только ты никому не говори». Проходит день, другой. Они поссорились, и жена говорит: «Я пойду и сдам тебя в полицию». Он ей: «Не выдавай». «Нет, пойду!» «Не выдавай». Но мы неумолимы. Пошла и сдала. Пришли за мужем, говорят: «Иди, показывай, где ты кузнеца закопал». Пошли в лес, под березой муж закопал коробочку, а там... кузнечик».

Напротив меня в это время сидела Людмила Б. и внимательно слушала. Я не думал и не представлял, что спустя сорок лет она мне покажет свои записи, которые заново раскроют и воскресят дни нашей молодости.

Вот одна из ее дневниковых записей того времени. «Перед Праздником Рождества Христова 1976 г. Лидия Владимировна сообщает, что на Новый год «едут гости», а кто, не говорит, но я догадываюсь. Господи, хоть бы мне остаться на Новый год здесь, хотя в душе знаю, что тяжело дома будет нашим одним без меня... Лидия Владимировна сообщила, что пора «очистить» себя. Опять переживания, а из-за чего, спрашивается? Из-за моей невнимательности, несерьезности, легкомыслия, незнания – вон, сколько всего набралось. Стыдно, до ужаса, как всё вспомню эту «свинку», то есть я». «8 января. Переговоры не состоялись с моими домашними. Домой не поехала. 31-го приехал Женя, родственник

Лидии Владимировны. Учится в 3-м классе, очень восприимчив, послушен, усердный. Все три дня, которые он жил у крестной, учил вслух многие молитвы и рождественские стихи. Вечером Лидия Владимировна, я, Слава и Женя пошли на обед к Таисии Григорьевне поминать батюшку старца схиархимандрита Севастиана. Там уже никого не было, только сестра отца Александра и мама его. Её, кажется, зовут Марией. Чрезмерное, по-моему, внимание было ко мне, и всё время она обращала на меня свои взоры: и то подаст и потом другое... 12 января. Не успела прийти, как все собрались и уходили славить Христа. Зашли к Поповым и там встретили отца Александра, тоже славил. Все вместе пошли к ним. Шли по парам. Я с отцом Александром, конечно, уже из чувства вежливости ему осталось со мной идти. Женя со Славой, а Лидия Владимировна – с тетей Катей. Естественно, я опять о своих зачетах говорила. Отец Александр что-то рассказывал, вспоминая из своей прошлой студенческой жизни, из чего я поняла, что система обучения у них практически отличается от нашей».

Кончина матушки Агнии

17 марта 1976 г. отошла ко Господу матушка Агния, одна из сестер-послушниц батюшки Севастиана. Мать Фекла пришла облачать ее. Села на стул напротив усопшей и произнесла: "Делаем так..." и тут же умолкла. При этом присутствовали отец Василий – настоятель храма и другие помощники. Отец Василий обратился к матери Фекле: "Как делаем-то?.." Но она ничего не отвечала. Толкнули

её, а она уже без чувств. Отошла в мир иной. Пришлось сразу двух монахинь проводить в жизнь вечную. Послушница матушки Агнии вспоминает: «С детства я была очень больной, до семи лет не ходила и до двадцати четырех лет не разговаривала, у меня случались припадки. В девятнадцать лет я пришла к батюшке отцу Севастиану, он меня принял и благословил работать на элеваторе, но там надо мной смеялись, потому что я была немой. А когда мне исполнилось двадцать четыре года, батюшка Севастиан меня исцелил – я заговорила, но еще плохо. Он благословил жить у матушки Агнии. Когда я пришла к матушке, то говорить стала лучше и научилась читать. Матушка исцелила меня от припадков – она все время читала над моей головой молитву священномученику Киприану, и припадки прекратились.

Не только меня исцелила матушка Агния. Одна женщина привезла к ней свою больную дочку. А матушка говорит: «Она еще замуж выйдет». А мать плачет: «Она же больная!» Они жили у матушки три дня. Матушка завела девочку к себе в келью, посадила около себя и покормила ее. А потом матушка за нее помолилась. И девочка поправилась, и стала говорить матери своей: «Мама, мама, я здорова!» Девочка выросла и замуж вышла». (Из книги «Живой воды неиссякаемый источник. Карагандинский старец Севастиан». Паломник. Москва, 2014 г., с. 315-316).

Да, такие были старицы в Михайловской церкви, я сам присутствовал при отпевании этих двух

монахинь, при жизни матушки Агнии Лидия Владимировна водила меня к ней за советом.

Молодежный центр

В дом Жуковых часто заходила молодежь, и здесь, можно сказать, образовался молодежный кружок. Вот что пишет об этом в своем дневнике Людмила Б.: «...Вчера вечером были гости: три брата и три сестры. Один из них Георгий, о котором так много рассказывала Лидия Владимировна (*в настоящее время – митрополит Минский Павел и экзарх всея Белоруссии*). Заехали перед самолетом. Должна сказать, что это дало мне тему для размышления. Честно говоря, он мне понравился. Держится скромно, даже интеллигентно, но не высокомерно. На мое «Здравствуйте!» ответил «Добрый вечер». Лишнего абсолютно ничего себе не позволяет. Одет был прилично и модно. Рубашка с широким галстуком, видно сочетание цветов. На лицо худощав, но ширококостен. В отличие от своих братьев и сестер, у него не такие полные губы. Очень выразительные глаза, кажется, голубые, что придает его лицу некое благородство. Он уже на 4-м курсе семинарии. Думается, что будет поступать и в академию. Вообще, как человек он приятен. Чем-то напоминает одного моего родственника».

Мне хочется перечислить имена будущих священников, которые часто заходили в этот дом, любили его духовную атмосферу и гостеприимство. Это были тогда еще юноши: Иван Сирота, братья Михаил и Сергей Хмыровы. Дневник Людмилы Б. тоже освещает такие встречи: «Вчера вечером

удостоили нас своим посещением будущие семинаристы – Сергей и Володя. Сергей, оказывается, с веснушками. Разговорчив, как и его брат Алексей. Владимир тоже интересен, застенчив, но и чрезвычайно любознателен. Чтение у них пока не отработано. У Сергея бас, в будущем обещает быть потенциальным певцом, если поступит...» *(был действительно долгое время протодьяконом в городе Алма-Ате. – Авт.)*.

За столом всегда читали жития святых. Мне хорошо запомнилось одно повествование о Пахомии Великом, где говорилось следующее. «В одно время в Тавеннисийском общежитии было до шести тысяч монахов. Здесь находилось 15 портных, 7 кузнецов, 4 плотника, 15 красильщиков, 20 дубильщиков кож, 12 погонщиков верблюдов, 20 садовников, 15 сапожников, 12 иноков, приготовлявших покрывала, 10 ночных стражей и 10 переписчиков. Иноки своим трудом приготовляли для обители все необходимое, и лишь немного им приходилось покупать в городах. Особенно распространено было среди киновитов выделывание рогож... Сам Пахомий плел рогожи. Во время своих посещений монастыря он не оставлял своего обычного ручного труда. По распоряжению аввы Феодора, здесь употребляли особенный способ плетения рогож: веревки не следовало сильно стягивать; в этом случае и труда было меньше, и рогожи выходили лучше. Когда Пахомий плел здесь свою рогожу, один мальчик, живший в монастыре, исполнявший в эту седмицу свою череду на этом послушании, откровенно заметил ему, что он не так плетет, как распорядился авва Феодор. Пахомий с

кроткою радостью выслушал замечание отрока и просил научить его, как именно следует работать. Мальчик показал Пахомию, как у них работают. Авва Пахомий тотчас же стал именно так плести рогожу... В киновии было очень много переписчиков. Эти опытные писцы усердно списывали те книги, какие были особенно полезны монахам, по указанию начальника. Трудились они с успехом: монастырские книгохранилища увеличивались, и каждый инок мог найти здесь для себя пищу духовную... Однажды братия просила его рассказать какое-нибудь из его видений. Замечателен ответ его. Не желая говорить о бывших ему видениях, с целью предостеречь от превозношения тех иноков, которых Господь сподоблял особенных духовных дарований, святой Пахомий сказал: «Тот, кто исполнен грехов, не получит благодати духовных видений. Но если ты желаешь иметь прекрасное и замечательное видение, то я укажу тебе на одно из них: когда ты увидишь человека благочестивого, скромного сердцем, чистого – вот прекраснейшее из видений: ты видишь Бога невидимого в этом видимом человеке. Не спрашивай другого видения, которое было бы предпочтительнее этого»... В это время в больнице лежал тяжкобольной монах, тело которого представляло кожу да кости: так он исхудал после продолжительной болезни. Когда этот инок попросил больничную братию дать ему немного говядины, те не соглашались на это. Тогда больной просил отнести его к авве Пахомию. Великий авва был поражен крайним истощением инока и отсутствием благоразумного сострадания в больничной братии. Он строго

сказал им: «Безумные, где страх Божий? Ведь Бог сказал: «Возлюби ближнего как самого себя». Ужели вы не видите, что этот брат почти мертв? Почему вы не дали ему того, чего он у вас просил? Я теперь не могу ни есть ни пить. Ведь есть различие между болезнями, и одна болезнь бывает более жестокою чем другая»... Пахомий боялся, как бы иноки не пристрастились к какой бы то ни было красоте на земле. Он боялся даже, чтобы стройность, изящество и красота храма не развлекали монахов. Усердно предостерегал святой Пахомий учеников своих от тщеславия. Он убеждал своих монахов творить подвиги в тайне, ради Бога, а не ради похвалы человеческой. Советовал им по внешности не выделяться из среды братии... Святой Пахомий сидел однажды с некоторыми старцами вне кельи, беседуя с ними о слове Божиим. В это время один брат пред дверью своей кельи приготавливал рогожу. Он работал с особенным старанием и в этот день успел сплести две рогожи. Он ожидал себе похвалы от аввы Пахомия. Видя его душевное состояние, Пахомий сказал своим собеседникам: «Не видите ли вы этого несчастного брата? Он потерял сегодняшний труд, так как возлюбил славу от людей более, чем славу от Бога; он самого себя утомил и душу свою лишил всякого успеха и прибыли»... Святому Пахомию Господь открывал и будущие судьбы иночества... Ему представилось, что некоторые из иноков находятся в пасти львов, иные – в пасти крокодилов, другие – среди огня, а некоторые – под горою, на которую напирают волны, – они стараются взойти на гору, но все их усилия оказываются тщетными. Они

все восклицали: «Господи, помоги нам!»... Увидев иноков в таком затруднении, Пахомий простер руки к небу и начал очень громко молиться, прося у Господа помощи для этих несчастных... Эта напряженная молитва продолжалась до вечера. Пахомию было открыто, что это видение относится к тому времени, когда его уже не будет в живых... Потом ему было открыто, как широко распространятся монастыри. Но вот в восхищении он видит какой-то очень глубокий, крутой и мрачный ров. В этом рву ходили в бесчисленном количестве иноки, не различая один другого и наталкиваясь друг на друга. Некоторые делали страшные усилия, чтобы выйти из этого рва. Одни из них успевали достигнуть до половины глубины, но потом стремглав падали. Многие жалостно зывали о сострадании. Некоторым удавалось, наконец, достигнуть самой верхней точки этой бездны – самого отверстия, откуда свет освещал для Пахомия этот страшный мрак; великую хвалу воздавали они тогда Богу. Придя в себя, Пахомий понял, что в этом видении ему открыто будущее состояние душ иноков, которые худо ведут себя – по своей ли небрежности или по вине худых руководителей. Пахомий с великою скорбью зывал к Богу, прося Его милости к монастырям и монахам. Он почти отчаивался за них. В ответ на свои вопли к Богу он услышал голос: «Пахомий, не забывай, что ты человек: все зависит от Моего милосердия».

Настоящая жизнь, говорил он, быстро проходит, и смерть приближается к нам. Смерть может внезапно постигнуть нас, когда мы совсем еще не готовы. Человек поэтому всегда должен усердно

исполнять заповеди Божии, не оставляя без внимания ни одной. Мысль о блаженстве праведных и о мучениях грешных всегда должна быть с нами. При виде могил нашей братии мы не можем не думать о тленности человека, о том, что настоящая жизнь не заключает в себе чего-нибудь такого, чем можно было бы гордиться, к чему можно было бы иметь пристрастие. Святой Пахомий настойчиво предупреждает иноков, что именно они, отрeksiеся от мира, будут более всех жалки, если будут поступать вопреки своему долгу, если будут вместо Бога служить диаволу и греху. Великий авва приглашает своих учеников усердно трудиться для своего спасения, делать все возможное и всегда возлагать упование на Бога... Преподав инокам и особенно их начальникам много полезных наставлений, святой Пахомий скончался в четырнадцатый день месяца Пашонс, вероятнее всего – в 348 г., 53 лет от роду... Утром была принесена за него бескровная жертва. Затем братия с пением отнесла тело Пахомия к горе и похоронила по обычаю... Возвратившись в монастырь, братия с великою скорбью говорила друг другу: "Поистине, мы сегодня осиротели".

При этих словах Лидия Владимировна и отец Владимир опечалились, и батюшка сказал: «Да, мы после смерти старца Севастиана тоже осиротели». Затем мы по обыкновению поблагодарили Господа за трапезу.

«Балавариани»

В Михайловскую церковь иногда приезжали гости из столицы. Все они шли за духовными советами к матушке Анастасии. Одним из таких почитателей матушки был приснопамятный схиархимандрит Иннокентий (Просвирнин). Начал он посещать Караганду в конце шестидесятых годов. Мне он тогда запомнился стройным молодым человеком, которого звали Анатолием. Обычно он имел при себе фотоаппарат и всегда что-то фотографировал. В 1970 г. он стал священником-целибатом, то есть принял сан, но не женился и не принимал еще монашества. Наши встречи с ним в Михайловской церкви были нечастыми, однако я его очень хорошо запомнил. К нам в Караганду потом перебрались жить его родные племянницы, и он стал приезжать почаще. Как-то, сидя во дворе Михайловской церкви, мы разговорились. В беседе я поднял вопрос о том, что сейчас нет уже старчества, какое было раньше, и все оскудело. Отец Анатолий с некоторым удивлением посмотрел на меня и ответил примерно так: «С твоим рассуждением согласиться не могу. Старцы и духовные люди, по-настоящему спасающиеся и угождающие Богу, будут всегда и есть, а вот добрых и настоящих послушников частенько не хватает. Вот это, пожалуй, более злободневно». Эти его слова мне прочно врезались в память. Помню, к нам подседа Лидия Владимировна и как всегда стала рассказывать свои какие-то истории. Мы разговорились о книгах, о том, что сейчас трудно купить или достать духовную литературу. Отец Анатолий в то время работал в

Издательском отделе Московской патриархии у владыки Питирима одним из главных его помощников. Он поведал, какие возникают трудности с выпуском даже Библии или простого молитвослова. Лидия Владимировна в свою очередь рассказала следующую историю (воспроизвожу по памяти то, что запомнил с ее слов). «Захожу я как-то в книжный магазин, чтобы взять в подарок какую-нибудь книгу. Смотрю – Пушкина нет, Лермонтова нет, Некрасова нет, Гончарова нет и так далее. Заходит казах с большим портфелем, чувствуется – интеллигент, и у продавца спрашивает: «Скажите, а у вас что-нибудь есть Абуладзе?» Продавец отвечает: «Есть». – «Сколько стоит?» – «Рубль девять». Он достает деньги, передает продавцу и получает книгу. Казах, не посмотрев на книгу, сразу положил ее в портфель. А я знала такое четверостишие:

Книгу не суди по переплету,
Человека – по одежде новой,
Переплетчик тиснул позолоту,
А наряды – дело рук портного.

Я подхожу к этому мужчине, и задаю ему вопрос: «Гражданин, почему вы взяли книгу, не посмотрев на нее?» Он отвечает: «Потому, что академик Абуладзе не переводит плохих вещей». Я благодарю гражданина и направляюсь уже к продавцу.

«Дорогой продавец, – обращаюсь к миловидной женщине, – дайте мне, пожалуйста, три экземпляра этой книги». Позднее я поняла огромную ценность этого издания и то, что книги духовного содержания надо издавать, подражая академику Абуладзе, в

невзрачном переплете и под каким-нибудь таинственным названием типа «Балавариани». В тот период времени, книги духовные либо переписывались или просто на пишущей машинке под копировку перепечатывались. В шестидесятые и семидесятые годы вряд ли можно было встретить издание о жизни святых. В Грузии умудрились под видом грузинского письменного памятника VIII–IX вв. выпустить книгу под названием «Балавариани» или «Мудрость Балавара» из известного нам жития подвижника Варлаама и царевича Иосафа. Инициатором этого издания был Илья Владимирович Абуладзе (1901–1968), грузинский филолог, армяновед, лексикограф, палеограф, доктор филологических наук, член-корреспондент Академии наук, заслуженный деятель грузинской науки. Книга вышла в 1962 г., объемом 160 страниц, в твердом переплете с цветными иллюстрациями, тиражом 100000 экземпляров. Из серии «Памятники древнегрузинской литературы» издательства «Заря Востока». Переводчиком памятника письменности была Бидзина Абуладзе. Впоследствии печатались отзывы об этой книге в официальной хронике: «В 1964 году Идеологический отдел ЦК КПСС счел ошибкой издательства Союза писателей Грузии «Заря Востока» выпуск массовым тиражом книги «Мудрость Балавара».

Это литературное произведение из серии «житий святых», изданное сотысячным тиражом на русском языке, вызвало большой интерес у верующих – православных, баптистов, пятидесятников, иеговистов. Книга была посвящена описанию того, как проповедники христианства обращали в христиан-

скую веру царей и народы Индии. В форме притч, диалогов и афоризмов излагалось библейское учение и нормы религиозной морали. Вывод идеологического отдела был таковым: «Полагали бы целесообразным поручить ЦК КП Грузии наказать виновных в ее выпуске и обратить внимание Госкомитета Совета Министров СССР по печати на необходимость усиления контроля за изданием литературных памятников».

Приближался мой день рождения. 20 июля, когда мне исполнился 21 год, Лидия Владимировна подарила мне эту очень интересную, но по внешнему виду не совсем привлекательную серого цвета книжицу под названием «Балавариани». Я зачитывался этой книгой по ночам и засыпал с ней. В моем юношеском воображении я переживал жизнь царевича, которому дано было все сполна, но он искал не временного, а вечного. В книге повествовалось, как царевич нашел мудрого своего наставника (Балавара) и он ему притчами разъяснял основы христианской веры. Книга оказала очень серьезное влияние на мое мировоззрение. Позднее, преподавая в Воскресной школе г. Хотьково, я часто рассказывал притчи из нее своим ученикам. Вот некоторые из них.

«Одного человека преследовал дикий белый слон. Гонимый сорвался в пропасть, но при этом он смог зацепиться за ветку дерева и стал оглядываться. Вверху он увидел слона, а внизу под деревом – рычащего дракона и две мышки, черную и белую, что грызли корни дерева, но на дереве он заметил дупло, в котором пчелы устроили свой улей, и из него капал

мед. Он стал облизывать мед, забыл про дракона, поджидающего его, и про все на свете».

«Что означает эта притча?» – задавал я обычно ребятам вопрос. Так у нас начинался урок. И они начинали думать и гадать. В конце концов, выясняем, что белая и черная мышь – это день и ночь, которые укорачивают нашу жизнь. Белый слон – есть смерть, которая преследует нас со дня нашего рождения. Дерево олицетворяет земную жизнь. Мед – житейская сладость, дракон – диавол, поджидающий нас.

Или еще другая притча: «Был некогда один великий и славный царь. Когда он однажды разъезжал на золотой колеснице с подобающей царской чести свитой, то встретил двух мужей, одетых в грязные и разодранные рубища, с бледными, изнуренными лицами. Царь знал их богатыми и тучными, но они постом изнурили свое тело. Увидев их, он, сойдя с колесницы, пал перед ними на землю, приветствуя их. Сопровождавшие его вельможи и знатные люди были недовольны этим, полагая, что он поступает не по царскому достоинству, но, не осмеливаясь порицать его, они просили его брата сказать царю, чтобы он не унижал царской короны. Когда тот сказал об этом своему брату и порицал неуместное его унижение, царь дал ему ответ, которого его брат не понял.

У этого царя был такой обычай, что когда он издавал относительно кого-нибудь смертный приговор, то посылал глашатаев к дверям осужденного с трубою, нарочно для этой цели предназначенной, звуком которой все извещались, что такой-то

приговорен к смертной казни. Когда наступил вечер, царь послал трубить в означенную трубу у дверей своего брата. Последний, услышав звуки смертоносной трубы, отчаялся в своем спасении и целую ночь писал завещание касательно своего имущества. На рассвете же, одевшись в черные траурные одежды, он отправился с женой и детьми, плача и рыдая, к дверям дворца. Введя его во дворец и видя в таком горе, царь сказал: «О, безумный! Если ты так испугался глашатая, посланного твоим единоутробным и равным по сану братом, относительно которого ты уверен, что ни в чем не провинился перед ним, то как ты можешь укорять меня в том, что я смиренно приветствовал глашатаев моего Бога, возвещающих мне смерть и страшное предстояние пред Господом, пред Которым я чувствую себя много и тяжело согрешившим. Так вот, поэтому я уличу и подстрекавших тебя укорять меня, уличу в том, что скорее они безумствовали, чем я».

Дав, таким образом, своему брату полезный урок, царь отпустил его домой. Между тем он приказал сделать четыре деревянных ящика. Позолотив два из них со всех сторон и наполнив их смрадными костями мертвецов, запер их золотыми крючками. А остальные, вымазав смолой и асфальтом, наполнил драгоценными камнями, жемчугом и различными благовонными веществами. Перевязав их волосяными веревками, он призвал вельмож, осуждавших его за встречу с упомянутыми мужами, и положил пред ними четыре ящика с тем, чтобы они оценили достоинство каждого. Вельможи определили, что позолоченные два ящика очень ценны,

потому что в них, наверное, царские короны и царские пояса, а вымазанные асфальтом и смолой,— малой и жалкой ценности. Тогда царь сказал им: «Я знал, что вы скажете это. Вы своими наружными глазами обращаете внимание и цените только внешность, но не так следует делать: следует внутренними глазами смотреть на внутреннюю ценность или бесценность». И приказал открыть позолоченные ящики. Страшный смрад понесся оттуда, и самый неприятный вид представился их глазам. «Это подобие людей, одетых в дорогие и блестящие одежды, гордых своей славой и могуществом, внутри же смрадных, подобно трупу, по причине своих дурных дел»,— сказал царь. После этого он велел открыть ящики, вымазанные смолой и асфальтом. Тогда прекрасный вид представился всем присутствующим, и кругом распространилось благовоние. Царь обратился к ним и сказал: «Знаете ли, кому подобны эти ящики? Бедным, одетым в убогие одежды. Видя их внешность, вы сочли унижительным для меня преклониться пред ними, а я, познав сердечными очами благородство и красоту душ их, почел для себя за честь прикоснуться к ним и счел их выше царского венца и царской пурпуровой одежды». Пристыдив вельмож таким образом, он научил их не судить по внешнему виду о достоинстве человека, но обращать внимание на духовную его сторону».

В Рождественские праздники мы мастерили специально такие ящички. В плохие вкладывали дорогие подарки и конфеты, а в разряженные — просто мишуру. Дед Мороз ребятам выставлял эти

ящички и они выбирали... Раздавался смех, все веселились, шутили, а потом делалось разъяснение. Дети на тему этих притч рисовали великолепные этюды и картинки. Мы даже организовывали выставки детских рисунков и уже взрослым: родителям, дедушкам и бабушкам объясняли значение этих притчей.

«Люди бывают подобны птицелову, поймавшему соловья», – говорила Лидия Владимировна и зачитывала целые повествования из книги «Мудрость Балавара». Вот некоторые из них.

«...Когда птицелов поднял руку, чтобы заколоть и съесть плененную птичку, то соловей вдруг, обращаясь к нему, заговорил человеческим голосом: «Какая тебе, человеце, польза от моего заклятия? Ты мною даже не сможешь наполнить своего желудка. Но если ты выпустишь меня из сетей, то я дам тебе три заповеди, исполняя которые, ты всю свою жизнь будешь извлекать пользу». Птицелов, пораженный его говором, сказал соловью, что если он услышит от него что-нибудь новое, то тотчас же освободит его из плена. Тогда соловей сказал: «Не предпринимай никогда ничего недостижимого, не раскаивайся в делах совершенных, не верь никогда сомнительным делам и словам. Исполняя эти три заповеди, ты будешь благоденствовать». Птицелов, которому понравилась простота и истина этих слов, выпустил птичку из сетей.

Тогда соловей, желая испытать, усвоил ли птицелов сущность данных ему советов и может ли он поэтому извлекать из них выгоду, обратился к нему, летая в воздухе: «Увы, человеце! Какое

сокровище ты сегодня выпустил из рук! Внутри меня есть жемчуг, превосходящий по своей величине яйцо страуса». Птицелов, услышав это, очень огорчился, раскаиваясь, что выпустил такого соловья из своих рук; пытаюсь поймать его, он сказал: «Пойдем со мною в дом мой, я радушно приму тебя и с почетом отпущу». Тогда соловей сказал ему: «Я теперь узнал, что ты ужасно глуп, потому что, выслушав и охотно приняв во внимание сказанное мною, ты не мог извлечь из этого пользы. Я сказал тебе, чтобы ты не раскаивался в прошедшем, а ты вот совершенно опечалился, что выпустил меня из своих рук и, таким образом, раскаялся в прошедшем. Потом, я заповедывал тебе не браться за недостижимое, а ты вот стараешься опять поймать меня, хотя не можешь последовать за мною. Кроме того, я говорил тебе не верить сомнительным словам, а ты поверил, что во мне находится жемчуг, и не постарался понять, что я весь по своей величине меньше страусова яйца. Как бы я мог вместить в себе такой большой драгоценный камень? Подобным образом безумствуют и верующие в идолов, ибо они сделали их своими руками и поклоняются тому, что сделали сами, говоря: «Это наши творцы». Как они могут считать своими творцами то, что само есть творение их же рук?»

Однако идолами могут быть страсти человеческие – сребролюбие, гнев, тщеславие, уныние, гордыня.

«О, безумец! О, сумасшедший! Чего ради променял ты почести на позор и блестящую славу на этот жалкий вид? – гневался царь на верного своего

слугу, а теперь отшельника-монаха. «Царь, если ты хочешь потребовать с меня отчет, то удали врагов из своего судилища, тогда я дам тебе ответ на все, о чем ты ни пожелаешь узнать, в их же присутствии я не стану говорить с тобой ничего, и ты казни меня без ответа, накажи меня, делай, что тебе угодно, ибо мир для меня распят, и я для мира (Гал. 6, 14)». Тогда царь спросил: «Каких это врагов ты велишь мне удалить?»

«Гнев и страсти, — говорит блаженный.— Сначала они были даны нам Создателем в полезные деятели нашей природы. Это назначение они сохраняют и теперь у живущих не плотскою, но духовной жизнью. Для вас же, которые всецело живете плотью без всякой духовной жизни, они сделались врагами. Ибо, если в вас действует страсть, то вы ищете удовольствий, если же они прекращаются, то влекут за собой гнев. Оставь на сегодня это. Пусть рассудок и справедливость выступят вперед, когда ты будешь судить мои речи. Поэтому, если ты оставишь гнев и страсти, и на место их выступят рассудок и справедливость, то я откровенно скажу тебе все». Царь согласился... «Пойдем, пройдемся по городу, не узнаем ли мы там чего-нибудь, достойного внимания и касающегося наших обязанностей».

Когда они шли по городу, то увидели луч света, исходящий из какого-то отверстия. Присмотревшись, они заметили подземную пещеру, где сидел один муж среди крайней бедности, покрытый убогим рубищем. Возле него стояла его жена, которая наливала ему вино в чашу. Когда чаша была полна и муж взял ее в руки, она начала громко петь, увеселяя

мужа. Царь со своими спутниками, видя это, дивился, что люди могут среди такой бедности, в таком убогом жилище и одежде так веселиться.

И сказал царь своему советнику: «Что за чудо, друг, что мне и тебе, живущим в такой славе и роскоши, жизнь никогда не была так мила, как она, непонятно для меня, мила, приятна этим людям в таких ужасных и тяжелых обстоятельствах и обстановке».

Воспользовавшись удобным случаем, советник говорит ему: «А какова, государь, по твоему мнению, их жизнь?» «Из всех, какие мне пришлось видеть, самая непривлекательная, отвратительная и безобразная», – отвечает царь. Советник же говорит ему: «Так знай же, государь, что наша жизнь, жизнь, которую мы с тобой ведем, несравненно хуже и тяжелее жизни людей, посвященных в тайну вечной славы и благ, непостижимых умом человеческим. Эти наши блистающие золотом дома и великолепные одежды кажутся безобразнее грязи и помета видевшим несказанные красоты нерукотворенных жилищ на небесах, Божественных одежд и нетленных венцов, которые Господь уготовил любящим Его».

Лидия Владимировна любила также пересказывать случаи или освещать события из своей собственной жизни или близких ей людей. «Наша вера Православная основана на доброте, – поучала она нас. – В 1931 г., когда нас привезли бесплатно из России в Казахстан, в этих местах нечем было зимой отапливаться. И мама, ей было 33 года, вместе с девушкой 18-ти лет пошли зимой с санями за стеблями подсолнечника. Дошли, положили стебли

на одни санки, на вторые санки и повезли назад. Прошли они 5 или 10 километров, и мама вдруг говорит: «Катя, я плохо вижу». Катя отвечает: «Давайте я ваш возок к своему привяжу и повезу». Через короткое время мама говорит: «Катя, я совсем ничего не вижу». – «Евдокия Васильевна, ты держись хотя бы за этот возок». – «Ой, что-то черное впереди». Подъехали, а это был небольшой поселок из нескольких домов. Они постучались в один дом, им открыли, они вошли. В доме за низеньким столом, поджав под себя ноги, сидели люди и ели. Они пригласили женщин за стол и дали им пиалу чая. Мама выпила одну пиалку, вторую, третью и говорит: «Катя, я вижу». У нее, по-видимому, сильно понизилось давление, и она даже видеть не могла. А когда выпила чай, давление поднялось и мама стала видеть. Вот они съели по кусочку лепешки, чаю попили. У мамы была краюшка хлеба за пазухой, она хотела от нее откусить, но хлеб был промерзший. А это было в 33-м году. Был голод, цинга, зубы шатались, и мама не могла откусить. Поблагодарив хозяев, они пошли дальше и дошли благополучно.

Когда началась Великая Отечественная война, я училась в 8-м классе, в 1-й школе на центральной улице нашего города. Помню, мы с ребятами возвращаемся со школы домой, на Мелькомбинат. Я всегда любила идти первой. И здесь я иду первая. Когда мы стали подходить к нашему переезду, я смотрю: на переезде, на железнодорожном пути (перекидного моста тогда не было), застряла повозка: стоят сани, стоит верблюд и казах в малахае. А с левой стороны идет поезд и подает сигналы. Я

закричала: «Ребята, ребята, скорее!» Девчонки, мальчишки подбежали, и только мы столкнули повозку с полотна, как промчался, прошумел поезд. Казах опустился на колени и стал молиться по-своему. Вот так.

Добрые дела не пропадают, не сгорают, не тонут. Может, казах был из той доброй семьи. Добрые дела всегда остаются перед Богом. Доктор Гааз раздал все свое богатство бедным и неимущим, а когда умер сам, то у него же не было ни гроша, и его хоронила вся беднота Москвы на немецком кладбище. На его каменном надгробии звучит призыв: «Спешите делать добро».

Отъезд из Караганды

В конце июня 1976 г. закончилось мое обучение на водителя. Я получил права водителя-профессионала, и мне предстояла практика, т. е. работа таксистом. В таксомоторном парке, благодаря знакомым Лидии Владимировны, мне досталась «Волга-24» цвета морской волны, правда, не новая, но в хорошем состоянии. Моим излюбленным делом было после выезда из таксопарка включать таксометр и дежурить при Михайловском храме. Молодые священники отец Герман Веретенников и отец Александр Киселев всегда давали мне задания. Нужно было везти их по требам: на отпевание, причащение или на другие таинства. Помню, где-то в середине июля того же года, когда я однажды стоял на клиросе, ко мне подошла матушка Анастасия и говорит: «Ты все нас возишь, иди учиться в семинарию!» Я как-то сначала опешил, но потом

понял, что действительно надо идти учиться. В это время к нам в Караганду прилетела рейсом Аэрофлота Надежда Владимировна Нечаева, сестра владыки Питирима, митрополита Волоколамского и Юрьевского, и мне предстояло ее повозить по городу. Когда ей нужно было уже возвращаться в Москву, мне пришлось везти ее в аэропорт. Неожиданно она мне предложила ехать в Москву и работать у владыки Питирима водителем и затем готовиться к поступлению в семинарию. Вскоре я побывал в Москве, встретился с владыкой, и мы обсудили все детали моей будущей работы и перспективы поступления в семинарию. Итак, в сентябре я уже окончательно вылетел в Москву для работы в Издательском отделе. Первые два года были для меня довольно трудными. После приветливой спокойной родной Караганды Москва мне казалась не очень уютным светливым гигантом. У меня были большие проблемы с русским языком, и владыка помог мне их решить. Приглашал преподавателей по русскому языку в Издательский отдел, и я с ними усиленно занимался. Готовился к сдаче экзаменов в семинарию. С Лидией Владимировной мы постоянно переписывались. Я поздравлял ее с церковными праздниками, получал от нее добрые назидательные письма. В одном из своих писем я писал: «...Прошу прощения за долгий ответ. Письмо Ваше получил, большое спасибо. Вначале немного о себе. Сейчас я пребываю в Спасске, в одной из областных церквей в Москве. Читаю, пою, занимаюсь науками. Владыка благословил ходить на занятия по русскому языку. Так у меня проходят дни и ночи в этой суете.

На Ваш вопрос, я кое-что выяснил. Труднодоступный язык Слова Божия имеет одно свойство. Здесь излагается смысл любви Божией к людям. Всё основано на любви. И любящий Бога «всем сердцем своим и всем разумением своим, и всю душою своею» и ближних своих, легко осваивает этот духовный язык. Для этого человека любовь Божия становится его достоянием, и в Библии он видит ее отражение. И нередко многие подвижники не только знали некоторые книги наизусть, но и всю Библию. На примерах я не буду останавливаться. В отношении звезды, которая вела волхвов. Как я понял, это была ЗВЕЗДА нематериальная. Она имела подобие «столба», который вел израильский народ. Все остальное – это гипотезы, предположения и выдумки. С братской любовью к Вам, Слава. 21.03.1977 г.».

Для меня интересно было впоследствии узнать, как воздействовали мои письма на обстановку в доме Жуковых, обо мне велись даже определенные беседы. Людмила Б. в своих воспоминаниях пишет: «...Недавно прислал письмо Слава. Очень коротко написал о себе, все остальное – богословские рассуждения. Его направили в Волоколамск. Путь служения его начался. Только я сейчас понимаю, что это был единственный человек, с которым можно было поспорить, который был противоречив иногда в самом себе. И не только поспорить, но и получить от него много хорошего, познавательного (лично для меня)...»

Староста храма

1 февраля 1977 г. состоялось собрание Приходского собрания Михайловской церкви г. Караганды. Решался вопрос о выборах нового старосты. Прежнего старосту, Василия Денежкина, рекомендовали посвятить в сан дьякона. Он находился в должности старосты уже двадцать лет. Перед избранием пришли сначала к матушке Анастасии и назвали ей всех членов общины (их было двадцать). Матушка внимательно выслушала и утвердительно сказала: «Вот Лидия Владимировна пусть будет старостой». На тот период времени в церковном приходе все хозяйственные и финансовые вопросы решались только через председателя приходского совета. У старосты хранилась также печать. Лидия Владимировна со смирением согласилась исполнять эту должность. Помимо матушки Анастасии, она получила также благословение от о. Петра (Горошко) и от о. Александра Киселева. Лидия Владимировна расписывалась во всех важных документах, за все была ответственна. Если возникали какие-то серьезные мероприятия в храме, то направлялась к уполномоченному по делам религий в областной исполком и улаживала все вопросы.

18 апреля 1961 г. произошла церковная реформа. На заседании Священного Синода, в неполном его составе, было принято соответствующее постановление. В нём разграничивались обязанности клира и настоятеля прихода, с одной стороны, и исполнительных органов – с другой. Настоятелю и клиру вменялось в обязанность сосредоточить свое внимание на духовном руководстве и на богослужении.

жении. Клирики освобождались от участия в хозяйственно-финансовой деятельности, власть прихода полностью возлагалась на его исполнительный орган, который нес ответственность перед гражданской властью за сохранность здания и имущества храма. Постановление стало незамедлительно проводиться в жизнь под жестким контролем уполномоченных по делам религий, что вызвало тревогу епископов. Свое несогласие с этой реформой высказывали: архиепископы – Ташкентский Ермоген (Голубев), Симферопольский Лука (Войно-Ясенецкий), Винницкий Симон (Ивановский), Краснодарский Алексей (Коноплёв), а также епископы – Новосибирский Донат (Щёголев), Черниговский Андрей (Сухенко). Несогласие выражали также зарубежные православные архиереи, в частности – патриарх Болгарский Кирилл. Главным, хотя зачастую негласным, побуждением к несогласию было понятие, что лишение настоятелей властных полномочий в приходе подрывало их возможность удержать приходскую жизнь от духовного разорения. Многим было ясно, что навязанная Церкви реформа по замыслу ее действительных инициаторов должна была привести к развалу приходской жизни и подорвать влияние Церкви в обществе.

В таких трудных условиях надо было нести бремя председателя приходского совета. Невзирая на трудности, Лидия Владимировна хладнокровно и уверенно взялась за эту работу. Ее неоднократно пытались склонить к сотрудничеству с органами КГБ, но она под всякими предложениями уклонялась от таких предложений.

Мне вспоминается один эпизод из церковной жизни того времени. Однажды я приехал на несколько дней в Караганду и зашел в гости к Жуковым. Лидия Владимировна завела речь о том, что сейчас такое время, когда пытаются людей верующих привлечь к сотрудничеству с КГБ. При этом могут и шантажировать. Разговор обычно начинают ласково, а потом переходят к угрозам. Она научила меня, как в таких случаях нужно себя вести. Необходимо всегда отвечать так: «У нас есть исповедь, мы должны все говорить духовнику и делать все с его благословения...» Тогда они отстанут!»

Когда ее пытались однажды привлечь к сотрудничеству, Лидия Владимировна отвечала стихами С. Капутикян:

Что за вечер чуден, тих,
Словно создан для двоих,
Как не пожалеть о том,
Что гуляем мы втроем...

Приводила она также изречения их книги «Мудрость Балавара». При этом молилась и просила молитв за нее. Вот как она сама рассказывала про такой случай. «Уполномоченный носил фамилию Шаржуков. Вот я ему и говорю: «А вы знаете, мы с Вами почти родственники!» «Как это? – переспросил уполномоченный. «Да, так, Вы – Шаржуков, а я просто Жукова», – ответила с улыбкой Лидия Владимировна. Ее обаяние и нежный голос завораживали слушающих, умягчалось сердце, и несговорчивый «враг Церкви и всякой религии» шел на многие уступки... И, таким образом, от неё отстали,

так что община Михайловской церкви довольно спокойно вела свой привычный образ жизни. В храме постоянно крестили, венчали, отпевали, всегда было много причастников – взрослых и детей. Дневник Людмилы Б. кратко отражает жизнь старосты храма того времени: «Лидия Владимировна не появлялась дома целые сутки. Она себя нисколько не бережет. Она вообще такая. Всем хочется ее видеть приветливой, заботливой. Они не знают о том, что она почти не отдыхает. Сколько же требуется сил нести такой КРЕСТ?»

Матушка Анастасия

Неся послушание в Спасском приходе Волоколамского района Московской области, я узнал, что в апреле 1977 г. скончалась матушка Анастасия (в миру Анастасия Ивановна Шевеленко). Родилась она в 1888 г. в Витебской губернии, в семье сапожника. Детство у нее было очень трудным – отец пил, ругался. С благословения оптинских старцев матушка стала юродствовать. Вот как пишет о ней Вера Королева в книге «Живой воды неиссякаемый источник: Карагандинский старец преподобный Севастиан»: «В Караганду мать Анастасия приехала в конце 40-х годов, жила в сторожке при основанной старцем Севастианом церкви Рождества Пресвятой Богородицы, любила всех кормить, а сама ела мало. Кто что давал – с радостью принимала, будто ей надо. Матушка пела на клиросе, у неё был хороший голос. А как она молилась, никто не видел, но люди знали: она молится за всех.

Спала сначала в ванне, где хранилось ее барахло. Потом в холодном углу поналожила разных бугров, так что долго не улежишься на них. Спала с вечера, а ночь работала – все мыла, убирала, варила квас и кисель из овса. Квас варила очень хороший и всех поила.

Временами бушевала и некоторых сестер доводила по каким-то причинам до слез. Одевалась – на одной ноге калоша, на другой валенок. Часто бывало, что зимой ходила в калошах и ботах, а летом в валенках. Платье всегда грязное, если наденет чистое, оно таким недолго продержится. На голове платок или тряпка, почти всегда растрепанная. Начнешь ее прибирать – гонит: «Убирайся вон!» Только перед Причастием надевала все чистое и поаккуратнее себя вела.

Матушка с молодых лет была очень больна поженски, ей предлагали оперироваться, но она отказывалась, хотя болезнь причиняла ей физические страдания. Когда она, еще будучи молодой, обратилась по этому вопросу к старцу в Оптиной пустыни, он сказал: «Это тебе вериги». И эти «вериги» матушка пронесла до конца. Кроме того, у нее были больные ноги, очень отечные, со вздутыми венами, и судороги страшные. Она терпела и никогда не пользовалась никакими лекарствами. Это был ее подвиг на протяжении всей жизни. Может быть, валенки и галоши она носила потому, что другая обувь ей не подходила.

Мать Анастасия была беспредельно предана старцу Севастиану и всегда стремилась быть рядом с ним. Батюшка едет на Мелькомбинат, и она за ним.

Она и пешком могла пройти через весь город, и знала все дома, в которые заходил батюшка». (с. 276 – 277).

В дневнике Людмилы Б. есть запись о последних днях матушки Анастасии. «1977 год. Улучив момент, мы вошли к матушке Анастасии. Она лежала в последнее время, говорили про нее, что она очень ослабела. Это и видно, раньше она хоть сидела. Приняла она нас с Лидией Владимировной бесподобно. Я ее никогда не видела такой, какой она предстала перед нами. Платок ее сбился назад, было видно всё её продолговатое лицо, большой лоб, волосы. Она лежала в одном простом платье, прикрытая до груди одеялом. У неё что-то болело, давило в правом боку (вероятно, грыжа). Она даже заставила нас потрогать это место, где явно ощущалось небольшое вздутие. Матушка говорила, что она чувствует шишку. Такой оживленной я видела ее первый раз. Видимо, она была осведомлена обо мне ранее Лидией Владимировной. Я заплакала, стала ей говорить о своем отце и родной сестре, что мне их жалко, особенно сестру. Матушка усадила меня, назвав Людмилой, а то, говорит, упадешь. Я уже не помню, что она говорила мне. Я реву сию, матушка сказала, что ничего не будет, не беспокойся, у меня после этих слов просветлело в душе, стало такое чувство... необычайно легкое. Поинтересовалась, где я живу. Лидия Владимировна сказала, что мы постимся, матушка пожалела меня, но сказала, что постную пищу она очень любит. Уходя от матушки, мы обе плакали с Лидией Владимировной; провожая нас, она назвала нас красавицами Христовыми (так, кажется). Лидия Владимировна

велит говорить только, что мы слышали. Батюшка был тоже взволнован, и мы все очень переживали в день Ангела Лидии Владимировны... Умерла матушка Анастасия 13 апреля, в среду, около 9:30 утра. Как всегда в таком случае, не можешь себе представить все сразу, что такого человека уже нет на земле. Вроде и церковь опустела как будто. Как будто осталась без руководителя, без спутника. Хоронить собираются в пятницу, обязательно пойду. 15 апреля хоронили матушку Анастасию. На этот раз мне удалось побывать в церкви и на кладбище. Людей было много. В церкви в 11:30 уже прощались прихожане с матушкой. Я не могла сдержаться от слез. В такой трудный для меня момент матушки не стало. Меня прямо охватило какое-то щемящее чувство одиночества. Все-таки последняя моя встреча с матушкой сыграла в моей жизни немало. Часа через полтора гроб привезли на кладбище. До могилы несли девушки, очень многие фотографировали всё происходящее, в том числе Петя Веретенников. Племянница отца Анатолия записывала на магнитофон прощание с матушкой. Я уже не посмела сама фотографировать, народу было как грибов. Когда уже стали закапывать гроб, то все перешли к батюшкиной могилке, стали у него служить панихиду. Я очень плакала, затем многие сразу же разошлись по своим домам. Не заметила, как Лидия Владимировна уехала, осталась только небольшая группа людей, среди которых были Ольга Федоровна, Таисия Григорьевна и другие. Я решила подойти к холмику могилки матушки. Ушла с кладбища почти последняя...»

Иеромонах Герман

В сентябре 1977 г. я поступил в семинарию. Вскоре я узнал о смерти молодого пастыря иеромонаха Германа Веретенникова, служившего в Михайловской церкви. Я общался с ним, когда работал в Караганде таксистом и возил его по требам. Мне нравилось с ним беседовать, проезжая в машине по городу. Он был всесторонне развит, начинал свое служение при батюшке Севастиане, потом поступил в семинарию и иподьяконствовал у владыки Питирима. Лидия Владимировна часто ставила мне его в пример. Людмила Б. вспоминает: «Были у матушки Веры 24 июля. Все встречали нас во дворе, кроме отца Германа. Вскоре и он выглянул из-за занавески. Батюшка был в рясе и, улыбнувшись, поприветствовал нас. Он недавно стал священником. Пройли в комнату. От радушного приёма хозяев и у гостей приятно и тепло на душе. Мне очень нравилась их обстановка. Своей незамысловатостью и простотой она навевала какое-то невыразимое спокойствие. Особенно привлекал вид комнаты с фотографиями и иконами. Звучала музыка величественная, спокойная. Слушая, как издает звуки фисгармония, казалось, что находишься в большом пустом храме. Наверное, отец Герман обожает музыку. В первый раз моего посещения матушка тоже играла... В этой домашней непринужденной обстановке как бы сама собой передо мной постепенно раскрывалась личность отца Германа. Он улыбался и много шутил и был совершенно не похож на того спокойного, строгого и величавого служителя церкви... Затем отец Герман подошел ко мне и

поздравил с прошедшим днем Ангела и преподнёс книгу о красотах Карелии. Не успела я спросить, что это за книга, как он обратил мое внимание на открытку, которая в свою очередь сообщала о названии книги. (На открытке изображался остров Валаам). Да, карельская живопись; озеро Валаам поражает своей невыразимой словами красотой. Я была очень благодарна бабушке за такой дорогой подарок. Вообще, на отца Германа интересно смотреть как с одной стороны, так и с другой. С одной – видеть в нем воплощение моего идеала с духовной точки зрения, а с другой – лицезреть простого веселого человека, умеющего шутить и острить».

Лидия Владимировна пыталась направить меня тоже на монашеский путь.

Смерть его была как гром среди ясного неба. Людмила Б. так написала об этом в своем дневнике. «18 сентября 1977 г. Со дня моей последней записи прошло около двух месяцев. А что произошло за это время?! Сколько испытала разных чувств, сколько переживаний, словно год прошел... 7 сентября приехала Лидия Владимировна со страшной новостью – умер отец Герман. Это было так неожиданно. Я всё никак не могла поверить, что его нет в живых. Даже и сейчас, спустя месяц после его кончины, все еще не верится. Когда бываю в церкви, мне кажется – вот он выйдет сейчас на амвон, высокий, благородный, и прозвучит его негромкое: «Миром Господу помолимся!..» Нет слов выразить мою скорбь. Почему такие прекрасные люди живут так мало? Вот истинно сказано: «Словно бухом по

голове!» Сейчас вспоминаю буквально по капельке, как мы с Лидией Владимировной ходили к нему. В сердце образовалась какая-то пустота. Откровенно говоря, я ему глубоко симпатизировала, с тех пор, когда его увидела в первый раз на службе ночью. Своей благородной величественной личностью он олицетворял для меня нечто божественное. Он был очень начитан и всесторонне образован. Люди любили его. Для меня он был идеалом священника и вообще человека. Я всегда подходила к нему под благословение со страхом и некоторым смущением. Сама, не замечая, старалась подражать ему. Его светлый ангельский образ навсегда остался в моей памяти. Царствие Небесное и вечный покой иеромонаху Герману и всем, кто потрудился на ниве Христовой в Карагандинской земле.

Письма Жуковым

О событиях в Караганде я узнавал из переписки со своими домашними. Жуковым я также посылал письма и поздравительные открытки. Людмила Б. отображает в своем дневнике, как каждое мое очередное послание производило определенный фурор у них в доме. «...Слава поступил в семинарию. Теперь будем ожидать его на каникулах. Прислал письмо, чувствуется и стиль хороший, и грамотность неплохая. Как видно, философствовать – это его любимое кредо, толковать умеет. Лидия Владимировна говорит, что он поумнел, повзрослел, а мне он кажется всё тем же, как и раньше, по письму трудно судить. Видно, что он доволен своим поступлением... Отослали ему письмо. Писала под диктовку

Лидии Владимировны, как видно, она очень на него много возлагает надежд в будущем, но и опасается за него...».

Через год после поступления меня с первого класса семинарии перевели в третий. Об этом я сообщил Жуковым: «Здравствуйте, дорогой батюшка отец Владимир, Лидия Владимировна и Людочка! Поздравляю вас с наступающим Великим постом, желаю отличных успехов в учебе, в работе, духовной радости, здоровья и долгих лет жизни! Прошу у вас прощения, я засуетился, прошу у вас святых молитв. Вкратце: дела мои не звонкие. Вся моя загрузка направлена на изучение по сердцу предметов, затем на пение и на уроки. 24 часа расстановлены почти беспорядочно. 8 часов сна, 8 часов занятий по программе. (4 часа музыки ещё 4 часа свободного времени). Выходных дней нет, но отдыха хватает. Просматриваю художественные фильмы, а вот пойти на литургию или к преподобному – здесь требуется сила воли! Ох! Бедная моя душа! Кругом соблазны и соблазны! До свидания! С уважением, Слава! Всем от меня добрые пожелания, низкий поклон, мира и любви всем вам! 10.03.1978 года». Приятно вспомнить свои прежние времена, и я, как будто снова находясь в доме Жуковых, вновь почувствовал ритм их жизни.

Людмила Б. пишет: «19 марта. 12 часов ночи. Закончилась практика. Все прошло удачно и классный час тоже. Всё теперь позади уже. Позавчера Слава нам прислал письмо и даже фотокарточки. Он так похудел, и лицо испортилось, но одет по семинарской форме с иголки. Модничает.

Смотришь на него, и такое чувство появляется, словно он остался таким, каким был. Те же пронзительные глаза, то же упрямство. А письмо – бог ты мой! Какие фразы – «дела мои не звонкие». Извиняется – засуетился, дескать. «Всюду соблазны!» Чувствуется, что писал письмо под действием своих эмоций. Опять «Людочка» – это, конечно, очень приятно. Лидия Владимировна продолжает меня вызывать на состязание со Славой. Она всё хочет заставить меня играть на пианино, читать псалмы...».

Лидия Владимировна очень переживала за наше молодое поколение. Она очень расстроилась, когда Люда решила отрезать свою красивую косу, и даже написала ей по этому поводу письмо.

Я не всегда мог приехать в любимую свою Караганду даже на каникулах и так постепенно отрывался от того образа жизни, который вел среди родных, друзей и близких мне по духу людей, проживая в Казахстане. С моей малой родиной меня связывала теперь в основном переписка. Вот еще одно мое письмо Жуковым:

«Здравствуйте, дорогой батюшка отец Владимир, Лидия Владимировна и Людочка! Поздравляю вас всех с праздником Богоявления, желаю всем вам здоровья, мира, счастья и пребывания в любви, долгих лет жизни во славу Божию. Мои каникулы заканчиваются, как догорает маленькая свечечка, а я почти ничего не успел сделать. Пять дней я проболел, затем помогал владыке в епархии петь и читать, вести службу. Могу порадовать вас тем, что мне восстановили бал по поведению, поэтому время я

теперь очень ценю и дорожу каждой секундой, чтобы она не ушла без духовной пользы для меня. Спасибо всем вам за всё. Поминаю вас всех молитвенно, и вы не забывайте меня, грешного. В послушании мне трудно, и трудность вся в том, что почти невозможно бывает настроить себя на исполнение возложенных на меня поручений, когда надо полностью себя отдать работе во славу Божию, сделать всё требуемое с душой и огоньком. Не могу сказать подхожу ли я для монашеской жизни, потому что в этом подвиге надо полностью позабыть про себя и жить только той жизнью, которая требуется Божией волею, – это служение Богу и ближним. Подвиг монашества для меня та вершина, к которой я боюсь и близко подходить. Жизнь мирская, и семейная в особенности, не дает мне никаких надежд на этот счет. Поэтому буду служить как «белый» священник во благо себе и обществу. Я очень доволен, что учусь, несу послушание и тем, что мой ничтожный труд, хотя бы в усвоении знаний, в изучении Божией мудрости, направлен во благо Церкви и во благо другим ближним по Божию милосердию и мне во спасение. В Москве очень холодно, ношу шапку одного студента, второе полугодие думаю реже выезжать из лавры. До свидания. Немощной семинарист Вячеслав. 17.01.1979 г.»

Лидия Владимировна всегда сохраняла все мои письма и берегла.

В четвертом классе семинарии, в октябре 1979 г., я стал семейным человеком. На Пасху 1980 г. мы прилетали в Караганду вместе с супругой. В это время была ранняя Пасха 6 апреля, а Благовещение

Пресвятой Богородицы праздновалось на второй день Пасхи. Будучи еще студентом Московской духовной семинарии, я взял отпуск и решил навестить родных и близких в Караганде. Мы прилетели на Страстную седмицу в Великую субботу, чтобы ночью уже встречать Пасху на службе в Карагандинском храме, а именно в Михайловке, где в свое время служил Севастиан Карагандинский. Здесь сохранялась строгость церковного устава согласно оптинской традиции, которую неустанно поддерживал преподобный. Прибыв пораньше на службу, мы застали как раз тот момент, когда дочитывали Деяния Святых Апостолов.

Мы стали около правого клироса, чтобы было удобнее видеть всю службу и отчетливо слышать пасхальные песнопения. Народ прибавлялся и уже к службе, к 12:00 ночи, в храме было достаточно тесно. И тут произошел случай, который я запомнил на всю жизнь. Впереди у загородки перед алтарем стояла какая-то женщина в шубе и меховой шапке. По ее поведению и внешнему виду можно было легко определить, что она уже изрядно «навеселе». Она покачивалась из стороны в сторону, ухмылялась и что-то проговаривала себе под нос. Пришли из алтаря служащие помощники, чтобы ее выпроводить, но она уцепилась за решётку и уверенно заявила, что никуда отсюда не уйдет. Постояв немного около нее, они ушли в алтарь начинать службу. Затем пригласили старосту храма Лидию Владимировну, и та ее долго уговаривала отойти от алтаря, но женщина «твердо стояла» на своем. Начался крестный ход. Духовенство и весь народ вышли из храма, кроме некоторых

немощных старушек, но подвыпившая женщина осталась на прежнем месте. Духовенство с пасхальными песнопениями вошло в алтарь. Упомянутая женщина, слегка протрезвев, внимательно следила за тем, что происходит в алтаре. Пасхальная служба проходит быстро. На утрени пасхальный канон и другие песнопения поются на одном дыхании. После пасхальных часов и начинается Божественная литургия.

Женщина, стоявшая впереди, все еще не унималась. Ей буквально хотелось залезть в алтарь и там наблюдать священнодействие. Она, насколько могла, вытягивала шею, смотрела то вправо, то влево, пытаясь, видимо, разгадать, что там совершают попы. Духота в храме была невероятная, но ее это никак не волновало. Вспотевшая в шубе и шапке, она активно стремилась вперед в сторону Святая Святым. Но после Херувимской она как-то стихла. Если поначалу надменно с ухмылкой на лице всё время двигалась и толкалась, то теперь стояла спокойно. В моей душе было немного тревожно, и я подумал тогда: «Сегодня такая Святая ночь, но вот, Господи, подыми ее душу в этот Великий День!» На Евхаристическом каноне после молитвы «Отче наш...» ей стало плохо. Ее пригласили на клирос и решили ей дать святой воды. Но она вдруг произнесла, что некрещеная, и разве можно ей святую воду... Певчие растерялись и не знали, что ей ответить. Я сказал, чтобы дали ей попить теплоты (теплой воды, смешанной с вином). Она сделала несколько глотков, тяжело вздохнула и пришла в себя. Лицо ее было бледным и растерянным. «Что же со мной произошло, что это было?» –

неуверенно дрожащим голосом произнесла она. Затем попросила у всех прощения и тихонько вышла из храма через клиросные двери.

Я не встречал эту женщину около года. И вот приехав в очередной раз в Караганду, я по обыкновению зашел в свой родной храм и увидел знакомое женское лицо. Я сразу вспомнил про тот случай на Пасху и узнал, что это была именно та незнакомка со странным поведением. Теперь на ней по-летнему было легкое платье. Мы познакомились, и об этой встрече я сделал запись в своем дневнике.

«26.06.1980 г. Сегодня снова повстречался с той Зоей, которую Господь привел на Пасхальную службу. Как она мне рассказала, после той Пасхальной ночи она решила окреститься со всем своим семейством. Муж и сын также были некрещеные. В Михайловском храме окрестили ее и их сына. Мужа крестить не стали, так как у него не было на тот момент документов, удостоверяющих личность. Эта женская душа, воспитанная на атеизме, не верила ни в Бога, ни в загробную жизнь, но все равно неосознанно тянулась к Предвечному Свету... Спаси ее, Господи!»

Прошло время, и мне стало ясно, что немалую роль в крещении той женщины сыграла Лидия Владимировна. Она старалась говорить с каждым посетителем Михайловского храма индивидуально. Это были не просто уговоры, а настоящее разъяснение высшего смысла жизни и веры в Бога как Творца всего сущего. Люди это запоминали и тянулись к ней. Возможно, это стало причиной того,

что та женщина покрестилась и привела к церкви все свое семейство. Таких случаев было немало.

Как-то Лидия Владимировна подарила мне художественную композицию чеканной работы, на которой было изображено озеро с плавающими уточками. Она мне сказала тогда такие слова: "Вот сколько утят здесь, пусть столько будет и у тебя деточек". Я поблагодарил... Впоследствии у нас с матушкой родилось шесть детей, а на картине было пять утят с уткой-мамой и селезнем-папой. Но затем так получилось, что мой средний сын Ваня погиб в автомобильной аварии в свои неполные семнадцать лет, и осталось у нас пятеро детей...

21 июня 1980 г. меня рукоположили в сан дьякона, а на следующий день, 22 июня, посветили уже в сан священника. В это время тяжело заболел мой отец, и хотя я должен был проходить свою первую практику в священническом звании в Кафедральном Успенском соборе, но из-за болезни отца был вынужден вылететь в Караганду и там в родном храме послужить свою первую седмицу в сане священника. Владыка Серапион меня напутствовал такими словами: «Обязательно явись к местному уполномоченному по делам религий и договорись. Так и объясни, что тебя только недавно посветили. Покажешь документ и скажешь, что тебе необходима практика. Тогда только служи, когда будет разрешение от уполномоченного, а иначе могут быть нарекания и всякие ненужные жалобы. Главное – самому себе не навредить». По приезде я поговорил на этот счет со старостой храма Лидией Владимировной. Она сама сходила к уполномочен-

ному и урегулировала все вопросы, и я спокойно прослужил первую неделю в Михайловском храме города Караганды. Здесь я получил духовный заряд на служение на всю оставшуюся жизнь. Это были самые лучшие и светлые дни в моей жизни. Я служил у того престола, где предстоял Богу сам Карагандинский старец Севастиан, и как будто он устроил и благословил меня на священническое служение.

У меня сохранилась фотография, сделанная летом 1980 г. Был довольно знойный день. После моего посвящения я тогда приехал в гости к отцу Владимиру. На фотографии мы находимся во дворе у дома Жуковых: Лидия Владимировна, отец Владимир, я, молодой, только что рукоположенный священник, и чуть позади мои друзья: Сергей Хмыров и другие. Сергей впоследствии тоже стал священником и служил в Алма-Ате. Помню, мы потом сели за стол и пили чай. Я нечаянно уронил хлеб и затем поднял его. У Лидии Владимировны почему-то появились в это время слезы. Она очень трепетно относилась к хлебу: соберет крошки и съест. Следила, чтобы никакие продукты или обрезки не пропадали. «Что людям не пойдет, – говорила она, – чтобы отдали скотине, так благословлял всегда старец Севастиан». Лидия Владимировна как-то вспоминала: «Голод был, хлеб по карточкам, а у нас была корова. Во время войны корова – целое состояние. Мама принесла полтора литра молока, а нас четыре человека: папа, мама, брат Иоанн (который потом на фронте погиб) и я. Мама разлила по стаканам и немного осталось. Тут в дверь стучат и

говорят: «У вас корова есть, вы больному ребеночку молочка не дадите?» Мама отдала стакан. Опять стучат, уже другие для ребенка просят. Мама говорит: «Вот, я только разлила». А брат Иоанн: «Отдайте мою долю». Отдали, оставшееся молоко опять поровну разлили по стаканам. А траву корове мы с мамой сами рвали, набивали в мешки, притапывали, мешок получался тяжелым. Носили издалека. Мама говорила: «Ничего, Лидия, зато талия будет». Чулки рвались, штопали часто. Я маме говорю: «Мама, чулки-то разные», а она мне: «А ты, Лидия, так беги, чтобы не видно было».

В своем дневнике я записал о тех светлых днях моего служения в Карагандинском храме: «01.07.1980 г. Поговорил с о. Александром Киселевым о том, что если бы остаться еще здесь и послужить целый месяц или все сорок дней, но он сказал, что лучше не надо, как благословили, так и делай. Билет у меня на руках и скоро придется поехать домой в Загорск. И дальше в тот приход, куда посылают. Новые тайны ждут меня и новые познания...

О, что же там,
За той страной,
Которая неведома?
О, что же будет там, ответь мне,
Уходившая вдаль тропа.
Мне встретятся на пути,
Новые радости и печали.
Привет с поклоном воздадут,
Все новое ждет впереди.
И может, это был тот момент,

Когда понял я, что значит родня
И друзья в России.

Но как все-таки не хочется расставаться с Карагандой! И мысли мои, и планы все ни к чему. Это ведь здесь настоящий монастырь, и все здесь настроено только, чтобы служить и молиться Богу! О, Танюшенька моя, ты сюда не хочешь ехать. Да ведь это вторая лавра. Грешный я, и прегрешный не достоин я здесь остаться. А какие здесь священники! Отец Петр – это просто клад, а не батюшка. Отец Александр пусть хоть консервативно, но мудро ведет свою паству. Отец Евстафий целиком и добросовестно служит и предан всецело Богу. О, старые священники, как хорошо, что они живы! Что благодаря им читаются на службе малое повечерие и правила для причастников».

Неделя закончилась быстро, отец стал поправляться, и я собрался в дорогу. Увиделся перед вылетом в Москву с отцом Владимиром и на прощание получил от Лидии Владимировны в подарок книгу стихов Майкова. Зимой 1981 г. я снова прилетал в Караганду, но уже на похороны моего папы. Опять служил в Карагандинском храме в Михайловке. Собрались все журналисты города и района, также и те, с кем отец ходил в свои походы. Я записал, как отпевал своего отца. «20.01.1981 г. Умер папа, в общем-то, по-христиански. Пожелал перед смертью причаститься, но причаститься не смог. Единственное, что я смог сделать, – это его пособоровать. Отпевали в Михайловской церкви, пели почти все певчие и проводили папу в вечную жизнь. Отец Александр Киселев прочитал разрешите-

льную молитву. Редакция, в которой работал мой отец, пришла в полном составе, и тоже почтила своей молитвой. Теперь надо будет найти свою маму и ее тоже проводить, как и отца».

Я очень благодарен туристическому клубу города Караганды, работники которого до сих пор следят за могилой моего папы и бабушки.

Иерей Владимир Жуков

Когда я служил в городе Коврове, мне сообщили о кончине иерея Владимира Жукова – родного отца Лидии Владимировны. Это случилось 20 мая 1982 г. Скончался он на 88-м году от сердечной недостаточности. Повелада мне об этом мама дьякона Алексея Хмырова, который служил недалеко от моего храма в городе Вязники. Она часто приезжала к нам в Ковров и рассказывала о жизни в Михайловском храме. Прихожане любили отца Владимира за его кротость и незлобивость. Позже я ездил в исторический архив Самарской области и нашел запись о рождении отца Владимира. В метрической книге 1894 г. храма села Новая Хмелевка записано: «10 июля родился Владимир, крестился 11 июля села Новой Хмелевки сын крестьянина Иакова Прохорова Жукова от законной жены его Татьяны Николаевны, оба православные. Восприемниками были села Новой Хмелевки крестьянин Макар Прохоров Жуков и крестьянская девица Матрона Николаевна, дочь умершего крестьянина села Новой Хмелевки Николая Григорьева Галактионова. Крещение совершил священник Косьма Тихов и псаломщик Петр Введенский». Через 17 лет в записи этого храма

от 25 января 1911 г. о бракосочетании читаем: «Крестьянин села Новой Хмелевки Ставропольского уезда Владимир Яковлевич Жуков, православного исповедания, (венчался) первым браком, лет жениха: 17 лет с крестьянской девицей села Новой Бинарадки, Ставропольского уезда Евдокией Васильевной Мошиной, православного исповедания, первым браком, лет невесты 17. Таинство Венчания совершал священник Алексей Стратонов с псаломщиком Косьмой Этоновым. Поручителями по женихе были: крестьяне села Новой Хмелевки, Ставропольского уезда Василий Алексеевич Коновалов; по невесте – крестьянин села Новой Бинарадки, Ставропольского уезда Василий Михайлович Мошин и Прокопий Михайлов Мошин».

Архивные материалы не давали мне покоя, и я решил найти документы по раскулачиванию отца Владимира. Пожелтевшие страницы 1931 г. поведали, как формировалось дело о лишении избирательного права семьи Жуковых, где машинописью печаталось обвинение, а где просто химическим карандашом писались приказы. В тот период времени главным орудием по раскулачиванию были так называемые группы бедноты. Яростно и злобно по зависти самые нерадивые крестьяне выискивали трудолюбивых и успешных своих собратьев и, не считаясь ни с чем, в частности, с многодетными семьями, писали свои приговоры. Просматривая это дело, нельзя удержаться от слез. В это время Лидии Владимировне (будущей игуменье Богородице-Рождественского монастыря города Караганды Севастиане) было около шести лет.

Читаем: «Выписку из протокола №12, Новохмелевского с/совета Ленинского района С.В. края.

Слушали: о выявлении кулацких хозяйств на предметы лишения избирательных прав голоса.

Постановили: на основе протокола заседания группы бедноты лишить избирательного права голоса как кулака Жукова Владимира Яковлевича 37 лет, жену Евдокию Васильевну 37 лет, мать Татьяну Николаевну 70 лет, как пользующегося % (процентами) с денежного капитала, и прибежали к постоянной эксплуатации батраков до революционного времени и после и при наличии сложных с/х машин они закабаляли бедноту с целью разбогачения и расширения своих хозяйств. Выписка верна.

Предсельсовета (Подпись)

Секретарь (Подпись).

Форма №2.

Справка.

Штамп:

26/II. 1931 года.

Гр-н Жуков Владимир Яковлев из села Ново-Хмелевки Ново-Хмелевского сельсовета применял наемный труд с целью извлечения прибыли. До революции имел 2 чел. постоянных и 25 чел. сезонных, после революции с 1923 г. по 1924 г. 1 чел. постоянных и 19 чел. сезонных.

Хозяйство до революции: лошадей 6, коров 4, овец 25 голов; из сельхозмашин имел молотилку и сеялку; посева – 80 гектар, семья 10 чел., из них трудоспособных было 4 чел.

После революции с 1917 г. по 1929 г.: лошадей 3, коров 2, овец 15 голов; из сельхозмашин: молотилка,

веялка, тачка, сеялка; посева – 39 га; семья – 6 чел., из них трудоспособных – 2 чел.

Предсельсовета (подпись)
/печать/ Секретарь (Жуков)

Список подлежащих выселению, согласно постановлению общего собрания при селе Н Хмелевском Красноярского р-на, определил 9/III 1931 г. Главу семьи Жуковых Владимира Яковлева, возраст 37 лет, соц...положение – кулак, лишенный избирательных прав, лишен 26/ II 1931 г., жену его Жукову Евдокию Васильевну – 37 лет, сына Жукова Александра Владимировича – 16 лет, сына Жукова Ивана Владимировича – 14 лет, дочь Жукову Лидию Владимировну – 6 лет, дочь Жукову Надежду Владимировну – 3 года. Мать Владимира Жукову Татьяну Николаевну – 70 лет. Секретарь (подпись).

Из АНКЕТЫ на хозяйство, подлежащее выселению на специально отведенные участки Красноярского района Ново-Хмелевского сельсовета Ново-Хмелевского села...

Отношение ко всем проводимым мероприятиям: относится отзывчиво... Судимости не имел... Служил в Красной армии, имел звание рядового, ранен – также участвовал в партизанских отрядах... был в плену. В белой армии не состоял, в бандформированиях не участвовал. Состоял в колхозе, выбыл по чистке за невыполнение раздачи и экспроприации данного имущества политкомпании. Раскулачено: дом с двором, 1 амбар, 1 баня, 1 коза и т.д. Передано изъятое в колхоз, оставлено в распоряжение постельная принадлежность, обувь; из имущества – верхнее и нижнее белье. Задолженность

раскулаченного по хлебозаготовкам – не выполнено 30 пудов, денежных – 72 рубля 32 копейки кооперативным органам. Недоимка имуществом ликвидирована.

Председатель (подпись)

Секретарь (подпись)

Подписка

1931 г. июня 20 дня я, житель села Новой Хмелевки Жуков Тимофей Яковлевич, выдал сию расписку Ново-Хмелевскому с/совету о том, что я беру на свое иждивения мать кулака Жукову Т. Н. и обязуюсь как продовольствие, так и другие принадлежности обеспечить без государственной помощи, в случае малейшего вредства я, Жуков, несу ответственность.

К сему: (подпись) Жуков

Удостоверение

Предъявители сего есть член здешнего с/совета, Ленинского района, которые действительно командированы для отправки кулацких семейств до назначенного пункта согласно распоряжению райисполкома, что и удостоверяется.

Предсовета (Подпись)

22/II 1932 г.

Подпись составителя карточки

Пред. с/совета (подпись)

Секретарь ВЛКСМ Кирюхин (подпись).

Лишен, согласно ст. 14 п. А.Б. за эксплуатацию батраков и пользование % с денежных капиталов».

Таким образом, тысячи раскулаченных семей были отправлены в «телячьих» вагонах в голодную карагандинскую степь. Большинство переселенцев

умерло от голода, холода, различных лишений, болезней уже в первый год после выселения. Такая судьба постигла и моих сродников: бабушку, дедушку, отца, тетю...

Бабушка рассказывала мне, как происходило раскулачивание. С ее слов, они относились к середнякам. Когда состоялось собрание, мой дедушка не стал голосовать за раскулачивание какой-то семьи, и тогда поступил голос: «Надо раскулачивать Брегеду как врага народа». И тогда моего деда тоже причислили к кулакам и постановили раскулачить. Построили комсомольцев, и они с песней «Наш паровоз вперед летит, в коммуне остановка...» направились забирать имущество нашей семьи. Бабушка успела швейную машинку бросить в отдельно стоящую кадку с водой и тем спасла ее. Комсомольцы погрузили в телеги все то, что нажили родители моего отца, его дедушки и бабушки за всю жизнь. Папе моему, Михаилу, тогда было пять лет. Кроме него, в семье было еще трое детей: братики отца семи и двух лет, а также сестренка около трех лет. Они растерянно наблюдали, как растаскивали комсомольцы домашние вещи. Потом всех вместе, взрослых и детей, повезли в товарном «телячьем» вагоне в далекий Казахстан. Ехали около двух недель. В вагоне вместо туалета ставили парашу и так везли до Голодной Степи (так на карте называлась необжитая дикая степь в средней части Казахстана). Воду в поезде давали очень редко. Некоторые, чтобы не умереть от жажды, пили мочу. Когда приехали к месту назначения, охранник с

ружьем скомандовал: «Выходите! Вы здесь будете жить!»

Люди сначала не знали, что делать. Потом среди бескрайних полей стали рыть ямы-землянки и прикрывать сверху кустарником... Так мои предки поселились на Казахской земле.

Особенно трудным был первый год. От голода и холода умерло более половины прибывших. На двухлетнего братика моего отца, Колю, наступили ногами воры, искавшие припрятанные сухари в барачной комнате, и он не выжил, умер. Дедушка тоже заболел и вскорости почил. Бабушка осталась вдовой с маленькими детьми. Исхудавшая как тень, она шила что-то на машинке, которую спасла, и так пыталась прокормить себя и малых детей. Работала затем в пекарне. Когда ее, невероятно исхудавшую, принимали на работу, сказали: «Кушай понемногу хлеба, чтобы не было заворота кишок».

Постепенно в Казахстане образовывались поселки из раскулаченных. Мои родные жили на пятом поселке, а потом на тринадцатом до переселения в Караганду, где купили маленькую избенку в виде флигеля на дворе. Его я еще помню, там я жил с тетей и отцом до того, как пошел в школу.

В молитвослове моей покойной тетушки (крестной) я нашел такую запись (в середине 90-х годов прошлого века она ездила на поезде к себе на родину в Волгоградскую ныне область и познакомилась в купе с одной женщиной): «У меня в купе было знакомство. Моя подруга вышла на станции Арчегда. Я еще ехала один час. Я сказала, что тут моя Родина, хутор Рубежный, там наших родных уже нет. Были

высланы в 1931 году в Казахстан, в Карагандинскую область, на реку Ишим, в спецпоселение...»

Я тоже позднее ездил на родину моих предков на хутор Рубежный Волгоградской области Фроловского района. Помню, когда я туда прибыл, местные выгоняли скот на пастбище. Стадо было приличным, не меньше ста голов. Некоторые женщины подводили своих коровок к стаду. Я поздоровался с ними и спросил, давно ли здесь живут. Одна из них ответила, что с самого рождения. Я рассказал, что здесь мои корни и что предки мои жили на этой земле целое столетие, но вот в 30-е годы дедушку и бабушку раскулачили и сослали в Казахстан, и вот я решил навестить эти места. Та же женщина в ответ сказала: «Не мы ведь их раскулачивали. Время было такое...»

Я обратил внимание, что на хуторе имеется два хороших пруда. Мне встретился местный житель, который уже наловил с утра рыбы и возвращался со своим уловом и надувной лодкой к себе домой.

К сожалению, село Новая Хмелевка Самарской области, где малая родина Жуковых, не сохранилось. Видимо, было ликвидировано как неперспективное во время хрущевских или брежневских реформ. Остался только один великолепный храм. Кстати, как мне поведали в Караганде, матушка Севастиана неоднократно жертвовала деньги на восстановление этой церкви.

Храм хорошо виден издалека. К нему ведет проселочная дорога. По синей обновленной крыше можно догадаться, что он действует. Около храма много разбросанной техники. При храме существует

небольшая община. Когда подходишь ближе, слышен лай собаки. Местная братия ведет натуральное хозяйство и живет на полном своем обеспечении. У них даже нет электрического света. Держат коров, ухаживают за огородом. Имеется колодец, над которым построена часовня. Здесь постоянно сильные ветра. Летом ветер обжигает лицо зноем, зимой – холодом. Трудно представить, что здесь когда-то было многолюдное село. Сейчас нет даже останков от прежних строений. Все сровнялось с землей. В зимнее время сюда можно добраться только на лыжах, так как трактор не всегда очищает дорогу до храма. Братия гостеприимно встречает и угощает парным молоком. В доме – большая печка, ощущается запах кислого молока. Богослужения в храме совершаются по большим праздникам, но братия свое молитвенное правило вычитывает каждодневно.

Бог весть, по воле Божией или по попущению Божию, многие оказались на Казахстанской земле. Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексей II при посещении города Караганды сказал: «Вся Карагандинская земля является расprostертым антимином, содержащим мощи новомучеников». После освобождения из Карагандинского лагеря (Карлага) старец Севастиан всеми силами стремился открыть храм в Большой Михайловке. Его благодатными трудами и возродилась церковная жизнь на Карагандинской земле. В 1964 г., будучи архимандритом, он рекомендовал для рукоположения в сан дьякона Владимира Яковлевича Жукова. Владыка Иосиф, архиепископ Алма-Атинский и

Казахстанский, ему тогда возразил: «Он же в возрасте, ему за 60 лет...» Старец на это ответил: «На мой век хватит!» Через два года, 25 мая 1966 г., уже после смерти старца, дьякон Владимир был рукоположен во иерея.

Приведу несколько выдержек из личного дела Владимира Яковлевича Жукова, священника Рождество-Богородичной церкви города Караганды, и его послужной список в Алма-Атинской епархии Московской патриархии.

«Жуков Владимир Яковлевич. Третий священник Рождество-Богородичной церкви в г. Караганде... Русский, гражданин СССР. Из крестьян. Окончил в 1914 г. сельскую школу. Специального образования не имеет. Иностранными языками не владеет. Женат. Повенчан с Евдокией Васильевной Мошниной – Жуковой в 1911 г. Имеет дочь. Архиепископом Алма-Атинским и Казахстанским Иосифом 16/IX-1964 г. посвящен в сан диакона, а 25/V-1966 г. в сан священника. Награжден митрополитом Алма-Атинским и Казахстанским Иосифом: 1968 г. – скуфьей, 1970 г. – камилавкой. Судим не был. Третьим священником назначен на занимаемую должность 26/V-1966 г. В обновленном расколе не был. Особые обязанности по церковной службе не имеет».

Перед рукоположением ставленнику учиняется письменный допрос, который подписывают ставленник (рукополагаемый) и архиерей. При рукоположении во диакона Владимир Яковлевич Жуков показал: «Сын крестьянина. Вероисповедания православного, с иноверцами и сектантами в религиозном общении

не состоял. Под судом и следствием не находился. Окончил сельскую школу в с. Н. Хмелевка. Заразными болезнями не болел и физических недостатков, препятствующих священнослужению, не имеет. Состоит в первом законном браке с целомудренной и благочестивой девицей Евдокией Васильевной Мошиной 1894 г. (года рождения), православного вероисповедания, с которой в родстве, препятствующем браку, не находился. Рукоположения в священный сан ишу для славы Божией и спасения души, руководствуясь желанием трудиться на благо Святой Церкви, как то Святыя Каноны и церковные правила повелевают. При сем обязуюсь: во всем подчиняться СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ, возглавляемому им Священному Синоду Русской Православной Церкви и назначенному им епархиальному Архиерею своему; ни в каких антиправительственных организациях участия не принимать; без благословения своего епископа ничего не предпринимать, как равно без его разрешения не вступать ни в какие организации; все обязанности, связанные со священным саном, исполнять согласно церковным канонам; не уклоняться без уважительной причины от совершения Божественной Литургии и прочих церковных по Уставу богослужений в праздничные и воскресные дни; в храме пред Святым Престолом вести себя благоговейно, как того требует святость места; утверждать в вере своих прихожан, проповедуя им неленостно Слово Божие по возможности; вести себя безукоризненно, не роняя высокого достоинства священного ввести в соблазн

верующих; заботиться о содержании в чистоте и порядке Святыни и о правильном ведении хозяйства; не искать перемещения на другой приход без основательной к тому причины; для непрестанного духовного совершенствования читать ежедневно Священные творения Святых Отцев и прочих духовных писателей; домом своим править, т. е. воспитывать своих домочадцев в православном духе христианской нравственности; при исполнении треб довольствоваться добротными даяниями прихожан, не допуская вымогательства и о вышеизложенных обязательствах, а равно о принятой присяге, всегда помнить и совестно их исполнять».

Далее привожу его автобиографию и краткую характеристику.

Автобиография

«Я, Жуков Владимир Яковлевич, родился в 1894 году в июле месяце в с. Новая Хмелевка Елоховского района Куйбышевской области в семье крестьянина. Отец и мать занимались сельским хозяйством до революции и после революции. Родители мои умерли – отец в 1920 г., а мать умерла в 1954 г.

Я учился в сельской школе с. Новая Хмелевка этой же области. После окончания сельской школы я также занимался сельским хозяйством. В 1915 г. я был призван на действительную военную службу и после трех месяцев пребывания на фронте был взят в плен австрийцами, где находился до 1918 г. В 1919 г. я был призван в ряды Красной Армии, где служил до 1920 г. С 1920 г. после демобилизации я проживал в с. Новая Хмелевка до 1931 г. и занимался сельским хозяйством. В 1931 г. я был выслан согласно

постановлению в Казахстан. Проживал в г. Акмолинске до 1933 г. и работал при тресте заезжего двора Совхозов. В 1933 г. я переехал на место жительства в г. Караганду, где работал на разных работах в разных государственных учреждениях до 1957 г. С 1957 г. нахожусь на государственной пенсии и проживаю в г. Караганде, пос. Мелькомбинат 4, ул. Пищевая, 44. Имею состав семьи – жена Евдокия 1894 г. рождения и дочь, в настоящее время работает в государственном учреждении.

К сему /Подпись/ Жуков».

Характеристика: «Незаметный среди большого причта. Совершенно спокойный и добрый иерей. Несет аккуратно череду и не старчается. Достоин уважения и сам уважаем. Митрополит Иосиф Алма-Атинский и Казахстанский».

22 мая 1982 г., в день Перенесения мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бари, после службы состоялось отпевание иерея Владимира Жукова. Отпевание возглавил протоиерей Алексей Улович, благочинный Карагандинского округа и настоятель Михайло-Архангельского храма города Караганды. В своем надгробном слове он сказал, что отец Владимир был для него всегда духовным отцом и наставником. Похоронен отец Владимир недалеко от могилки старца Севастиана Карагандинского. Посещая эти захоронения, мне вспоминается такая история.

Хоронили на Михайловском кладбище какого-то главу района. Много собралось народа, говорили похвальные речи о заслугах этого человека, потом

поставили ему дорогой каменный постамент. Прошло еще около десяти лет, теперь на кладбище несли бывшего директора школы и решили сделать ему могилу недалеко от места захоронения старого главы района. Собрались директора школ проводить в последний путь своего сослуживца, стали говорить надгробное слово. Друг директора сказал: «Вот смотрите, здесь недалеко похоронены два разных человека. Одного боялся весь город, трепетали от каждого его слова, теперь он здесь рядом лежит, и посмотрите, кто к нему ходит, только виден один след. Это, скорее всего, жена или дочь. А рядом тропа к попу, к которому ходит весь город и постоянно идут и приезжающие. Это означает, как надо жить, чтобы не заросла тропа проходящих людей». Мне вспоминается стихотворение Майкова «Пустынник», которое часто читала Лидия Владимировна:

И ангел мне сказал: иди, оставь их грады,
В пустыню скройся ты, чтоб там огонь лампы,
Тебе поверенный, до срока убережь,
Дабы, когда тщету сует они познают,
Возжаждут Истины и света пожелают,
Им было б чем свои светильники возжечь.
[1883]

«Будь сам таким светильником, – часто повторяла Лидия Владимировна, – чтоб от тебя могли возгореться другие сердца».

Строительство Введенского собора

Старец Севастиан говорил своим духовным чадам, что район Мелькомбината напоминает ему Оптину. Он часто приезжал туда совершать различные требы, и к нему на молитву собирались толпы верующих.

Время пролетает быстро. Помню, была хрущевская оттепель. Потом пришла и перестройка. И вот однажды я услышал, что в Караганде задумали строить новый храм на юго-востоке. Из дома мне присылали вырезки из газет с фотографиями, как это все происходило.

Приведу несколько сводок из газет того времени. «И вот, выделенное под строительство храма место оказалось именно там, где благословлял жить своих духовных чад батюшка Севастиан, – рядом с мелькомбинатом. Закладка первого камня и освящение места под Собор произошло 14 июля 1991 г., на праздник святых Космы и Дамиана. Архитектурные формы Собора с куполами, служебными переходами, пристройками, лесенками, окнами напоминают Ноев ковчег, ведь в своем основании он и имеет эту форму. Главным архитектором проекта стал Владимир Сергеев, который перед началом проектных работ принял святое крещение.

В 1993 г. было завершено строительство купола. В 1994 г. в Караганду приехал владыка Алексей, архиепископ Алма-Атинский и Семипалатинский, и совершил первый водосвятный молебен с акафистом в новостроящемся храме. 23 мая 1995 г. в недостроенном храме состоялась первая служба —

Пасхальная вечерня. А начиная с 1996 г. службы в новом храме шли уже непрерывно.

На колокольне храма установлено девять колоколов.

Введенский храм имеет трехъярусный деревянный резной иконостас. Выполнили его местные мастера – резчики по дереву П. Снищук и Л. Майструк. Иконы для иконостаса написаны духовными чадами преподобного Севастиана.

19 июля 1995 г. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II посетил Караганду. Он отслужил панихиду в Свято-Введенском храме по всем невинно убиенным и замученным за веру Христову в годы лихолетий на Карагандинской земле — территории бывшего Карлага, пропустившего через себя два с лишним миллиона человеческих судеб».

С Лидией Владимировной мы встретились однажды в Хотьковском монастыре. Она приезжала к месту моего служения в 1993 г. Впоследствии я узнал, что у нее в доме по-прежнему происходили встречи с молодежью. Будучи несколько лет назад в Караганде, я познакомился с одним молодым человеком, который, как и я, в свое время посещал дом Жуковых и хорошо знал Лидию Владимировну. Наше знакомство состоялось как раз в тот период, когда я уже стал составлять очерк о жизни матушки Севастианы. В церковной периодике «Свет православия в Казахстане» № 8 (26) 1995 г. журналист Ольга Ходаковская пишет в начале своей статьи: «Многие материалы по истории Карагандинской церкви по крупицам собирал карагандинский краевед Юрий Попов, ныне уехавший жить в Тверскую

область России. Мне удалось повстречаться с ним в Караганде за десять дней до его отъезда, и Юрий Попов оставил на нескольких рукописных листках «руководство к изучению истории Карагандинской Церкви». Нашелся в Караганде совсем молодой верующий человек, студент, взявший это руководство к действию, и уже через полгода он прислал объемную рукопись первых результатов своей работы.

Текст первого очерка представляет собой выборочную напечатку статей Юрия Попова, публиковавшихся в местных изданиях, второй очерк по истории Карагандинской церкви 30–40-х гг. будет помещен в следующем номере – он записан большей своей частью по живым воспоминаниям старых карагандинцев. И только что стали доступны для ознакомления документы 20-х гг. и времен гражданской войны, написать об этом периоде еще предстоит».

Таким образом, журнал начал печатать «Очерки по истории Русской Православной Церкви в Караганде. Молодым человеком – составителем и автором статей, о ком шла речь и с которым я познакомился, стало духовное чадо матушки Севастианы Кирилл Дроздов (впоследствии священнослужитель, принявший монашество с именем Модест). Отец Модест прислал мне некоторые свои статьи из этого материала, в частности жизнеописание схиигумена Евфимия, а также копии документов из архива уполномоченного по делам религии. Они тоже ниже публикуются.

Прославление преподобного Севастиана

Мне было радостно узнать от своих земляков-карагандинцев, живущих в Сергиевом Посаде, что скоро будет прославление старца Севастиана в лике святых. Некоторое время спустя мне принесли журнал «Свет православия в Казахстане», изданный в Алма-Атинско-Семипалатинской епархии № 5 (52) 1998 г., где на странице третьей печаталось извещение о перенесении мощей преподобного Севастиана Карагандинского. Статья называлась «Града Караганды светлейшее украшение». В ней сообщалось, что «2 мая 1998 г. после совершения молебна и пения акафиста преподобному старцу Карагандинскому Севастиану в Богородице-Рождественском храме в Михайловке рака с мощами преподобного была перенесена в главный собор Караганды Свято-Введенский и установлена в его правом приделе, освященном в честь преподобномученика Севастиана Карагандинского. Перенесение было совершено архиепископом Алма-Атинским и Семипалатинским Алексием в сопровождении духовенства епархии и многочисленных паломников из разных городов Казахстана и России и жителей Караганды. Уютный низенький Богородице-Рождественский храм в поселке Михайловка, детище батюшки Севастиана, в котором он прослужил вплоть до своей блаженной кончины, не мог вместить всех желающих пропеть акафист и величание преподобному вместе с архиепископом Алма-Атинским и Семипалатинским Алексием и многочисленными священниками, собравшимися из многих казахстанских приходов, чтобы принять

участие в торжественном перенесении святых мощей Карагандинского старца. Люди заполнили церковные дворик и близлежащую улицу. Когда по окончании акафиста процессия с иконами, хоругвями и ракой двинулась с пением «Христос Воскресе...» по улице к автобусам, казалось, что сопровождает батюшку в сей славный путь вся Караганда...

Величественный и торжественный Свято-Введенский храм, строительство которого преподобный Севастиан предсказал и тем самым как бы заранее благословил, встретил крестный ход с мощами радостью пасхальных песнопений, умиленными слезами многочисленных его прихожан и паломников. Пребывающий ныне святыми своими мощами в главном храме Караганды – города, необъятная степь вокруг которого усеяна костями упокоившихся в них жертв страшных лет переселения и лагерей. Преподобный Севастиан как бы взял под свой молитвенный покров всю казахстанскую землю... Преподобне отче Севастиане, моли Бога о нас!»

Владыка Алексей архиепископ Алма-Атинский и Семипалатинский, сказал следующее слово: «Приспе день светлого торжества! Град Караганда радуется, и с ним концы Казахстанской земли ликуют, и вся святая Русь ликует! Днесь бо священное торжество, первого по прославлении в лике святых дня памяти преподобного и богоносного отца нашего Карагандинского старца схииеромандрита Севастиана, исповедника. Ликует вся вселенная, торжествуя Пасху Божию спасительную, и прославляет Воскресший Господь своего верного

служителя, воина, не обязавшагося куплями житейскими, чтобы быть ему угодным Господеву и подвизался искреннею верою, подвигом терпения и благочестия, даже до самого последнего своего издыхания, всегда и во всём пребывая верным Подвигоначальнику и спасителю Господу нашему Иисусу Христу...

И поэтому, когда сегодня спрашивают: "Терпеть ли нам болезни, терпеть ли нам напраслину или, может быть, уклониться? Зачем нам этот Казахстан, который изначала – земля казахов? У нас есть своя, исконная наша Родина – Россия! Оставим здесь всё и пойдём туда, там нам будет легче..." Может быть, так сказать?

Но они, страсотерпцы XX в., будут живым укором для нас, потому что тогда мы будем воистину христопродавцами, вторыми иудами. Ибо Казахстан – и об этом сказал нам Святейший Патриарх, и здесь, на пороге этого храма, – Великая Голгофа Святой Руси, Казахстан – распростертый антиминос под небосводом этого края. Он весь усеян костями мучеников и исповедников; самый воздух над нами освещён восходом их исповеднических душ. "Господня земля вся, вселенная и все живущие на ней". И сегодня мы с вами – то семя, которое посеяно здесь рукою Божественного Промысла в землю, которая напоена кровью мучеников и исповедников и приобрела их трепетно предавшими себя на заклятие телесами. Мы – семя, которое, в исполнение Божественного Промысла, должно прозябнуть, вырасти и принести плод сторичный, чтобы имя Святой Живоначальной Троицы Бога – Отца, Бога –

Сына и Бога – Духа Всесвятого, и через нас, и через детей наших, и через детей детей наших на этой земле славилось во веки веков до скончания мира. Аминь» (журнал «Свет православия в Казахстане», № 5 (52) 1998 г., с. 4–7).

Женский монастырь в Караганде

В № 8 (65) за 1999 г. упоминаемого ранее журнала была опубликована заметка об образовании женского монастыря в Караганде. Далее привожу текст из нее.

«Богородице-Рождественский женский монастырь г. Караганды был образован на основе одноимённого прихода в 1998 г. (решение Священного Синода РПЦ от 9 июня 1998 г.). В настоящее время в нём приняли постриг 7 человек. Настоятельница монастыря – монахиня Севастиана (Жукова), нареченная в честь основателя прихода схиархимандрита старца Севастиана Карагандинского.

В монастырском храме – три священника и диакон; настоятель его архимандрит Петр (Горошко). В храме два престола, второй освящен в честь Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, в память Предтеченского скита Оптиной пустыни, где старец Севастиан принимал постриг.

Многие насельницы и служащие монастыря были очевидцами высокой духовной жизни батюшки Севастиана, служивших ему клириков (протоиерея Александра Кривоносова и др.), его сподвижниц (схимонахини Агнии и др.) и стараются, по мере сил своих, блюсти их духовные традиции. Иной раз кажется, что слишком уж тщательно, до мелочей они

следуют им. Но в духовной жизни мелочей не бывает: "Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом" (Лк.16.10). Так что внешне после преобразования прихода в монастырь почти никаких изменений не произошло: храм, хозпостройки те же, и заботы прежние. После того как стал действовать в городе Свято-Введенский собор, количество прихожан уменьшилось.

После вечерней службы читаются положенные в иноческом правиле каноны, и по совершении их насельницы расходятся по кельям.

Особенная духовная благодатная атмосфера и гостеприимство, которыми, кажется, пропитаны даже ее стены, привлекают туда многих страждущих душой людей. И там, примирившись в Таинстве Покаяния с Богом, они находят тишину, превыше всякого ума мир Христов и другие разнообразные дары божественной любви, которые трудно воспринять и, главное, сохранить в повседневной многозаботливой жизни.

Неброский, по-домашнему уютный вид храма напоминает многим о щедродательном и всепрощающем Отце из Евангельской притчи о блудном сыне и его смиренном любвеобильном слуге – преподобном старце Севастиане Карагандинском. Рака, где покоились его мощи до перенесения в Свято-Введенский собор, находится на середине храма у солеи.

И там он незримо принимает и успокаивает вместе с нашим Небесным Отцом всех «труждающихся и обремененных», приходящих под покров Небесной Царицы, рождеству Которой посвящена обитель» (журнал «Свет православия в Казахстане»

Алматинско-Семипалатинской епархии № 8 (65) 1999 г., с. 31).

Автором статьи был диакон Ахия Рахимжанов. Кстати, несколько слов о нем. Как мне недавно сообщили, сейчас он священник в храме Петра и Павла города Караганды. Мама у него русская, а отец – казах-мусульманин. Ахия упорно искал себя в вере, не находил успокоения и, наконец, решил принять православие и стал впоследствии доблестным безотказным священником.

Когда мне удавалось бывать на малой родине, я всегда с большим интересом и радостью читал статьи в журнале «Свет православия в Казахстане». Приведу еще один материал из раздела «Новости духовной жизни в Караганде», который назывался «Паломничество к карагандинскому старцу» и был опубликован в № 5(72) за 2000 г. на с. 19.

«С давних времен паломничество было для верующих людей одним из способов общения с Богом. В надежде на исцеление душевных скорбей и тяжелых недугов, пытаюсь найти верный путь к жизни, стекаются люди к святым местам.

Много в России святынь, к которым приезжают люди со всего мира за Благодатной помощью. Но не только Святая Русь является местом паломничества. Господь, по своей милости, даровал нам, казахстанцам, небесного заступника – святого преподобного старца Севастиана Карагандинского.

Благодаря помощи Софийского храма и иерея Валерия Черненко стали доступны поездки по святыням России, Казахстана. Недавно в одной из таких поездок побывала и я, учащаяся АЕДУ (Алма-

Атинского епархиального училища). Господь сподобил меня побывать в Караганде на праздновании обретения мощей схиархимандрита Севастьяна (6/19 апреля). В моей душе эта поездка оставила неизгладимое впечатление. Уже в Караганде, направляясь к монастырю, мы проезжали мимо собора. Было примерно 4 часа утра. Абсолютная темнота, и в ярких огнях ночных фонарей стоит этот величественный храм, хранящий в себе жемчужину, ради которой мы преодолели этот долгий путь. От чувства близости святыни и какой-то невыразимой радости, остановившись, все запели величание старцу Севастиану.

Весь следующий день до вечерней службы я с другими алматинскими паломниками провела в монастыре. Необъяснимое чувство охватывало меня там: куда бы я ни пошла, в какой уголок ни заглянула, везде чувствовалось батюшкино присутствие. Иногда мне казалось, что старец невидимо стоит рядом с нами и наблюдает за нашей суетой. Много рассказывала после о жизни старца и его духовных чад матушка Севастиана. Эта старица, уже преклонного возраста, но очень подвижная, хлопотливая, добрая, она с необъяснимой силой притягивает к себе людей. Кажется, ни в одном человеке она не видит зла – вот оно – истинное монашеское смирение. На празднике в соборе было очень много людей. Я встретила здесь людей, которые приехали помолиться за своих болящих родственников, а некоторые привезли их с собой. Казалось, уже нет никакой надежды на исцеление. Но ведь Господь сказал, что каждому дается по вере его, а в вере этих людей можно не сомневаться. Как бы хотелось

приближаться к Богу, с каждым днём обретая большую веру в него. Я буду молиться преподобному старцу Севастиану о даровании мне Богом хотя бы маленькой помощи. Господь дал нам поистине великого молитвенника о грешных душах наших и покровителя всей казахстанской земли, батюшку Севастиана, его же молитвами, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас» (Анна Курбатова, выпускница паломническо-регентского класса АЕДУ).

А вот небольшой отрывок из публикации о паломничестве в Караганду из журнала «Лучик» (№ 5 (35) за 2005 г.): «Когда поехали в монастырь, нас встретила матушка Севастиана, необыкновенной душевной красоты человек. В общении с ней мы очень много узнали духовно-полезного. Такого человека я в жизни ни разу не встречал. Сколько в ней доброты и чистосердечности! Она рассказывала нам о батюшке Севастиане и вообще много интересного. Было очень здорово». Автор заметки – Константин Алексашин.

«Благодаря воле Божией мы поехали в Караганду на поезде. Ехали один день. Меня радовало, что я еду с воскресной школой и моей любимой крестной мамой. В незнакомом городе нас встретили как родных – с теплотой, вниманием, любовью. В монастыре нам даже давали карагандинское мороженое. Мне понравилась икона Божией Матери с Иисусом на руках, у Иисуса Христа из рук и ног сочилась кровь. Матушка Севастиана одарила нас всех подарками. К сожалению, мой папа не ходит в храм, но кассеты, которые подарила матушка,

слушает каждый день. Мне надолго запомнятся слова матушки, которые звучали так нежно, но и строго – о послушании, об уважении к родителям.

Я очень рада, что эта поездка имела духовный смысл, а не праздный характер, и меня окружали люди, которые веруют в Господа и в спасение» Фотиния Ефимова.

В журнале «Свет православия в Казахстане», в частности в № 3-4 от 23 апреля 2006 г., я с упоением прочитал о поездках в мои родные места школьников. В Богородице-Рождественский монастырь к старцу Севастиану и его духовным чадам часто паломничает церковно-приходская школа Свято-Никольского собора г. Алма-Аты.

О духовной пользе этих поездок, о встречах с матушкой Севастианой рассказала директор школы Галина Васильевна Черепанова: «Из наших паломнических поездок мы выносим уроки любви, смирения, терпения, послушания... Видим в духовных преемниках старца Севастиана те добродетели, о которых читаем в книгах. Последнее время мы стараемся записывать на видеокамеру беседы с этими духовными людьми... Они – живые носители православной традиции. И нам очень дорог их духовный опыт, приобретенный через страдания. Один из наших подростков после паломничества в Караганду написал в своем сочинении: "Как они могли терпеть голод, холод, не озлобляясь? Мы, если нас обидают, даем друг другу сдачи, а они жили по-евангельски. Я стал размышлять: мог бы я вынести то, что претерпели они? Думаю, что такой, как я сейчас... – нет. Помогите мне, Господи!" И дети, и

взрослые всегда ждут встречи с матушкой Севастианой. Последнее время мы приезжаем группой в 36 человек. И у нас такое ощущение, что каждый из нас – самый любимый, самый долгожданный гость для матушки Севастианы. Она каждого целует, обнимает, потчует пирогами, булочками, которые нам кажутся вкуснее пирожных. Но чего мы больше всего ждем – это матушкиных рассказов. Эти рассказы – из ее личного опыта и из жизни тех людей, которые подвизались с ней в трудные годы. Многие были духовными чадами старца схииархимандрита Севастиана».

Карагандинская епархия

Читая однажды журнал Московской Патриархии, я с радостью узнал, что в 2010 г. решением Священного Синода от 6 октября 2010 г. образована Карагандинская епархия (журнал № 96) с последующим утверждением на Архиерейском Соборе в пределах Карагандинской области путем выделения из состава Алма-Атинской и Чимкентской епархий. В пределах епархии проживает 1340000 человек. Синод постановил Преосвященному Карагандинскому иметь титул Карагандинский и Шахтинский. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 2–4 февраля 2011 г. утвердил решение Священного Синода об образовании Карагандинской епархии (Определение «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви», п. 3). Кафедральным городом определен город Караганда, а Кафедральным собором — храм в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Последняя встреча с матушкой Севастианой

В 2012 г. мне довелось побывать в Караганде вместе со старшей дочерью. Мы долго ходили по городу, и я рассказывал ей о здешних достопримечательностях, о времени моего детства и юности. За тридцать лет город очень изменился. Уже было трудно узнать некоторые улицы и районы. Выросли новостройки, многие старые дома оказались снесенными или перестроенными. Друзья и знакомые стали пожилыми людьми, лишь Михайловская церковь почти не изменилась, она все такая же приземистая, только обложена кирпичом, а так все, как было раньше. Очень хотелось упасть перед образами и разрыдаться. Вот я, пропащий, снова вернулся сюда...

Лидия Владимировна уже была не просто староста храма, а матушка-игуменья Севастиана, известная и настоящая почитительная старица. Немало людей желало с ней увидеться и испросить у неё благословения и совета. Я будто невольно вернулся в свои детство и юность и как-то непроизвольно задал себе вопросы и сам ответил на них: «Где был я, что делал, где пропал? На что ушли мои годы? Где я их истратил?.. Архимандрит отец Петр Горошко – уже почтенный старец, а я всего лишь участковый священник местного сельского уровня и еще просто дитя на духовном уровне...»

Я пребывал в унынии и растерянности. Да, забыл сказать, что как-то так получилось, что с Лидией Владимировной я не переписывался уже лет 10, а не

виделись мы более 20-ти. И вот произошла наша неожиданная встреча. Простите, теперь она уже была матушка Севастиана. Когда я ее увидел, в горле образовался комок, слов не было, от души хотелось заплакать. Она меня сразу узнала и, видимо, испытывала такие же чувства. Как матушка мне потом рассказала, ей хотелось и обнять меня, и одновременно поколотить – почему я так долго не появлялся, где пропадал, почему перестал писать письма, не отзывался? Я стоял как вкопанный, мне было стыдно как нашкодившему ребенку. Я чувствовал свое полное убожество и никчемность перед утомленной жизнью почтительной старицей. Все, кто подвизался здесь с преподобным старцем Севастианом, мне казались великими духовными подвижниками. Эта встреча очень серьезно повлияла на меня и оставила в моем сердце самое неизгладимое впечатление. Здесь в меня будто вошел необжигающий огонь доброй и тихой любви, новая струя обновляющей жизни. Приезд этот подействовал на меня больше, чем пребывание на Святой земле. Там я словно обрел Родину своей души, а здесь всепобеждающий огонь любви, который обязывал меня гореть душой и сердцем.

Позднее я побывал в Алма-Ате в поисках своей родной мамы. Я родился в этом городе, мои родители там прожили вместе несколько лет. Затем, когда мне было лет 10, они развелись, и так получилось, что меня воспитывал отец. Мать осталась с моей сестрой – дочерью от первого брака, а меня отец увез в Караганду.

Сначала я посетил Никольский храм, разыскивая хоть какой-то след. Там, я полагал, могли быть живы люди, знавшие моих родителей. Затем я побывал в учреждении социальной службы. Однако никаких сведений о матери мне обнаружить не удалось.

Мимолетом я услышал очень приятные отзывы о паломнических поездках в Караганду, и мне даже дали прочитать одну заметку из журнала «Свет православия в Казахстане», № 11-12 за декабрь 2014 г. Приведу небольшой отрывок из нее.

«Поехали в с. Михайловка, на службу в Богородице-Рождественский монастырь, где сподобились увидеть архимандрита Петра Горошко и матушку Севастиану. Людей, чей взор устремлен в мир горний, – так можно кратко охарактеризовать этих рабов Божьих. Даже мимолетное общение с ними дало нам пример веры, дисциплины, внутренней стойкости и нелицемерной любви к людям.

Матушка Севастиана угостила нас вкусным ужином. Несмотря на перенесенную операцию, она была на службе, встретила паломников, дала ценные наставления.

Вернувшись в Михайловку, где нас ожидала матушка Севастиана, мы услышали главные, на мой взгляд, слова: «Спешите делать добро». Щедро одарив нас пирогами и книгами, матушка благословила нас на обратный путь. Видя пример таких людей, понимаешь, что во всем этом есть та Правда, к которой еще надо стремиться, познавать ее и укрепляться в вере» (Дмитрий и Татьяна Ячковские).

Ниже я помещаю интервью, которое дала матушка корреспондентке упомянутого журнала Алле Сорокиной. Статья называлась «О времени, о людях, о себе...»:

– Матушка, родители во многом определяют наш духовный путь. Расскажите, как это произошло с Вами, как Ваши родители повлияли на Вас.

– Вся моя жизнь в детстве была на слезах. В 1931 г., когда людей часто забирал «черный ворон», мы были привезены из села Новохмелевки Самарской области сюда, в Казахстан, сначала в Акмолинскую область, а затем в Кампанейск, недалеко от современной Караганды. Нас в семье было пятеро детей. Строили дома из дерна и так жили. Все соседи наши, как и мы, были раскулаченные.

Как родители повлияли? У нас дома была одна единственная икона Казанской Божией Матери. Ее, когда нас увозили, мама смогла привезти с собой. Конечно, мы молились. Нас учили, как правильно надо молиться. Книг тогда никаких не было, но религиозным был весь быт нашей семьи, хотя открыто, наружу ничего не говорилось и не выносилось. Люди были разные.

– Ваша семья была верующей. С какими трудностями приходилось чаще всего сталкиваться церковному человеку в 40-е, 50-е и 60-е годы?

– Очень непросто ответить. Вся церковная жизнь была секретной. Вот один характерный случай. Когда строился Свято-Введенский собор, мне поручают раздобыть тонну гипса. Я написала письмо и пошла. Прихожу на одно предприятие и жду своей очереди

на прием к директору. Жду долго. Наконец, захожу в кабинет и быстро представляюсь: «Я – представитель Богородице-Рождественской церкви...» и только хочу назвать, кто я такая, меня он обрывает: «Лида, ты что, меня не узнала?!» Оказалось, что это наш сосед по Мелькомбинату, там мы жили в трехэтажке, его семья жила как раз над нами. Семья была многодетной, и они часто приходили к нам то за спичками, то за солью, то дети заболели, молочка нужно. Я его почти не помнила, так как он был младше меня на девять лет, а он меня хорошо помнил. Это было связано еще с тем, что у меня у одной в доме был велосипед, и я всех детей по очереди катала. Мама звала: «Лида, домой!» А я ей отвечала: «Мама, осталось еще шесть человек!» И вот при каких обстоятельствах спустя много лет мы встретились.

Скоро этот директор заболел, у него был рак, я пришла к нему и стала расспрашивать, когда он последний раз причащался. То, что он ответил, очень меня удивило: «Последний раз я причащался давно, когда меня крестили у вас дома». Но я этого не знала, только догадывалась, что иногда у нас дома крестят. Приду домой, а посреди комнаты лужа воды, я к маме с вопросом: «Что это?», а она тряпку возьмет и мигом все уберет, не отвечая. Однажды прихожу домой, стучу в дверь – не отвечают, еще стучу. Выходит мама, из-за двери говорит: «Лидия, подожди». Я жду, жду, жду. Устала ждать, снова стучу. Выходит опять мама и через дверь говорит: «Лидия, я тебе сказала русским языком!» А если произнесено: "Я тебе сказала русским языком",

больше уже не стучи, это опасный знак. Я сразу присмирела. Наконец, она открывает, я захожу, и что вы думаете? Батюшка Севастиан и она – больше в доме никого нет. Батюшка собирается, мы его провожаем, я спрашиваю: «Мама, почему ты мне не открывала?»

Оказалось, что крестили двух пареньков, которые призывались в армию. Они согласились креститься, но только при одном условии: «Чтобы ваша Лидия не знала, а то будет нас дразнить». И вот батюшка их крестил, а мама затем выпустила их другим выходом через сад.

– Матушка, Вас лично, как человека верующего, коснулись каким-нибудь образом гонения?

– Я работала в системе образования, вела кружки на станции юных техников. Мне приходилось с ребятами совершать поездки в разные города. Одна женщина, которая сейчас является прихожанкой нашего храма, вспоминала, как их руководительница Лидия Владимировна, то есть я, вела себя очень странно: идет и вдруг начинает на своей обуви застежку то расстегивать, то вновь застегивать. А дело было в том, что я не могла на виду у всех кланяться, когда мы проходили возле храма, и для того, чтобы поклониться, делала вид, что застегиваю и без того застегнутую обувь.

Возили детей в Москву, ну я, конечно, повезла их к преподобному Сергию, даже купались на святом источнике. А потом дети говорят мне: «Лидия Владимировна, поедemте в мавзолей!» А я им отвечаю: «Ой, ребятки, не могу, я очень-очень мертвецов боюсь».

Так и не пошли. Позже, видимо, кто-то передал мои слова кому надо, и меня уволили. Я это предчувствовала и спрашивала у батюшки Севастиана: «Может, мне пораньше самой уйти?» Он отвечал: «Нет, пусть сами попросят». Надо сказать, что люди работали там хорошие, поэтому все обошлось по-доброму, тактично. Прихожу к батюшке. А он мне говорит: «Господь бы дал здоровье, а работа будет». И вот, работаю до сих пор.

– Матушка, вы не вышли замуж, предпочтя путь монашеской жизни. Что подтолкнуло Вас к принятию монашества?

– В 1947 г. я приехала в Ульяновск поступать в институт. И познакомилась там с девушками Антониной и Рахилью. Они были верующие. И вот в процессе общения я узнаю, что девушки ездят к старцу. Зовут его Василий. Был он уже в очень преклонных годах. И очень болел.

Я еду к этому старцу. Сначала из Симбирска на поезде, а потом от станции 25 км надо было пройти пешком, так как машин попутных в то время почти не было.

Прихожу. Старец лежит за занавесочкой. «Ну что, – спрашивает, – у тебя, какое горе?» А у меня никакого горя нет. Какое у меня горе? Я – «на воздушных». «Ну, Бог благословит». И все. Он всех благословлял рукой, а мне просто сказал: «Бог благословит». Я пошла обратно. Иду, размышляю: «Значит, я недостойная». Уже стало темнеть, и я попросилась к одной старушке, Марии Ивановне Сучковой, переночевать. Смотрю – кровать одна,

никого нет, спрашиваю: «А вы одна живете?» «Нет». – «А с кем?» – «С Богом».

Вот это да! С Богом она живет! Позже вышла на улицу, смотрю: идут странники. Поют. Я к ним: «Вы откуда идете?» – «От старца». – «И что он вам сказал?» – «Бог благословит».

Ну, думаю, раз и им так же сказал, значит, все хорошо.

На Крещение Тоня и Рая (так мы звали Рахиль) собирают меня опять. Доезжаю до станции, схожу первая и бегу к Марии Ивановне, с которой познакомилась в прошлый раз. Она лежит одетая, под двумя одеялами. У нее грипп. Температура высокая. «Лида, – спрашивает, – ты не замерзла? На чем же ты поедешь?» – «Как получится». Бегу на станцию. На чем ехать – на лошадях или на машине: людей много идет. И тут я поворачиваю голову и вижу: идет Мария Ивановна и на спине несет чапан. Он войлочный, тяжелый, она его еле несет. «Лида, возьми, – говорит, – а то такой мороз». Да разве ее забудешь...

Пришли к старцу. Пропели «Во Иордане...». Смотрю, идут старушки согбенные такие, с палочками. Раздеваются, складывают все на снег. А вокруг ничего не видно, кроме звезд и этой проруби. И я раздеваюсь и туда. Знаете, когда выходишь из иордани, несмотря на то, что и волосы колом стоят, все тело горит! Чувствуешь веселье необыкновенное! А старушки идут назад уже без палочек...

На Пасху собираемся ехать с Тоней. Холодно. Мы повязали платки, надели чуни. Идем. За спинами по пачке газет. Тогда газеты вместо обоев на стены

клеили. И вот в одном месте дорогу перекрывает поток воды. Мы разулись и идем. А поток такой, что сносит. И эти газеты за спинами нам помогли. Утяжелили нас немного. Прошли мы эту воду. А дело было в Великий Четверг. Я говорю Тоне: «Это у нас словно омовение ног».

Ночевали мы у одной девицы – Евдокии. Народу много. А печка еле дышит. Ужас как холодно. Меня укутали в шаль. Греюсь. А у Тони был хороший голос, начали службу. Она поет песнопения Великого Четверга, а я ей изо всех сил стараюсь, подпеваю, шалью прикрытая. Я очень любила петь. И пела при любой возможности. Она начинает петь первым голосом, и я с ней, она переходит на вторую партию, и я вслед за ней. Я так устала, конечно, петь, мне жарко стало от такого пения. И вот, я шаль-то откидываю, а Тоня: «Ба, да это ты! А я тебя не узнала! Так бы дернула или щипнула бы тебя, а так неудобно было остановить, думаю, кто это так старается!»

Пришли к старцу, Тоня говорит: «Лидия рассказывает, как омовение ног у нас было». А он нам: «Идите на печку. Ничего не будет». И ничего не было. И, слава Богу, до сих пор бегаю. После этих встреч со старцем я домой приехала уже немного другая.

Именно эти встречи подтолкнули меня к принятию монашества.

– Матушка, Ваша жизнь связана с преподобным Севастианом, каким он Вам запомнился?

– Для меня он был очень добрый. Мне так было стыдно, когда он меня называл Лидия Владимировна.

Господи, помилуй, кто я? Прыгала тогда, как коза, а он меня «Лидия Владимировна».

– В этом году исполняется 40 лет со дня блаженной кончины старца. Что с тех пор изменилось в духовной жизни Караганды, считаете ли Вы, что заветы батюшки сохраняются до сих пор?

– Я помню, батюшка говорил с амвона о том, что прежде чем писать записочки с именами своих родственников, вы пишете имена тех священников, которые были при ваших родителях. Чтобы ваши родители были с тем священником и там. Мир-то не умирает.

– Были ли в Вашей жизни случаи, которые Вы считаете чудесными? Расскажите, пожалуйста, о наиболее запомнившемся.

– Умирает старец Василий, и я поехала к нему на могилку. И когда я возвращалась, то на остановке было очень много народа. Это было 31 августа. А мне подарили фотографию старца. И я с этой мыслью стою. Машины все проезжают, не останавливаясь. «Неужели мы не уедем?» – спрашиваю. Мне отвечают: «Если ты счастливая, то уедешь». Я думаю: «Да, я счастливая. У меня ведь фотография старца!»

И вот едет машина. Едет и не останавливается. Меня как будто что-то подталкивает, и я бегу за этой машиной. Она едет, а я бегу. Бегала я всегда хорошо. Вдруг машина остановилась, высадили пассажира. И слышу, кто-то сказал: «Девчонку возьми, она так долго бежала». И меня взяли. Села я рядом с каким-то старичком. Он поворачивается ко мне и спрашивает: «Скажи, дочка, а откуда ты знала, что

машина остановится?» А это объяснить невозможно. Я не знала, но меня кто-то подталкивал: «Беги!»

А вот такой случай произошел уже здесь, при батюшке Севастиане. На Пасху батюшка раздавал яйца. Я пришла на службу в розовом плаще. И он долго выбирал, какое мне дать. Возьмет в руку, посмотрит – положит. Мне даже неудобно стало, все люди ждут, а батюшка для меня выбирает. И вот, наконец, выбрал под цвет моего плаща, красивое-красивое. Я была, конечно, несказанно счастлива. Приношу его домой и говорю маме: «Давай его сохраним». Спрятала. Прошло несколько месяцев, я что-то ищу. И вдруг выкатывается это яичко и разбивается. А оно всмятку!

И жалко яичко, и удивительно. Я говорю маме, вот сейчас пойду на работу и всем покажу, что яичко не испортилось. «Да что ты, дочка, – отвечает мама, – никто же не поверит, скажут, что ты сейчас только его сварила и покрасила!»

– А сейчас люди сильно отличаются от прежних?

– И сейчас есть такие, как и раньше. Матушка Анастасия говорила: «Там, где эта Пелагия будет, там не каждая монахиня сможет быть».

– Матушка, что бы Вы назвали главной проблемой, бедой современности?

– Батюшка Севастиан говорил: «Потерял богатство – не все потерял, потерял здоровье – есть надежда на Бога, потерял веру – все потерял». Это самое основное.

– На что, по Вашему мнению, нужно в первую очередь обращать внимание в духовной жизни?

– На веру в Бога – это самое основное. Без веры в Бога ничего не будет.

– Но сейчас почти все говорят, что верят в Бога.

– Кроме веры, нужно делать еще добрые дела.

– А какое, по-Вашему, самое важное доброе дело?

– Все добрые дела главные, здесь хоть что возьми. Добрые дела не пропадают.

– Какие радостные моменты Вы усматриваете в современной церковной действительности?

– Что хорошее? Каждый праздник в Церкви есть праздник всего и вся. На Вознесение мы обычно празднуем открытие нашего храма. На улице накрываются столы. Погода всегда стоит солнечная. Радость от самого праздника, и еще радость от того, что благословение батюшкино исполняется. Радость всегда приходит с нашими православными праздниками.

– Матушка, у Вас богатый жизненный опыт, исходя из него, дайте нам совет: чего нужно избегать в жизни и к чему стремиться?

– Избегать, это самое основное, греха и стремиться к добру.

Матушка всегда заботилась о духовном состоянии сестер и прихожан обители и говорила: «Мир дороже всего, дороже мира ничего не может быть, поэтому берегите мир и стремитесь к миру, и благородный тот, кто первый прекращает ссору».

Каждый, кто посещал обитель, видел ее трудолюбие, скромность, послушание священноначалию, искреннее стремление трудиться во благо Святой Церкви, усердную заботу о сестрах, любовь к

паломникам и богомольцам, к которым она относилась как к гостям Божией Матери. Матушка была гостеприимная и хлебосольная. Когда паломники и прихожане усаживались за стол, матушка начинала душеспасительные беседы и рассказы. Она часто вспоминала такой случай о батюшке Севастиане: «Я так хорошо запомнила: батюшка, значит, выходит от нас, берется за дверную ручку, поворачивается и говорит моей маме, а сам при этом на меня смотрит: "Поминайте, пока есть чем", а я думаю: почему это батюшка на меня смотрит? Так вот, мама-то умерла, а я до сих пор поминаю».

Несмотря на возраст, матушка всюду успевала: встретить и накормить паломников, определить на ночлег (приезжали со всех стран СНГ, Москвы, Санкт-Петербурга, дальнего зарубежья), вовремя ответить на звонки, распорядиться в трапезной и многое другое.

Матушка с горением сердца совершала свое монашеское делание, бережно хранила и передавала традиции иноческого жития, воспринятые ею от преподобного Севастиана Карагандинского. Матушка благословляла вести уход за одинокими, больными и престарелыми людьми и обеспечивать их питанием и одеждой. С отцом Михаилом (Патрикеевым) они посещали хоспис и областную онкологическую больницу, где поддерживали и утешали пациентов, а архимандрит Петр каждую неделю причащал больных.

Духовная дочь матушки, Ираида из Омска, пишет в своих воспоминаниях: «Последний раз я видела матушку за два месяца до ее кончины.

Приехала опять во время майских праздников. Шла вечерняя служба. Матушка сидела в деревянном креслице, а слева за ее спиной стояла послушница Шура. Я положила земные поклоны перед ракой преподобного Севастиана и, повернувшись, опустилась на колени перед матушкой под ее благословение.

Она перекрестила меня, а потом вдруг опустила голову на мое плечо и заплакала. Ее хрупкое изболевшее тело вздрагивало, а я, не готовая к такой реакции, только и смогла произнести: «Матушка, я стихи привезла».

Она как-то безучастно ответила вопросом: «Зачем?»

Трудно было сдержать слезы, но плакала я уже, отойдя от матушкиного кресла, чтобы она не видела. Потом мне сказали, что это она так со мной попрощалась, зная уже о своей близкой кончине, и что это последняя наша с ней встреча в этой жизни.

Матушку оберегали от лишнего внимания, потому что она была очень слаба. За те два дня, которые я пробыла в монастыре, я еще несколько раз видела матушку, но уже не обременяла ее своими разговорами.

Но вот вечером перед отъездом я все же решила попробовать подойти к ней за благословением. Она устало сидела в кресле, стоявшем посреди кельи преподобного, дверь в которую была открыта. Шура неизменно была рядом.

Нечеловеческая сила духа матушки мужественно противостояла ее уже отчетливо видимой человечес-

кой немощи, но на все уговоры пойти отдыхать она, как будто не слыша их, не реагировала. А народ шел.

Я зашла только за благословением, но матушка после того, как перекрестила меня, начала говорить Шуре, чтобы та собрала мне в дорогу гостинцев. Мне было очень жалко матушку и хотелось сказать, что никаких гостинцев мне не надо, но я промолчала, зная уже, что даже в таком состоянии матушка молится за меня.

Последний раз я смотрела на дорогое лицо матушки, в ее страдающие глаза, когда Шура заботливо вела ее по коридору в келью, где матушка последнее время жила «под присмотром». А я заходила в этот корпус повидаться с Валентиной Степановной и шла теперь к выходу. Господь еще раз сподобил меня воочию прикоснуться к светлой душе, до краев наполненной любовью».

После праздника Троицы у матушки ухудшилось здоровье. Она терпеливо переносила болезнь, возлагая упование на Бога и находя утешение в молитве. Матушка Севастиана преставилась ко Господу 7 июля 2015 г. в 4 часа 35 минут на девяностом году жизни. Был вторник, престольный праздник Рождества Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Перед смертью, 4 июня 2015 г., она приняла великую схиму с тем же именем (в честь мученика Севастиана Медиоланского).

На третий день после кончины матушки епископ Севастиан совершил отпевание схиигуменнии Севастианы.

Схиигумения Севастиана погребена близ того места, где был похоронен преподобный Севастиан Карагандинский.

За многолетние труды схиигумения Севастиана была удостоена Наградного Креста и ордена «За заслуги перед Православной Церковью Казахстана».

Когда я приехал в очередной раз в Караганду уже после кончины матушки Севастианы, ее духовные чада вручили мне две брошюры, посвященные жизни и духовному подвигу почившей схиигумении. Приведу несколько выдержек из брошюры, которая называлась «Наш Светлый Ангел (Воспоминания о матушке Севастиане)».

«Хочется рассказать о золотом времени матушки Севастианы, которое наступило с открытием Богородице-Рождественского женского монастыря. Автобусы паломников устремились в Караганду к матушке Севастиане, и каждого паломника она встречала как самого родного и близкого человека. Матушка всех гостей обители приглашала в келью преподобного Севастиана, рассказывала истории из его жизни, читала на память длинные стихи, и каждый человек чувствовал, что именно ему, а не кому-то другому матушка Севастиана уделяет свое внимание и любовь. После того как быстро пролетали чудесные дни паломничества и общения с матушкой и наступало время отъезда, матушка всех щедро одаривала съестными благословениями и потом, провожая автобус, плакала. А ее слезы рождали в сердцах паломников горячее желание снова приехать в благословенную Караганду и

насладиться общением с такой маленькой, худенькой, но такой родной и близкой матушкой.

Многие жители Караганды считали своим долгом хоть один раз в году посетить монастырь и встретить матушку Севастиану. Часто бывали в обители предприниматели, среди которых была распространена горячая вера в матушкины молитвы. Но не только они верили в их благодатную силу. Некоторых людей, имевших неблагочестивый род деятельности, матушкины молитвы привели к покаянию. Один человек по имени Георгий свидетельствовал о том, что каждый раз, приходя в монастырь, он встречал при входе матушку Севастиану, вздохавшую и говорившую ему: «Сына! Не по той ты дорожке идешь, не по той...» «Какие наши годы!» – отвечал он, смеясь. Но однажды в его жизни наступил момент, когда он решил отомстить своим обидчикам, убить сначала их, а затем себя. Находясь в страшном возбуждении, он не заметил, как подъехал к монастырю, в воротах которого его снова встретила матушка со словами: «Сына! Ты сильно устал, тебе надо отдохнуть». Так, по молитвам игуменьи Севастианы, покаялся еще один бывший разбойник, после этой судьбоносной встречи оставивший все мирское и подвизающийся теперь в одной из монашеских обителей.

Каждого человека матушка умела утешить своим благодатным словом: «доча», «сына», – так она обращалась к людям. В трапезной монастыря могли находиться и генерал, и нищенка, просившая милостыню перед воротами обители. Каждый человек для матушки Севастианы был ценным и неповторимым,

и ее любовь щедро изливалась и на знакомых, и на незнакомых людей. Но были такие моменты, когда матушка была крайне строга и категорична. Каждый день телефон монастыря разрывался от десятков звонков из разных уголков Казахстана и России. И вот однажды матушка взяла трубку телефона и услышала громкие рыдания. Звонила молодая женщина, которую бросил муж из-за того, что она не могла иметь детей. Как бывает в таких случаях, он нашел молодую подругу, которая ждала от него ребенка. Женщина в отчаянии описывала матушке всю эту ситуацию, временами прерывая рассказ рыданиями. Матушка внимательно выслушала все подробности, а потом строгим голосом как скажет в трубку: «Ты что? Ставишь его выше Бога? Ты забыла, что у тебя есть Бог! Только Он любит нас больше отца и матери, больше мужа и детей, а мы о Нем забываем!» Эти слова матушки вмиг остановили поток слов и рыданий этой женщины, отрезвили ее, и потом из разговора стало понятно, что именно они помогли ей выбраться из скорби и отчаяния.

Сотни людей приезжали в карагандинский монастырь, и для каждого человека без исключения матушка находила то нужное, благодатное слово, которое, как елей, изливалось на душу человека, и он уезжал утешенный и хранил матушкины наставления в своей памяти много лет. Кроме того, матушка Севастиана обладала таким тонким чувством юмора, который нередко помогал людям перестать огорчаться и улыбнуться. Родители одной послушницы, которая сразу после окончания института ушла в монастырь, очень скорбели об этом. В очередной

раз приехав в монастырь, они не застали свою дочь: она была в отъезде. Матушка их радостно встретила и объявила: «Ваша Аня уехала к моим родственникам!» Мама послушницы уже не знала, что и думать: ушел ребенок в монастырь, а теперь еще и уехал к матушкиным родственникам куда-то. А потом матушка Севастиана таинственно улыбнулась и говорит: «Я ведь Жукова, вот и уехала ваша дочь к моим родственникам – жуков на картофельном поле собирать». Мама послушницы рассмеялась и с тех пор перестала скорбеть о выборе дочери.

Одна монахиня, посетившая карагандинский монастырь, попросила у матушки благословение навестить свою крестную, жившую в Алма-Ате. Матушка ее благословила с такими словами: «Поезжай обязательно! Я должна передать ей ее фотографию. Мы как-то раз встречались, я ее сфотографировала, а теперь ведь фотографию отдать нужно!» Матушка пошла в келью за фотографией, а монахиня в недоумении стала вспоминать, где бы могли повстречаться матушка Севастиана и ее крестная, которой было уже 75 лет. Наконец, матушка вышла из кельи и вынесла коробку конфет, на которой была изображена русская красавица в народном костюме. «Вот ее фотография! Обязательно передай!» – улыбаясь, сказала она. Потом монахиня рассказывала, что, когда ее крестная получила подарок, она сказала, что матушку Севастиану никогда не встречала и знает о ней только из рассказов. Но, получив такую необычную «фотографию», она будто помолодела на десяток лет от радости, переданной ей любвеобильной матушкой.

Многие годы матушка Севастиана щедро одаривала всех паломников и посетителей монастыря своей любовью. Люди ехали в Богородице-Рождественскую обитель «зарядить свои севшие духовные батарейки» и напитаться матушкиным теплом и святостью. В последний год жизни игуменя Севастиана стала говорить своим монастырским сестрам и духовным детям такие слова: «Ухожу от вас, но вас не забуду». Никому не хотелось верить в то, что матушка умрет, несмотря на то, что ей было уже почти 90 лет. Но пришло время, и матушка Севастиана отправилась «в путь всея земли», оставив нам для утешения свою могилку, к которой сегодня каждый день приходят богомольцы.

Вскоре после смерти матушки Севастианы одна прихожанка, очень любившая ее, отправилась на кладбище к матушке, чтобы вспомнить свою добрую наставницу и помолиться на могилке. Она уже пропела матушке «Со святыми упокой», как вдруг увидела, что к ней направляются несколько мужчин-казахов такого вида, как в боевиках. Женщина не знала, что и предположить, когда эти мужчины подошли к могилке матушки, не обратив на ее посетительницу никакого внимания. Один из них подошел к могилке вплотную и сказал: «Ну, здравствуй, матушка моя! Вот я к тебе и пришел! Ты ведь, именно ты меня исцелила от моей саркомы!» Поговорив с матушкой Севастианой, как с живой, мужчина потом объяснил изумленной женщине, как его, безнадежно больного, приняла и утешила матушка Севастиана, и по ее молитвам он получил исцеление.

Старец Севастиан, матушка Севастиана – две драгоценные карагандинские жемчужины имеет у себя земля Казахстанская, получившая в лице ссыльного монаха и дочери раскулаченных крестьян духовных наставников, молитвенников, сделавших Караганду магнитом, притягивающим к себе сердца верующих людей. Многие и многие сегодня помнят щедрую любовь, изливавшуюся на всех без исключения из горячего сердца матушки Севастианы, и, подражая ей, по ее молитвам, надеются научиться исполнять две самые главные заповеди Божии: от всего сердца возлюбить Бога и своего ближнего» (из статьи Татьяны Беккалиевой «Ухожу от вас, но вас не забуду»).

Незадолго до смерти матушки Севастианы один из монашествующих написал ей записку следующего содержания: «Матушка Севастиана, благословите! Матушка, у меня есть небольшая просьба к Вам, больше всего в жизни мне бы хотелось иметь дар молитвы и дар рассуждения. Прошу Вас сердечно хоть один раз вздохните о моем достоинстве перед Богом, ибо сказано: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там посреди них и Я». Надеюсь, наша совместная молитва будет услышана Господом и как сказано: «... просящему будет дано». Остаюсь Ваш искренний брат во Христе схимонах Иаков. Если Господь положит Вам на сердце написать мне несколько строк, буду очень и очень рад. Храни Вас Господь».

Ответ был следующим: «Дорогой брат, схимонах Иаков! Милость Божия буди с Вами! Предо мною Ваше письмо. Вы пишете, что больше всего в жизни

Вам хотелось иметь дар молитвы и дар рассуждения. Это хорошо, что Вы имеете такое желание.

Ведь молитва – это божественный дар нашего Отца Небесного каждой душе. Наш Господь предлагает общаться с Ним, как со своим Отцом, и у нас всегда есть возможность обратиться к Нему. И молитва наша наиболее действенна, когда мы духовно чисты и послушны, когда имеем благие намерения и готовы делать то, о чем Он просит. Он есть понимающий Отец, а Вы – Его драгоценное дитя, которое Он любит. Когда Вы молитесь, Небесный Отец стоит рядом и слушает Вас. И если Вы неумело в молитве выражаете свои чувства, пусть Вас это не смущает. А также, если почувствуете отдаленность от нашего Отца, какая бы причина на это ни была, продолжайте молиться и призывать Его о помощи, зная о том, что своими силами нам не справиться, и то, что мы полностью зависим от Него. А ответ на молитву придет в самый нужный момент. Он всегда слышит Ваши молитвы и обязательно ответит на них. Но нужно быть благодарным, если Господь иногда позволяет прилагать собственные усилия, пока Вы не получите ответ. Вот в это время и будет укрепляться Ваша вера и Ваш характер, поскольку они взаимосвязаны. Когда Вы просите ответа на молитву, не забывайте, что Спаситель учил: «Все, чего ни попросите у Отца во имя Мое, будет дано вам, если это хорошо для вас». Трудно иной раз понять, что для нас лучше и полезнее, но нужно признать, что все данное нам Богом в этой жизни дано для вечного блага. И мы должны постоянно и так сильно, как это в наших силах, выражать нашему

Возлюбленному Отцу бесконечную признательность за Божественный дар молитвы и за Его ответы, которые удовлетворяют наши потребности, и вместе с тем, побуждают нас расти духовно.

Вы спрашиваете, как должно трудиться, чтобы достичь дара рассуждения?

Святые отцы говорят, что это величайший дар Божественной благодати, который, однако же, надлежит развивать и воспитывать. Спросите, как?

Читать Священное Писание, наставления святых отцов, жития святых. Стараться исполнять заповеди Божии, смиряться, бороться со своими страстями. А главное, отдавать все свое на рассуждение опытейших отцов. Открывать отцам не только, что делаем, но и то, о чем думаем, ни в чем не доверяясь своему помыслу. Во всем следовать наставлениям старцев и считать хорошим или плохим только то, что они признают таковым. Такой способ не только помогает монаху пребывать в истинной рассудительности и на правильном пути, но и сохранять его от сетей диавольских. Рассуждение – это духовное зрение. А духовным зрением обладает тот, кто имеет очищенный ум, он же имеет ясность духа и просвещение от Бога. Рассуждение не просто добродетель, оно – корона, венец добродетелей. Так говорят святые отцы. Каково наше духовное состояние, каково у нас качество добродетелей, таково у нас и рассуждение.

В общем смысле рассуждение состоит и познается в том, чтобы точно и верно постигать Божественную волю во всякое время, во всяком месте и во всякой вещи.

И закончу свое письмо словами преподобного Варсонофия: «Сердечный труд твой должен состоять в том, чтобы непрестанно молиться Богу, да не попустит Он тебе заблуждаться или последовать собственным своим желанием: через сие достигнешь рассуждения».

Предайте себя в руки Божии... и Он не оставит Вас. Знайте, что главное – благонастроенное сердце ко Господу и ко всему, что требует от нас дело спасения.

Благослови Вас Господи.

Игуменья Севастиана 05.03.2015 года».

Матушка назидала в вере как простых людей, так и духовных лиц. Один из простых верующих, не захотевший называться, делится своими воспоминаниями и пишет: «Имена не пишу, дабы не было искушений о ком будет упоминание!

В монастырь я приехал к бабушке Петру за благословением на учебу. О матушке на тот момент ничего особо не знал. Приехал, в голове все мирское, сижу за столом все и всех разглядываю, а народу за столом – яблоку упасть негде. Слышу, матушка ко мне обращается вслух по имени: «Ты меня видишь?» «Нет!» – отвечаю я, а у меня в голове матушкин голос: «А я тебя вижу!»

У меня трепет, волнение, носом в тарелку уткнулся, а внутри про себя отвечаю: «Все понял!» А матушка вслух говорит: «Вот то-то!» Так я впервые узнал, что матушка непростая, что у нее есть дар.

А дальше я стал приезжать каждые два месяца на неделю – на две, и с каждым приездом мне становилось ясно, что матушка – человек от Бога.

Случилось мне сильно заболеть, так матушка меня через братию за тысячу с лишним километров (так далеко жил на тот момент) вытащила в Караганду и начала меня лечить духовно, доктора физически не помогли. Живем теперь при монастыре и послушание несем все по силам. Ночью меня будит братия: «У тебя права (водительские) есть?» «Да», – отвечаю, – «Тогда иди к матушке». Иду в двенадцать ночи, матушка в трапезной мне говорит: «Надо завтра рано утром отвезти иконы, поедешь ты и вот этот брат. А теперь все спать!» Выхожу и не пойму: а доверенность на машину, а куда ехать? Утро, 5 часов, матушка будто и не ложилась, уже вся в хлопотах и собирает нам тормозок в дорогу. Благословляет фотокарточкой преподобного Севастиана. Всё, едем. Грузим иконы, и с нами какой-то батюшка в машине – сопровождает нас. Погрузили, тут батюшка объясняет дорогу: ехать два дня за 1500 км, и он едет с нами. А у меня волосы на голове медленно поднимаются. Машина чих-пых, старая, доверенности нет, техосмотра нет, ехать через две области в третью.

Едем, а на устах: «Господи, помилуй». Проезжаем посты: первый, третий... восьмой, а постовые отворачиваются, и обратно также! Вернулись через два дня на третий, прям бегом к матушке, рассказывать, как от нас постовые отворачивались, а она: «Еще бы, так кричать, аж здесь слышно было: «Господи, помилуй!» У меня глаза сделались круглые.

Вот еще случай. Приезжала в первый раз к матушке одна женщина с двумя детьми: девочке лет

7-8 и мальчику 4-5 лет. Матушка стояла в дверях кельи преподобного, и дверь была открыта в трапезную (иногда матушка специально её открывала). Мальчишка вдруг стал пятиться назад бочком, бочком и за мать в угол. Мать не поймет: «Ты что, ты что!» Парень ей что-то прошептал на ухо, и у матери, как у меня после той поездки, глаза круглые стали. А матушка наставляет, рассказывает (про все матушкины наставления нужно отдельно рассказывать). Затем матушка в дорогу эту женщину проводила. А когда её посадили в поезд, провожающим женщина рассказала, что мальчик увидел, как с иконы сошла Божия Мать, встала за матушкой и стала говорить, а матушка слово в слово за Ней повторять.

Один брат дал свою машину на время для нужд монастыря, чтобы возить батюшек на требы, а матушку по всяким делам. Матушка при каждой поездке мимо кладбища (любого) обязательно заезжала на него и молилась об усопших. В одну из таких поездок матушка заехала на Михайловское кладбище. Постояв у могилки преподобного, она пошла к могилке своей мамы и стала плакать и говорить: «Вот здесь меня похоронят прямо на дороге, недалеко от тебя, мамочка!» У меня в этот момент в душе буря негодования и возмущения. «Я не позволю, не дам!» – вырвалось у меня. И в этот момент у меня в голове матушкин голос (как тогда в первый раз): «Не смей!» Прошли годы, я живу недалеко. Настал день, которого все чада матушки боялись. Владыка Севастьян, батюшка Петр на кладбище возле преподобного выбирали место, где копать могилку. Мы, некоторые из чад матушки,

стояли в стороне, а некоторые участвовали в разговоре с епископом. Все это длилось около 20-30 минут.

И владыка вдруг указал именно на то место, о котором говорила матушка.

Вот такой пример прозорливости матушки даже по поводу ее погребения».

Послушница Шура, ухаживавшая за игуменьей около десяти лет, поделилась матушкиной автобиографией, которую она написала по какой-то надобности.

«Автобиография

Я, игуменья Севастиана (Жукова Лидия Владимировна), русская, гражданка Казахстана, родилась в семье крестьянина 5.04.1926 г. в селе Ново-Хмелевка Самарской области.

В 1931 г. нашу семью выслали в Казахстан, как семью «кулака».

Окончила 10 классов средней школы № 1 г. Караганды и получила среднее полное образование.

С 1947 г. по 1952 г. училась в Ульяновском сельскохозяйственном институте по специальности «Агрономия», по окончании мне была присвоена квалификация ученого агронома.

С 16.05.1952 г. по 20.11.1956 г. работала научным сотрудником Карагандинского опытного поля.

С 01.02.1957 г. по 15.10.1960 г. работала агрономом на Карагандинской станции юных натуралистов опытников с/хозяйства.

В 1961 г. работала преподавателем Правил дорожного движения в Автомобильном учебном

комбинате Управления автотранспорта Карагандинского совнархоза.

С 07.09.1961 г. по 08.04.1965 г. работала старшим агрономом Облконторы «Сортсемо́вош».

С 17.04.1965 г. по 03.01.1968 г. работала старшим инженером по сельхозмашинам, агрономом Карагандинского областного объединения «Казсельхозтехника».

С 08.02.1968 г. по 01.02.1977 г. работала агрономом в Карагандинском ботаническом саду.

За 24 года агрономической деятельности имела благодарности, была участником с/х выставки, в 1970 г. имела благодарность за успешное проведение Всесоюзной переписи населения.

01.02.1977 г. принята на должность председателя Церковного Совета Богородице-Рождественской церкви г. Караганды.

16.05.1998 г. по благословению Управляющего Алматинской и Семипалатинской Епархией архиепископа Алексия настоятелем храма Рождества Пресвятой Богородицы Рождественского Карагандинского женского монастыря архимандритом Петром (Горошко) пострижена в мантию с именем Севастиана в честь преподобного старца Севастиана исповедника Карагандинского.

26.05.1998 г. назначена настоятельницей Рождественского женского монастыря г. Караганды с возложением наперсного креста по должности (указ № 939 от 30.06.1998 г.).

Имею церковные награды:

1988 г. – Архиерейская грамота – епископом Алма-Атинским и Казахстанским Евсевием.

2006 г. – сан игумении – Святейшим патриархом Московским и Всея Руси Алексием (Указ № 27 от 23.04.2006 г.).

2006 г. – право использования игуменского посоха – Святейшим патриархом Московским и всея Руси Алексием.

2006 г. – Архиерейская грамота – митрополитом Астанайским и Алматинским Мефодием.

2011 г. – право ношения креста с украшениями – Патриархом Московским и всея Руси Кириллом. (Указ № У-01/177 от 05.04.2011 г.).

Награждена государственными наградами:

1964 г. – медаль «За освоение целинных земель»

Под гражданским судом не состояла; в раскол не уклонялась; в политической деятельности не участвовала.

Адрес фактического проживания: 100019, г. Караганда, Рождественский Карагандинский женский монастырь, ул. Западная, 34, 8 (7212) 41-68-68.

День моего тезоименитства – 22 октября.

19 июня 2012 г.».

В последние годы в г. Караганде произошли большие изменения. Город обновляется современными зданиями, построен новый Троицкий собор в Михайловке. На память невольно приходит прокимен, который поется на прославлении многих святых: «Дивен Бог, во святых своих, Бог Израилев!» За молитвы преподобного Севастиана Караганда преобразуется в паломнический центр. Церковь сегодня прославляет многих потрудившихся на ниве Христовой и понесших Святый Крест Господень на земле Казахстанской.

Царствие Небесное и упокоение со святыми
приснопамятной схиигуменье Севастиане! Вечная ей
память!

Жизнеописание схиигумена Евфимия (Тимакова)

Когда я собирал материалы об игуменье Севастиане, мне стало известно, что иеромонах Модест (Дроздов) – клирик Александро-Невского храма при женском монастыре «Взыскание погибших» города Астаны готовил исследовательскую работу, которая называлась «История православия в Карагандинской области». Некоторые фрагменты из этой работы были опубликованы в журнале «Свет православия в Казахстане», издаваемом Алматинской епархией. Однако за неимением времени о. Модест не смог далее продолжить упомянутое исследование. К сожалению, часть его трудов была потеряна в редакциях на этапе подготовки к публикации. Я обращался к иеромонаху Модесту за помощью, чтобы совместно возобновить этот труд, собрать свидетельства и публикации для настоящей книги. О. Модест откликнулся на мою просьбу и передал мне жизнеописание схиигумена Евфимия (в миру Иоанна Семеновича Тимакова), которое я и поместил в наше издание.

Протоиерей Вячеслав Брегеда

15/28 января 1908 г. в семье крестьян-середняков Семена Васильевича и Марии Илларионовны Тимаковых родился младенец, которого нарекли Иоанном в честь чествуемого в этот день святого, преподобного Иоанна Кущника. Самарская губерния, поселок

с веселым названием Зеленый лужок – здесь прошли детство и юность Иоанна. Он был вторым по старшинству из сыновей. А всего в семье Семена Васильевича было 14 человек: он, жена, 8 сыновей и 4 дочери. Всё их хозяйство до 1917 г. состояло из 3 лошадей, 4-5 коров, 20 овец да 12-15 десятин земли.

Лет девяти Ваня сильно заболел; уже и не чаяли, что он выздоровеет. Одели его в белую длинную рубашку и положили под иконы умирать. А отец всё же молился о его выздоровлении и пообещал: «Господи, если ты его оставишь, я его отдам в солдаты служить за царя и Отечество». И Ваня, начавший уже было задыхаться, вдруг стал дышать ровнее, а по прошествии некоторого времени поправился и совершенно выздоровел. В том же или следующем году произошла революция. Царь был призван Господом на свою Голгофу, а вместе с ним и весь его православный народ. Ваня Тимаков ни армии, ни войны не видал, будущему иерею Божьему пришлось сослужить своему Отечеству и Царю Небесному духовную службу. А вот из семи братьев его, ушедших в Великую Отечественную на фронт защищать свою Родину, ни один не вернулся домой. Уже в старости батюшка, рассказывая эту историю, сетовал, что не умер маленьким мальчиком: «Тогда бы я был в раю, а теперь куда душенька моя пойдет?..»

Из дореволюционного прошлого семьи о. Евфимий вспоминал необычный случай выздоровления своего отца по молитвам праведного священника протоиерея Александра Чагринского: «Когда отец был молодой, его испортили колдуны (*такое*

действие возможно только по особому попущению Божию за тяжкие грехи, в особенности богоотступничества и богохульства. – Прим. авт.). Врачи, сколько ни старались, не могли его вылечить и говорили родным, что он неизлечимый. Как-то узнали, что в соседней деревне есть какой-то дед, который лечит травами, и повезли отца туда. Когда приехали, деда в доме не оказалось, и материн брат, сопровождавший отца, пошел искать травника. Кто-то ему подсказал, что дед на сеновале. Брат зашел на сеновал и увидел такую картину: подвозят на телегах не то что какую-то лечебную траву, а обычное сено с луга, а этот дед сидит над большим котлом, в котором это сено варится, и что-то шепчет. Лицо у него было настолько неприятное, что брат сразу же вышел и вернулся к отцу. По рассказу его отец сразу понял, что это никакой не травник, а обычный колдун, и велел везти его назад домой.

Потом сказали, что в Чагринском монастыре есть отец Александр, который отчитывает больных. Отец просит родных: «Везите». На дворе зима, отец еле дышит, – как везти?! «Везите». Повезли его, на полдороги ему хуже стало, родные хотели поворачивать домой, боясь, что не довезут. Отец говорит: «Пока живой – везите вперед, а как помру – везите домой». Привезли живым, и чагринский батюшка, посмотрев на него и расспросив, сказал: «В 6 часов приходите в келью ко мне».

Пришли, там уже было человек 30 больных. Батюшка маленький, худенький. «Ну, братцы, – говорит, – давайте помолимся». Помолились. «Братцы, давайте помолимся поусерднее, – снова

попросил батюшка, – без слез молитва холодна». Еще помолились. Говорит опять: «Братцы, давайте помолимся о тех, кто сам о себе не может молиться». То есть о бесноватых. Что тут началось вокруг! Кто кричит, кто плачет, кто что. Отец рассказывает: «И я заплакал как ребенок, и пот с меня пошел, и я почувствовал, что выздоровел, только что слабый». Приехал домой отец совершенно здоровый».

О протоиерее Александре Юнгере в книге «Отечественные подвижники благочестия XVII и XIX веков» сообщается, что был он усердным и добросовестным пастырем и, прослужив около 40 лет на сельском приходе, в 1880 г., будучи 60 лет, отпросился по болезни за штат. Правящий архиерей удовлетворил его просьбу и перевел в Чагринский женский монастырь, где отец Александр служил только по воскресеньям и праздникам и преподавал Закон Божий в монастырской школе для девочек. К 1893 г. он еще более ослабел. Из Самары был прислан для совершения богослужений иеромонах архиерейского дома.

С увольнением отца Александра за штат началось, однако, более широкое его служение, сделавшееся известным далеко за пределами не только пустынной, находящейся в степи, Чагринской обители, но и всей Самарской губернии. Господь, готовивший своего избранника еще с детства, подкреплявший многократно в последующем пастырском служении, прославил его в отдаленных местах России даром чудотворений. Толпы больных, отчаявшихся в человеческой помощи, бесноватых, смущаемых и обуреваемых разными помыслами и

недоумениями, потекли к нему с разных концов православной России. В весеннюю пору 1894-1898 гг. в некоторые дни наплыв посетителей доходил до 1000 и более человек в день. Эти сонмы народа разноплеменного – чуваша, черемисы, мордва, русские из разных губерний, иногда – татары, немцы, цыгане, посещавшие батюшку, невольно переносили мысль образованного верующего человека к отдаленным временам христианского аскетизма, временам Симеона Столпника, Антония Великого и других подвижников древности. И в Чагру также собирались страждущие, как к древним пустынножителем, и получали духовное и телесное врачевание, со слезами благодаря Господа за свое исцеление. Лица, не имевшие возможности побывать у отца Александра, обращались к нему письменно, и за неимением возможности им отвечать, батюшка обращался с горячей молитвой ко Господу об их нуждах.

Был у него особый чин приема болящих. Этот «чин» слагался постепенно, то увеличиваясь, при силах отца Александра, то сокращаясь при его болезненности.

Сначала совершалось освящение воды. Освященной водой в конце приема отец Александр обычно кропил всех богомольцев и наказывал им пить ее, кропить дома свои, поить ею больных, не бывших на приеме, на поля приносить и освящать их и т. д. При значительном стечении народа заранее в храме служили водосвятный молебен и с освященной водою в посудах богомольцы приходили на прием.

Поэтому уже особого водосвятия не было, только освященную водою сам о. Александр кропил всех.

Далее следовало освящение елея. Над ним обыкновенно читалась молитва из чина елеопомазания.

Потом была публичная исповедь. Она состояла из трех частей: продолжительная (более часа) проповедь об общенародных современных грехах и преступлениях. Так как слушателями были преимущественно крестьяне, мещане, рабочие и т. п., то пастырь указывал на обычные «нестроения» в их жизни, особенно пьянство, разделы семейные, неповиновение родителям, дурное обращение с женами, леность, табакокурение, бесчинное свадебное пирование с полным разорением крестьянского хозяйства, удаление от церкви и её уставов.

«Этими грехами, – заканчивал свою речь отец Александр, – вызывается гнев Божий и те страдания, которые побудили вас за десятки и сотни верст сюда прийти. Кайтесь и плачьте пред Богом, чтобы Он простил ваши грехи и даровал исцеление».

Затем начиналась вторая часть: предисповедные молитвы и подробная общая исповедь во всех грехах. Отец Александр перечислял грехи, а народ со слезами повторял: «Грешен, Господи!»... Подготовленный предыдущей речью народ, действительно, по выражению очевидцев, «уливался слезами» за этой исповедью, и многие рыдали громко. Подробный (продолжавшийся не менее получаса) перечень грехов батюшка объяснял тем, что на исповеди духовенству не бывает времени подробно расспрашивать о грехах, а потому многие грехи могут

остаться «неразрешенными» и даже неизвестными самим грешникам. А здесь хоть однажды в жизни они получают разрешение и освящение для совести грешника.

Третья часть – чтение разрешительной исповедной молитвы «от всех ваших грехов». Читалась молитва, обыкновенно, очень громко, торжественно, с необычайной радостью на лице пастыря о том, что «Господь помог убелить эти души».

Затем следовало кропление святой водой, помазание елеем. Если народу немного было, то помазали всех, а если много, то лишь особенно больных. После этого батюшка беседовал с некоторыми отдельно, особенно нуждавшимися в его напутствии. В завершение люди подходили ко Кресту и о. Александр благословлял их со словами: «Радуйтесь, что Господь привел вас побывать здесь, помолиться и исповедаться». При последних словах заметно было, что как бы какая живительная искра пробегала по народной толпе и вселяла необыкновенную во всех радость, следы которой заметны были и потом на лицах посетителей при отъезде их из обители.

Напряженная деятельность по приему богомольцев у о. Александра не могла быть продолжительной. Ему уже доходил восьмой десяток, он перенес много тяжелых болезней, организм и без того был очень слаб, а напряжение с приемом богомольцев требовалось громадное. Батюшка трудился по 5-6 часов ежедневно в страшной жаре, духоте, при криках бесноватых, столах больных... Начались перерывы в приемах, по причине частых его болезненных

пароксизмов, редкое, вместо ежедневного, посещение им храма, сокращение самого «чина» приема, беседы лишь с некоторыми, особенно нуждающимися в советах и исповеди.

На Пасху 1900 г. он тяжело заболел и соборовался, а потом, хотя несколько оправился, но весь почти год был очень слаб. Кончина праведника последовала 22 декабря в 9-м часу утра. В минуту перехода души в вечность всем присутствовавшим была ясно заметна появившаяся на лице его светлая улыбка, которая сохранилась и по смерти до дня его погребения.

После революции среди крестьян ходили разговоры о наступивших переменах и обещанных новой властью свободе, равенстве, братстве, поголовном счастье и благополучии: земля – крестьянам, заводы – рабочим, тюрем не будет, потому что все сразу станут хорошими и добрыми. Были такие, что верили, другие совершенно не верили, третьи разъясняли по-своему: «Землю-то дадут, но она будет не своя, а государственная, а ты будешь только работать на ней». – «Да как это так?!» – «Да! И скотину отнимут». Примеры тому уже начали появляться в окружающей жизни: «Вот ограбили такого-то помещика, так же отнимут всё у Гришмана (богатого крестьянина, имевшего 100 десятин земли), потом у меня и у тебя всё отнимут, потом и у Чичая (был такой человек, Чичай, одна лошадка и одна коровка, 8 детей, общественную скотину пас) не будет ни коровы, ни лошади». – «Да как это так! Да если будут отбирать, я возьму топор и голову отрублю!..» Никто не отрубил, всё отдали

сами, повинуюсь, хотя и против воли, набравшей обороты машине государственного насилия безбожной и антинародной власти.

«В 20-м году мне было 12 лет, – далее рассказывал о. Евфимий, – урожай был плохой у нас в Самарской губернии. Люди стали хлеб молотить и прятать. Знали, что будут хлеб отбирать. Осенью на Михайлов день солдаты по амбарам крестьянских хозяйств прошли «метлой», как у нас говорили: оставили хлеба только на зиму, чтобы с голоду не умереть, а остальной выгребли весь. Люди стали пшеницу прятать. И мой отец вырыл две ямы, засыпал пшеницу и соломой закрыл. Сосед ночью пошел, подсмотрел. А сам тоже прятал... Он рассказал солдатам, где мы спрятали хлеб, и у нас все забрали. Взяли корову, четырех овец, свинью взяли и часть имущества отобрали. И отца посадили.

Когда в тюрьме отец сидел, там еще один человек сидел, который говорил ему: «Смотри, не мсти тому человеку, который показал на тебя. Мстить не будешь и проживешь. А если мстить будешь – ты погибнешь». Потом его отпустили, и он вернулся домой. Отец не стал мстить.

Хлеб, оставленный на зиму, весь съели. Лошадь, которая у нас была, продали. Весна подошла – сеять нечем. На семена нам пшеницы совсем не оставили. И сеять нечем, и есть нечего. Посеяли просо да подсолнушки. А тут засуха, все лето дождя не было. Ничего не уродилось. Кто хоть немножко посеял пшеницу – имели небольшой урожай, а просо всё пропало. Начался голод. А сосед не голодал, у него был хлеб. Мы ходили в лес, собирали желуди,

сушили, толкли и, мешая с остатками пшеницы, пекли хлеб. Желуди были проросшие и сильно горькие».

Голод охватил тогда Самарскую, Саратовскую и часть Оренбургской губернии. С весны Тимаковы собирали и ели лебеду, подорожник. Косили ту же траву по полям, где попадалась. Те крестьяне, у кого было получше с хлебом, видя такую картину, спрашивали: «Семен Василич, что ты делаешь?» Он отвечал: «Да вот, на зиму запасуюсь». «Те смеялись, – рассказывал батюшка, – травой, мол, хочет прожить. А мы на зиму напасли с полтонны этого бурьяна, лебеды... Молотили лебеду, мешали с пшеничной мукой и ели смешанный хлеб. Полтора года чистого хлеба не видели. Но никто не помер». К октябрю 1921 г. в поселке открыли детскую столовую, и многодетная семья Тимаковых благодаря скудным детским пайкам, лебедю и подорожнику всё же выжила. Среди крестьян говорили, что какие-то люди поехали в Америке просить хлеба: «Помогите, добрые люди, пожалейте, в России умирает народ от голода!» А им будто отвечали: «Пусть подышают! Они убили своего царя, правительство убили, не захотели жить под царской властью – пусть подышают!» Тогда стали говорить: «Ну, дети же помирают. Дети невинны!» И помощь все-таки удалось выпросить. Давали в этой столовой грамм 200 хлеба, кашу и что-то еще. Не досыта, но выжить было можно. Если бы не это, еще больше умерло бы народу. Но разве это мало: в 1920-1921 гг. в Самарской губернии в деревнях от голода умерла третья часть крестьян.

Далее о. Евфимий рассказывал: «В ту зиму возили на Украину тряпки, одежду и меняли на хлеб. В 22-м году отец поехал в Сибирь к братьям и сестрам и оттуда привез немного хлеба. А у соседа, который донес на отца, сначала было две коровы, две лошади. Но вскоре осталась одна коровка, лошадей не осталось. Так они четверо – сын, отец, сноха и дочь – впрягались в борону и боронили. А у нас две лошади остались. И отец говорил нам: «Смотрите, дети, вот сосед зло нам сделал и как его Бог наказал». А сосед еще года три-четыре без лошади был. На себе все таскали. Поэтому отец нам говорил: «Кто вам зло сделал, вы за него помолитесь и не сердитесь на него, и будете счастливы»».

Семья Тимаковых была верующая. Будущий о. Евфимий в Бога верил с детства, хотя знал о вере мало, но Евангелие иногда читал. В храм, который находился километрах в пяти от поселка, часто ходить не получалось. Вере учила сама жизнь. Вот, например, такой случай был. Начинались почти голодные времена, отбирали скотину, и отец боялся, что они не управятся с летними работами. Как-то подошел праздник какой-то церковный, а отец в поле собирается, объясняет сыновьям: «Давайте, пока страда, поменьше будем ходить в храм, а то не управимся». Ходили изредка по воскресеньям да в самые большие праздники. Но надежда на свои силы не оправдалась, отец понял, что согрешил, и на следующий год, когда осталось после очередной экспроприации еще меньше скота и инвентаря, отец говорит: «Нет, ребята, теперь будем ходить во все воскресенья и праздники, Господь поможет». И,

действительно, при меньших силах и урожаю было больше, и собрали вовремя пшеницу, и сена накосили вдоволь.

1922–1923 гг. были урожайными, но одежды почти ни у кого не осталось, носили последние обноски. День и ночь женщины пряли и ткали, чтобы одеть семью. У Тимаковых после голода остались только 2 лошади, 2 коровы и 4 овцы. Чуть развели скот, как в 1929 г. начали раскулачивать крестьян и насильно загонять их в колхозы. Сначала штрафовали за недоимки и забирали только половину скота, а потом уж всё подчистую, кроме одежды, которая на тебе.

Раскулачивали тогда по первому доносу, бывало, толком не разобравшись. Но бывали и исключения. Батюшка рассказывал: «Прошли перевыборы в сельсовет, и меня, как я ни отговаривался, выбрали в члены сельсовета. В подчинении сельсовета было три села. На одном из собраний уполномоченный из города поставил на повестку дня вопрос о раскулачивании одного крестьянина. Потому, мол, что на его маленьком домишке крыша была покрыта железом, что было тогда редкостью, и потому, что он нанимал работников и плохо их кормил (одну работницу свою накормил кислым молоком да ржаным хлебом, и её «прохватило»). Попросили высказаться тех, кто жил в том же селе. Один из знавших этого крестьянина не побоялся и сказал: «Да какой он кулак?! Он без одной руки, еле справляется и потому нанимает на работу. И я у него работал. У него жнейка была, но он не мог одной рукой снопы вязать, и я ему помогал вязать, а он мне сажал жнейкой хлеб. И он салом

меня кормил». А этот уполномоченный засмеялся и говорит: «Да он сам сало-то не ел». Вот так было.

В нашем поселке была только начальная школа, четырехлетка. Мой старший брат, старше меня на три года, был очень умный, люди удивлялись его рассудительности. И отец послал брата в вышеначальную школу, в 5-й, 6-й и 7-й классы. Поучившись года два, брат приехал домой и стал говорить нам, что Бога нет. Отец был сильно расстроен: «Как нет? Что ты говоришь?!» – «Нет Бога». Отец, поминая свое чудесное исцеление в молодости по молитве православного священника-праведника, возражал: «Я, – говорит, – на себе пережил действие силы Божией, а ты будешь мне говорить, что Бога нет!» Брат: «Нет, всё равно». Брат-то и организовал в деревне комсомольскую ячейку, а в 1927 г. его забрали в армию.

Я женился в 1928 г., а в 1929 г., когда начали раскулачивать, попросил отца отделить меня и стал жить с женой сам своим хозяйством. Я так рассуждал: придут раскулачивать, а у нас три лошади – наверняка отберут. А так – у отца две, у меня одна. Одну возьмут, а две останутся. Я был самый бедный во всей деревне: хатенка самая маленькая, печка, койка, столик и небольшой проход; хозяйство – одна лошадь, корова и овечка. А у отца оставалось 2 лошади, 3 коровы. Отец заболел и понял, что это гибель: всё отберут, а в семье – все еще дети, старшему из сыновей 17 лет, нет работников. Заболела у него голова, плечо, шея, случилась какая-то нервная болезнь. Решил он поехать в больницу, а сосед донес в сельсовет, что он ездит по деревням и

проповедует, чтобы в колхоз не шли. Отца арестовали, у меня Библию увидели на столе и тоже забрали вместе с отцом. В то время у меня возникла потребность – читать святыи книги. Я взял Библию и «Жития святых» у одного соседа-старичка; мы читали с женой и стали как-то больше верить в Бога. И вот на следствии меня спрашивали, да так строго: «Как ты понимаешь Библию?!» Я отвечал: «Как древнейшую историю». Брату, что помладше меня, было 17 лет – и его забрали, мы вместе сидели. Следствие прошло, написали о нас, что проповедуем, чтобы в колхоз не шли, 8 или 10 лет за это должны нам дать сроку. Повезли нас на суд. Среди тех, кто нас арестовывал и кто свидетельствовал против нас, были те самые члены комсомольской ячейки, которую брат организовал, соседи, друзья, с которыми мы вместе росли. Отцы наши дружили. Один из наших соседей, у которого двое сыновей были в сельсовете, говорит им: «Что вы делаете, за что губите людей?» А его сын родному отцу отвечает: «Замолчи, а то и тебе голову отрубим!» Утром тот самый сосед из друзей отца приходит к матери: «Ларионовна! Ничего не сделают твоим, не бойся! Я сегодня видел во сне: мои два коня спутанные на моей крыше. Не удержались и упали оттуда, мерзавцы. Бог попутает их, и упадут, ничего не сделают они вашим». Так и вышло».

В районе проходил открытый суд над Тимаковыми. «Стали вызывать свидетелей обвинения по одному, – рассказывал батюшка, – и спрашивать о нас. Они говорили то, что кто слышал. Каждому из них задали вопрос: «Ты сам это

слыхал?» Они отвечали: «Нет... Жиляев слыхал». Вызвали тогда Жиляева: «Говори, ты слыхал то и то?» Тот ответил: «Нет, Свенков слыхал». И так допросили 5 человек свидетелей. Оказалось, никто из них лично не слыхал от нас того, за что нас обвиняли. Судей было человека четыре или пять, да несколько человек посторонних обывателей, которые зашли просто послушать. В конце концов, судьи закрыли свои бумажки и рассмеялись. И это несмотря на то, что с ними поехали секретарь ячейки и председатель сельсовета и всю дорогу наставляли их, как и что говорить. Отец после сказал, что во время суда, не переставая, читал Иисусову молитву.

Суд посчитал обвинение недоказанным, но мы еще полгода сидели под арестом. Осенью мужики, сидевшие по другим делам, стали возмущаться: «Что вы нас тут держите, ведь хлеб поспел, а убирать некому». Нас отпустили под подписку хлеб убрать. После жатвы мы опять вернулись: нас еще раз собирались судить. В арестантской нас заедали клопы, люди из-за этого выходили спать на улицу, а отец не мог, потому что был больной, и ночью он сильно страдал от клопов. Я сидел около него, зажигал лампу-керосинку и всю ночь клопов давил. Полежит он, бывало, полчаса, поднимается, а вокруг его тела, как он лежал, – очертание от клопов, клопы его буквально заедали. Было тогда отцу 62 года. Я стал говорить начальнику, что, мол, больной он. Начальник милиции разрешил положить отца в больницу. Полежал он там недели две-три. Пришли мы опять в тюрьму. Мне жаль отца, прошу начальника: «Ну, отпустите его, ну что же он,

больной!» Начальник говорит: «Справку пускай напишут врачи». Я пошел в больницу. Но тогда и врачи боялись за кулаков заступаться. «Я не могу дать, – говорит врач, – он не больной». Я даже заплакал: «Ну, как же не больной?!» Врач пожалела и дала справку, и отца отпустили.

Отец вернулся домой, но продолжал болеть. Шел тогда 30-й год. Как он думал, так и произошло – среди зимы пришли солдаты и в сорокаградусный мороз выгнали всю семью из дома, хлеба куска нельзя было с собой взять, разрешили унести только то, что на себе... Пришли ко мне мать с отцом, пять братьев, да нас было уже трое, и негде было повернуться. Отец, немного пожив, помер, и мы схоронили его. Подошла весна, а мать с детьми всё еще жила у меня. В мае месяце ближе к ночи как-то приезжают к нам из сельсовета: «Где мать?» А она заболела и поехала в район в больницу с моей женой, а ночевать осталась у брата; у неё там два брата было. Я им сказал, что уехала в больницу. «А где ребята?» – «Вон, на улице бегают». Они подождали пока придут. Вот пришел Петька, ему лет 16 было, они говорят: «Собирай их». Стал я собирать их вещи, а что у них осталось? Где от рубахи рукав, где от штанов кусок. «Да ты хорошее собирай, что ты собираешь?!» – «Хорошего у них нет ничего, вы же всё отобрали». А отобрали, действительно, все. Мать с отцом, до того как прийти ко мне, кто-то пустил пожить месяца два, какую-то комнату им дали. Мать как-то была одна и там белила. Приезжают и говорят ей, что налог на них – 100 руб. Она ответила, что ничего нет у нас. «Ну, давай, что есть»... Она тогда

скинула платье и белила в одной рубашке. А платье то так и забрали.

Так вот, приехавшие из сельсовета и говорят мне: «Будите детей, собирайтесь». Я стал будить детей: «Вставайте, одевайтесь». Сереже было 13 лет. Он был мальчик волевой, умный, красивый. Вите – 11 лет. Встали ребята, начали одеваться. Самому младшему, Мише, исполнилось только 9 лет. Он проснулся сразу: «Где мои ботиночки?» Я не выдержал, зарыдал, как корова: «Что вы делаете?! Отец умер, мать при смерти, они сироты, что вы хотите с ними делать?!» – «Ссылать.» – «За что ссылать? Оставьте хоть этого, самого маленького, я к себе его возьму». Я думал, что я бедняк и спасусь этим. «Не можем. В район поезжай и там хлопочи», – ответили они. Забрали всех детей и повезли. Их должны были сослать в Караганду. А мне дали задание найти мать, и к 8 часам чтоб была в сельсовете. Они выполняли задание верхов – «ликвидировать кулачество как класс». Помню, я даже идти не мог. На голову мне будто обруч кто надел, нестерпимо болело сердце и ноги просто подкашивались. Я сделался как умалишенный. Говорю им: «Я идти не могу». «Ну, возьми лошадь в сельсовете». Я взял лошадь, поехал к маминим братьям, это километров 12 от нас, рассказал, что хотят арестовать мать. Говорю: «Дядя Ваня, что делать? Я с ума сошел уже, не могу ничего придумать. Меня послали, чтобы я мать взял и в зубы им отдал. Сожрать ее хотят. Как её спасти?» – «Ну, скажи, что не нашел мать, а мы ее спрячем. Скажи, что она в город поехала лечиться». Так и решили. Я

вернулся. «Где мать?» – «Я ее не нашел, она уехала в город». – «Врешь! Ты, наверное, спрятал ее. Вот и поедешь в ссылку сам вместо нее!» Как я обрадовался! Описать вам не могу, что произошло! И голова моя перестала болеть, и в душе у меня такая радость была! «Ну, что, собираться мне?» – «Нет, – стоят на своем, – возьми мать и привези!..» Я вернулся домой, а к вечеру и детей вернули, только 16-летнего оставили. Тогда набирали мужчин на железную дорогу, на работы, и записали, что ему 18 лет, но потом разобрались и тоже отпустили.

А в июле приехали уже за мной и забрали. Председатель говорит: «На пять лет тебя, а потом приедешь». А мы пробыли «спецпереселенцами» 17 лет. Помню, везут меня на телеге в тюрьму, а у меня радость, описать не могу. Радость, что мать осталась жива. Со мной ещё одного парня везли, он плачет... А я радуюсь! Приводят меня к начальнику, тот на меня посмотрел и сказал: «Какой-то странный. Люди в тюрьму со слезами идут, а этот – радуется». Привезли меня в тюрьму, там уже человек 20 было. Говорят мне: «Ну что, в Казахстан умирать поедем?» «Что там будет в Казахстане, не знаю, – отвечаю, – а здесь нас заживо съедят»...

Пробыл я в тюрьме с неделю. Потом нас привезли на станцию для отправки в Казахстан. Там уже находились семьи раскулаченных и среди них моя жена с ребенком, и нас с ними вместе стали грузить в вагоны.

Я не считался раскулаченным. В моем доме потом жила мать с моими братьями, но корову нашу всё-таки забрали в колхоз. Корова была хорошая,

много молока давала, а в колхозе дояркам почему-то молоко перестала давать. Прибежит, бывало, к нашему дому и ревет, мать выйдет и подоит её, матери отдавала молоко. Но её не всегда отпускали. Молока колхозным дояркам корова так и не давала и через год погибла.

Везли нас в запечатанных вагонах под замком с решетками. Народу было полный вагон, не повернешься. В углу стояла параша. Вот и все удобства.

До Акмолинска ехали дня три. Там просидели десять дней в изоляторе и затем были направлены в Караганду. Нас привезли в степь на место будущего поселка Новая Тихоновка в середине лета 1931 г. Недалеко находилась Старая Тихоновка, как её потом называли. Перед глазами виднелась только бескрайняя степь. Народу было 20-25 тысяч человек. Когда нас выгрузили, нам сказали: «Вот ваше место. Обживайтесь, как сможете». Это была первая партия «спецпереселенцев». Со мной была жена и маленький ребенок. Мы выкопали ямку в метр глубиной попункой (т. е. плотной тряпкой), подручными материалами закрыли крышу и мешок с багажом поставили в головах. Наш младенец прожил в этой яме с месяц и умер. Затем мы стали строить бараки, примерно 1000 домов, но к зиме не успели. А зимой, когда нас перевели в недостроенные бараки, у нас другой младенец родился.

Зимовали по 80 человек в доме. Первую зиму свирепствовали тиф и цинга, было очень холодно. На скудной пайке народ очень ослабел. Для отопления использовали деревянные крепи из шахт и уголь, там, где можно было его добыть. Но дома были не

утепленные. В других поселках было еще труднее — ни леса, ни угля. Например, в Осакаровском районе сразу арестовывали, если человек недалеко выйдет в степь, хоть бурьяну нарвать. Как выжили — непонятно, чудом только.

В 1931 — 1932 гг. погибли все дети и старики, и к 1933 г. осталась одна молодежь, редко где старика увидишь. А потом и молодые стали умирать. У нас в поселке осталась только третья часть от приехавших, в других, наверное, — пятая часть или того меньше. В Тихоновке у нас по двести человек в день умирало. Три бригады копали могилы (два метра ширины, пять метров длины). Зашивали человека в грязную попонку и в яму бросали. Зимой могилы копать не успевали. Бывало, везет женщина на салазках своего мужа, довезла до кладбища и бросает. Сторож кричит: «Вези к могиле!» Она отвечает: «Это вы довезете, а я не знаю, дойду до дома или нет». Покойников складывали в штабеля величиною с дом, по пятьсот-семьсот человек лежало друг на друге, как дрова. Второй наш ребенок тоже умер. А мы с женой выжили благодаря тому, что продали ее пальто на лисьем меху, что ей еще от матери досталось, купили овса, толкли его и ели и таким образом спаслись от голодной смерти.

Я в числе других спецпереселенцев работал на Кировской шахте. От шахты до нашего поселка было восемь километров пути. И каждый день надо было ходить по степи туда и обратно. В шахте грунтовые воды, как дождь, лили с потолка. Выйдешь порой из шахты — весь мокрый, в галошах вода, портянки мокрые, только фуфайку сухую наденешь и бежишь в

поселок по тридцатиградусному морозу. Пока прибежишь – одежда примерзнет к телу. Шахтеры шли с работы и замертво падали. И всю зиму на дороге лежали. Бывало, в пургу дороги не видно, а мертвецы вместо вешек лежат по степи. Их весной на телеги собирали.

И сам я дошел уже до последнего упадка. Домой едва живым стал доходить от слабости. Болел сильно – малокровие, рвота. Я работал в шахте крепильщиком, летом в жару буквально исходил поносом и от тяжелой работы сильно ослабел и надорвался – произошло опущение внутренностей. Бывало, пойду в больницу, пожалуюсь на свои недуги, а там понос и за болезнь не считали; температуры нет – иди, работай. Я доработал до того, что от меня остался один скелет. И не работать нельзя: жена дома с маленьким ребенком сидит, а кто не работал, лишался продовольственных карточек.

В конце концов я совсем изнемог: рвота, понос, судороги, думал, что у меня началась холера. Лицо сделалось как у покойника, глаза ввалились и весь я даже почернел. Положили меня в больницу, а я уже ничего не мог есть, только холодную воду пил, да и то из колодца не мог, а принесут ведро снега с улицы, растопят, и вот эту воду я пил. Пол-литровую кружку выпью, и сначала мне вроде хорошо, а потом она внутри у меня согреется и назад выходит с рвотой. И так было с месяц. Брали кровь на исследование. С одной руки не могли взять и капли. С другой каплю только и взяли, а кровь была черная как деготь. Температура – 34. Меня обкладывали грелками, пульса совсем не ощущалось. Врачи подходили ко

мне и спрашивали друг друга: «Ну что? Пульса нет? А как он живет?» Поставили мне диагноз: «Катар кишечного тракта, язва желудка, порок сердца, невроз, склероз...» и что-то другое, уже не помню. Совсем я был тогда никудышный. Но помирать мне было страшно. Думаю: «Господи, я помираю такой молодой, а я ведь грешник. Оставь меня еще, я больше не буду грешить».

Одна очень опытная врач мне сказала, что я выживу, если буду есть. А мне, бывало, как только скажут: «Есть», меня сразу же начинало тошнить. Как-то санитарка мне принесла манной каши, мешала ее ложкой и говорила: «Смотри, какая вкусная каша». А у меня вдруг такое зло появилось в душе на эту санитарку, что, казалось, если бы были силы, я бы её просто прибил. Вот какое зло лукавый иногда перед смертью разжигает в человеке. Врач на обходе, помню, присела ко мне и спросила: «То будешь? Это будешь?» Что ни предложит – я ничего не хочу и отказываюсь. Тогда та врач еще раз обратилась ко мне: «А печенку будешь?» Я думаю: «А что это такое?» Говорю: «Буду». Тогда она велела, чтобы отварили 100 грамм печени, принесли и покормили меня. Я пожевал кусочек, проглотил кое-как, но больше не смог. Она посмотрела на меня внимательно и сказала: «Будешь жить. Только печени у нас нет. Скажи жене, чтобы она тебе купила с килограмм». А жена принесла аж восемь килограммов. Я выжил, но всю жизнь так и был больной, хотя работать приходилось больше на физической работе... а вот дожил до каких лет».

И впрямь удивительно! Жизнь о. Евфимия, несомненно, пронизана божественным чудом. Душа, имевшая временное пристанище в этом немощном и столько перестрадавшем теле, покинула его лишь на 103 году земной жизни. По этому поводу батюшка вспоминал такой случай из своего служения в Семиозерке Кустанайской области. Как-то пришли к нему довольно уже пожилые муж и жена. Жене было 97 лет. Она сетовала, что всю жизнь они с мужем работали, работали, мало спали, мало ели, а теперь вот руки болят, ноги болят. Батюшка спросил: «А что, у вас никто так не работал, как вы?» – «Никто». – «А почему?» «В войну 1914 года, – жаловалась женщина, – у меня погиб первый муж, осталось трое детей. У него, – показала на мужа, – тоже осталось трое. Сошлись, еще шестерых родили. Вот и поднимали детей, по 2 часа в сутки спали, а потом раскулачили, мужа посадили, меня с детьми выгнали на улицу среди зимы, да не пускал никто даже обогреться. Тогда боялись пускать, хоть и жалели. Кто-то пустил в сарай, и там мы жили. Из 12 детей трое осталось, остальные померли, – сокрушалась она. – А соседи наши имели по 2-3 ребенка, ночами спали, хорошо ели, не переутомлялись...»

Батюшка тогда спросил эту женщину: «А где сейчас твои соседи-то?» – «Да они все померли давно...» – «Смотри, они мало работали – и померли, а вы много работали – и до сих пор живы!» «А ведь и правда!» – удивилась женщина. «Конечно, не столько труд, – пояснял батюшка, – сколько Господь укрепляет людей, давая им такую судьбу... Но, когда человек разрабатается, ему легким кажется и

тяжелое. Помню, работал я на базе, грузил на машину мешки. Первый стал поднимать, 30 килограмм, мне тяжело, потом еще мешок, еще. Так разработался, по 100 килограмм мешки кидаю на машину – и ничего. Шофер удивился, вышел из машины, говорит: «Ну, откуда у тебя такая сила? Такой худенький, дрябленький, а мешки по 100 килограмм как веники кидает!..» Уволился я с этой базы и пришел как-то туда лет через десять. Директор, помощник его, кладовщик, все работали на легких работах, а никого нет, все померли, а я живу... Долго просил я коменданта поселка разрешить перейти жить в землянку при шахте, с трудом выпросился. Когда мы туда перешли, стали жить уже как в раю. Мне не надо было ходить по шестнадцать километров на работу. А выйду из шахты, через дорогу перейду — и прямо в землянку. Здесь я немного ожил».

Среди ссыльных было немало верующих людей, некоторым удалось сохранить даже кое-что из книг. Отец Евфимий рассказывал, с какой жадностью читали они с женой эти «жития», которые давали только на одну ночь. «Бывало, как сядем и стараемся за ночь как можно больше прочитать, всю ночь читаем. Особенно нравилось нам читать о мучениках, как они страдали за веру!..

Когда наша семья приехала в Караганду, у многих дети сразу заболели. Дети маленькие помирать стали. У нас была девочка – полтора года, она заболела. И у соседей тоже заболела девочка. Куда идти за помощью? Среди ссыльных монашка была, позвали ее помолиться. Она помолилась и

сказала: «Дитё помрет, а вы радуйтесь – это ангельская душа. Если в детстве дети помирают, в раю они будут». Моя жена тоже позвала эту монашку. Та пришла, помолилась и тоже сказала, что дочка помрет, но что надо радоваться, что она в рай пойдет. Пришел я с работы, она меня увидала, побеседовали мы о Боге, о спасении души, и стала она каждый день ходить к нам. Как я прихожу с работы, она приходит.

Собираясь в Казахстан, мы взяли, кроме другого всего, мешок муки, но с собой в вагон муку не разрешили брать, а только в общий грузовой вагон. А когда по приезде стали мешки разбирать, свой мешок я не нашел, чужие чьи-то оставались, но я ничего не взял. И так у нас осталось из того, что везли с собой, только пшеница килограмма полтора и масла коровьего немножко. Жена, помню, сварит каши, сядем кушать и говорим монахине: «Матушка, садись кушать». А она отвечает: «Нет, я не хочу, вы люди рабочие, вам больше надо есть, а мне пайка хватает, я сыта. Я – монахиня, и привыкла с детства мало есть». А мы опять: «Матушка, ну хоть немножко покушай». – «Ну, раз так просите...», – возьмет ложечку, зачерпнет, помолится: «Дай Бог, чтобы у вас, как у сарептской вдовицы, пшеница и масло не убывало». Мы ели месяца два, и у нас не убывало пшеница и масло. Мы это явно заметили с женой.

А потом дома построили, из землянок мы переселились в них. Она нас потеряла, и мы ее потеряли, и быстро пшеница и масло съели»...

Батюшка, вспоминая свою долгую жизнь и удивляясь промыслу Божию, рассказывал и про

другие многие случаи, когда Господь сохранял его от явной смерти. Как-то на шахте их бригада шла по штреку и рабочие разговаривали между собой. На минуту они остановились, возникла небольшая пауза в разговоре и полная тишина. Высота штрека была небольшой, местами нужно было идти, склонив голову. На голове Ивана Семеновича, будущего о. Евфимия, была надета каска. Случайно коснувшись головой потолка, в наступившей на одно мгновение полной тишине, благодаря резонанции звука о каску, которая его несколько усиливала, он услышал едва уловимый хруст. Тишина тут же была нарушена: кто-то хотел продолжить разговор, кто-то – двигаться дальше. Иван Семенович в сильном волнении громко сказал: «Назад, порода пошла!» «Да что ты...» – недоверчиво отмахнулся один из рабочих и хотел идти дальше. Но Иван Семенович схватил его за руку, другой рукой отталкивая других: «Назад!» Чуть они отбежали на два-три метра назад, как на то место, где они прежде стояли, обвалился пласт породы тонны 2-3.

А вот другой случай. Когда Иван Семенович работал на хлебозаводе, в одну из смен возникла необходимость почистить барабан тестомешалки. Иван Семенович залез в барабан чистить, а другого рабочего попросил следить, чтобы кто-нибудь случайно не включил тестомешалку. Тот рабочий с кем-то заговорился, а в это время пришел сменщик и, ничего не подозревая, включил барабан. Иван Семенович всем корпусом залез в емкость для теста и работал, но когда услышал шум загудевшей машины, рванулся назад и закричал. Сменщик выключил

двигатель, Ивану Семеновичу раздробило руку и со лба « всю кожу слупило », как он говорил, но все-таки остался жив.

Ниже приводятся рассказы батюшки, которые относятся к раннему периоду его жизни в Караганде.

«Когда нас сюда привезли, тут простиралась вокруг одна степь, построек никаких не было. Я на лошадях работал. Поехали мы как-то лес разгружать на станцию. На станции тоже никаких построек не было. Где лес свален, там и мешки с мукой. И вот мы на пяти подводах подъехали, стали лес грузить. Мы все уже знали друг друга, некоторые возчики были даже с нашего барака. Нагрузили мы по очереди все подводы. Моя подвода самая последняя была. Нагрузили ее, и я стал увязывать бревна веревкой. Кто-то из возчиков, который был, видимо, из моих соседей, взял мешок пшеницы и мне на подводу бросил. Я испугался: «Что вы делаете?» Но все возчики, не оглядываясь, побежали на свои подводы, сели и поехали. Я растерялся, а охранник заметил и закричал: «Бери мешок и иди за мной!» Завел меня в контору (это была землянка такая, как погреб). Там сидел здоровенный мужчина. Показывая на меня, охранник сказал ему, что я взял мешок пшеницы. Начальник взглянул на меня и спросил: «Давно ты начал воровать?» Я ответил: «Товарищ начальник, я не брал его!» «Какой я тебе товарищ!» – закричал он и ударил меня по щеке. Затем схватил полено и пригрозил: «Сейчас всю голову тебе размолочу!» Потом обратился к охраннику и сказал: «Отведи его и посади». Привели меня в тюрьму. Это тоже был большой подвал в земле. Находилось в ней 26

человек. Заключенные, которые сидели там достаточно давно, спали на столе и на нарах, а новичкам первую ночь приходилось под нарами спать. И меня заставили под нары лезть. А там – буквально полчища клопов, они меня всю ночь как огнем жгли, спать не давали. И я до утра, не смыкая глаз, молился святителю Николаю: «Святителю Николае, спаси меня!» Утром, чуть зорька, открылась дверь, зашел начальник и спросил: «Тимаков кто?» «Я», – отвечаю. – «Выходи и иди домой!»

Думаю, что Николай Чудотворец не дал начальнику всю ночь покоя. И на зорьке меня уже выпустили.

До 1934 г. у нас священников не было. Только один священник из старообрядцев ходил крестить детей. Звали его отец Сергей. Но службы проводить он боялся. В 1934 г. из Карлага вышел священник отец Иаков Пеньков. Он хотел служить, но не имел ни антимины, ни облачения, ни Евангелия, ни креста. В 60 километрах от нас в селе Санниковском на горе церковь раньше стояла, там батюшку с псаломщиком зарубили в 1921 г. (свщмч. иерей Леонид и мч. Исидор). Там старик со старухой жили – Иван и Евдокия, которые как-то сумели взять из церкви облачение, крест, Евангелие и антимины. И когда они услышали, что в Караганду привезли много людей – ссыльных и спецпереселенцев, то подумали: «Среди них, наверное, есть священник. Может быть, ему это нужно». Приехали в Караганду на базар. Ходят по базару и спрашивают: «Священник тут есть?» Им показывают: «Вон священник, шапки продает». Они подошли: «Вы

священник?» – «Нет». Они еще походили по базару: «Где здесь есть священник»? Им опять показывают на отца Сергия. Они опять подходят: «Вы священник?» Он опять: «Нет, я не священник». Они походили, походили, поспрашивали, и им снова кто-то указал на того же отца Сергия. Они к нему очередной раз: «Вы не священник?» Он даже как-то рассердился на них: «Да что вы?! Я сказал вам! Что вы еще!» Он боялся говорить, что священник. Шил шапки, продавал их и тем жил. Тогда они снова спрашивают людей: «А еще здесь есть где-нибудь священники?» – «Есть на Пришахтинском». Дали адрес. Они нашли отца Иакова, спрашивают его: «Вы священник?» – «Да, я священник».

Они отдали ему сохраненные ими церковные святыни. Отец Иаков обрадовался: «О! Это Господь вас послал!» Но сначала он сомневался, можно ли служить без храма, без разрешения архиерея. Кто-то помог ему списаться с архиереем, и тот письменно преподал ему благословение на служение литургии и объяснил, что можно служить и в доме, и в подвале, и в поле, лишь бы был антиминос.

Отец Иаков стал тайно, по разным домам, совершать богослужения. Мне очень хотелось побывать на богослужении, и я однажды решил к нему пойти. Батюшка служил тогда в маленькой комнате, которая была битком набита народом, было душно, тесно. После службы батюшка сел с певчими кушать и говорил что-то назидательное, а я готов был под окном стоять, только бы послушать. Потом всё, что ему принесли на пожертвование, он раздал

вдовам и бедным. Мы познакомились, и я стал бывать на батюшкиных службах.

Он по разным местам служил. Потому что его преследовали. Потом и в моем доме тоже служил. На Пасху один раз он служил в поле, где был брошенный пустой динамитный склад, старенький, небольшой. Туда ходили всего человек десять-пятнадцать, так как следили за ним. Как-то он служил и на кладбище, где у сторожа земляночка была. Он начинал служить с 10 часов вечера и заканчивал в 3 часа утра.

Власти узнали об этом и не раз запрещали ему служить. Пошлют комсомольцев, те приходят в дом. Идет литургия, полные комнаты народа, душно. Они заходят в шапках: «Собирайся, айда в комендатуру!» Батюшка поворачивается к ним, говорит: «Шапки снимите! Закончу службу, тогда и пойду». Они выйдут и ждут его. Приходят к коменданту. Комендант: «Ты бросишь или нет служить?! Сколько тебе раз говорить?!» Комендант кричал и грозился вернуть его в лагеря. Отец Иаков отвечал: «Не брошу! Я дал обет служить Богу до смерти и буду служить. Посадите – тогда другое дело».

Его подвергли вторичному заключению 30 января 1937 г. Мы носили ему передачи. Писали ему записку с перечнем того, что в передаче. Он получит передачу и на обратной стороне записки пишет: «Получил полностью все». А между строк таким тоненьким письмом пишет назидательные слова. Полгода его продержали в тюрьме. Вместе с ним был арестован отец Иерофей Пчелинцев. Он служил в Майкудуке и собрал общину, походившую на

монастырь, куда входили даже дети. Они читали неусыпающую Псалтирь, сменяя друг друга. Его сын Петр Ерофеевич вспоминал: «Богослужение проводил тайно по ночам. Арестовали его во время службы, не дав закончить Литургию. Отца Иерофея связали и повезли в санях, так что голова его билась об лед». Отец Иаков и отец Иерофей имели между собой какие-то разногласия, но в тюрьме, перед лицом смерти, они примирились. Вместе с ними было арестовано двое мужчин и восемь женщин.

Потом их погнали на «Второй рудник», на показательный суд. Мы, узнав про это, пошли туда. Нас было около тысячи человек. Их вели под сильной охраной, а они шли и пели молитвы. Одежда на них была хорошая, вид бодрый, веселый. Мы им кланялись, и батюшки нас благословляли. Когда судья со второго этажа из окна увидел такое шествие, спросил своих приближенных: «Что за публика там?» Ему отвечают: «Публика эта – их поклонники». «А, – говорит, – тогда никакого суда не будет». Позвонил куда надо, вскоре приехал «черный ворон», их в него посадили и куда-то увезли, и долго не было никаких вестей, никто ничего не слышал. У отца Иакова была жена, два сына и две дочери. Они пытались хоть что-то узнать о нем, но везде отвечали: «Не значится». И только в 1947 г. на очередной запрос им ответили: «В 1943 г. умер в заключении». После перестройки, когда велись расследования о репрессированных, стало известно, что суд все-таки состоялся. В архивах нашлось дело иерея Иакова Пенькова. Там написано было, что у него спросили: «Ты советской власти друг или враг?» Он ответил: «Другом я советской

власти не могу быть, потому что я – верующий, а вы веру гоните». И расстреляли его. Он был смелый. Моему знакомому старичку, когда тот говорил об опасности служения, отец Иаков ответил: «Я хочу пострадать и умереть за веру. Только боюсь за деньги пострадать». – «Как так?» – «Да вот, наложат налог, а мне нечем будет платить, и арестуют... А за веру я сам даже хочу пострадать».

Приводим выписку из акта от 15 августа 1937 г.

«Сего числа на основании предписания тройки КоУНКВД привели в исполнение приговор судебного заседания тройки по Карагандинской области № 1 и 2 в отношении:

Пенькова Якова Ивановича

Пчелинцева Ерофея Афиногеновича...

Всех вышеперечисленных расстреляли».

Верующие за время недолгого служения отца Иакова в Караганде сплотились и продолжали между собой общаться. Собирались по домам для совместной молитвы и беседы, давали друг другу читать духовные книги, вместе ездили небольшими группами в Акмолинск причащаться, где храм не закрывался до 1938 г. О. Евфимий рассказывал: «Договорились мы, 24 человека, читать круглосуточно Псалтирь, каждый взял себе по часу, и все записали имена своих близких по 10 человек за здравие и за упокой. Каждый свой час читал и поминал все имена, и своих, и чужих, две «славы» – за упокой, одну – за здравие. И вот чудо, дадут такие трудные часы – второй или третий, или четвертый час ночи, кажется, не проснешься. Но как подходит твой час, как будто кто поднимает, – встаешь,

читаешь, и никогда не просыпали мы. И в тот период времени так легко, так отраднo было жить. На душе было спокойно и радостно. Так мы читали года три. Потом началась война. Больше было работы, забот разных, да и в церкви больше стали молиться».

В 1938 г. освободился иерей Владимир Миронович Холодков. Прежде он служил в Саратовской губернии. В 1929 г. был сослан на Соловки, а в Караганду прибыл по той причине, что там находилась его семья. Отец Евфимий кратко поведал о нем следующее: «Как-то на квартиру ко мне, проживавшему тогда в районе 26-й шахты в землянке, пришел мой знакомый и сказал: «Священник с нашего села освободился. Если желаешь познакомиться, могу сейчас привести». Я ответил, что, конечно, хочу.

Владимир Миронович работал после приезда на 1-й шахте бухгалтером, работу заканчивал в 4-м часу дня. Знакомый обещал привести его сразу после работы. О. Евфимий, в то время Иван Семенович (ему было тогда 30 лет), решил для беседы позвать своего соседа, Павла Васильевича Грушова, который был знающим, зрелым и опытным в жизни человеком. Ему уже было за пятьдесят. Так состоялось их первое знакомство. После продолжительной беседы Павел Васильевич сказал Владимиру Мироновичу, что сан обязывает его служить. Тот ответил, что без благословения епископа не может этого делать. Тогда Павел Васильевич прочитал в принесенной им с собою книге, что, если священник, находясь в пределах чужой епархии, отказался на этом основании причащать умирающего и тот отошел без

приобщения, на священнике грех. Владимир Миرونвич взял из рук его эту книгу, посмотрел ее и спросил: «Как же служить? Ведь посадят опять». Но тот убедил его, что, если, не объявляя никому, служить тайком, человек по 15 верных, уберечься можно.

...Для молитвы собирались тайно по домам. Служили и у меня в землянке. Молились с 10 часов вечера до 3 часов утра. Батюшка велел никому не говорить о службах, только «своим», надежным. Бывало, как-то прослышат о том бабки, просятся: «Причасти ты нас, только причасти, мы никому не скажем!» Как таким откажешь? И батюшка разрешал им быть на службе, причащал. Помню, выходят они из землянки на улицу, крестятся и громко проговаривают: «Слава Тебе, Господи, как хорошо! Помолились, причастились, а батюшка, какой хороший, а певчие как хорошо поют!» Вот так, никому и не сказывали... А на шахтах-то народ и день, и ночь ходил на работу, дорожка была как раз мимо нашей землянки. Но почти до самой войны нам удавалось сохранять эту тайну. Перед войной всё-таки узнали про нас, и мы почувствовали, что стали следить. Ну, ждем, должны забрать. А в самом начале войны в газете какой-то появилась статья, где сообщалось о разрешении ходатайствовать об открытии храмов. Батюшка взял эту газету и пошел в Горсовет. «Разрешите нам открыть молитвенный дом». Начальник стал кричать: «Как молитвенный дом?! Богу молиться?! Да я вас пересажаю всех!» Батюшка говорит: «Нет, не пересажаешь. Вот в газете разрешение... У нас на войне сыновья кровь

проливают, а мы помолиться не можем?..» Бился бился батюшка, все-таки начальник признал правомочность ходатайства и разрешил написать соответствующее заявление.

Молилось у нас обычно 15-20 человек, а тут после разрешения молиться открыто народу стало приходиться очень много. У меня в доме комнатка была переполнена, тогда я еще и коридор освободил – и там люди стояли. Потом и сарайчик внутри дома приспособил для молитвенных нужд, но все равно все не помещались. В конце концов решили сломать стены и сделать подпорки, чтобы расширить помещение. На улице поставили столбы и обшили их горбылем. И вот за три часа у нас уже была готова церковь. Молитвенный дом находился в землянке у Кировской шахты, где мы жили и работали. Буквально под землей служили, окна у нас были на потолке. И когда мы открыто стали служить, то по пятьсот человек стали на службы собираться. Среди верующих немало было тогда старичков, которые знали веру с дореволюционного времени, когда все храмы были еще открыты. Они многое объясняли нам, молодым. Приходили к нам и с Тихоновки, и со Старого Города, и со многих шахт и других районов Караганды. Митрополит Николай тогда был правящим архиереем в Казахстане. Приезжал он к нам в 1949 г., посмотрел на нашу церковь и сказал: «Вот в Караганде какой народ: работают под землей, живут под землей и молятся под землей». Служил владыка снаружи, народу было столько, что в землянке не помещались. Так мы служили до 50-го г., пока не построили церковь в честь Архангела

Михаила. Был у нас среди ссыльных строитель, Борис Андреевич, его все звали «дедушка Борис», он в прежнее время строил церкви. Вот он и построил храм в честь Архангела Михаила на втором руднике».

Старые прихожане храма рассказывали, что когда на участке, выделенном властями возле кладбища, определяли место для алтаря, не могли прийти к общему мнению. Тогда дедушка Борис предложил: «А давайте помолимся, может, Господь Сам укажет». Стали молиться, и вдруг прилетела птичка и села на то место, где сейчас алтарь храма, и все согласились, что это указание Божие и перестали спорить. Он был духовный. Бывало, придет к нему кто-нибудь: «Дедушка Борис, что мне делать? Вот то и то у меня!..» А он говорит: «Да что ты спрашиваешь у меня, бестолкового. У меня ума нет. Вот, на». Подает Библию. «Открой такую-то книгу, такую-то главу и такой-то стих и читай. Это ведь Библия! Понимаешь? А я – дурак, что я знаю...» И человек находил в указанном месте Священного Писания точный ответ на свои неразрешимые, казалось, вопросы. Вот такие люди среди верующих были. Строили храм всей общиной. Люди отработают в шахте смену, приходят помогать на стройку, работают до глубокой ночи, покушают немного, поспят тут же в сторожке и опять на работу в шахту. Работали день и ночь.

В 1947 г. Иван Семенович Тимаков переехал с Кировской шахты в район Мелькомбината. В районе Мелькомбината можно было взять участок с землей и устроить огород, давали и отдельно землю под

огороды, были пастбища, а Тимаковы к тому времени обзавелись коровой. С 1943 г. Иван Семенович стал духовным чадом святого покровителя многострадальной Караганды, преемника благодати оптинских старцев, преподобного Севастиана. Вот как он сам об этом рассказывал.

«О батюшке Севастиане я услышал в 43-м году и стал у него бывать. Я возил в Карлаг горбыли, оттуда забирал сено, а по дороге заезжал к нему. Я ведь не знал его, только с чужих слов, но сразу чувствовалось, что он святой, он особый был, смиренный, кроткий. Он скрывал себя, вел себя, как обычный человек, не старался внешне вести себя «как старец». На него посмотреть – как будто он ничего не понимает. Иной говорит резко, уверенно. А его что-нибудь спросишь... Он помолчит немного и тихо скажет, как будто нерешительно: «Ну... сделай вот так». Но если исполнишь – видишь, что это и есть самый лучший выход из положения. Никогда я не слышал, чтобы он голос повышал на кого-нибудь. И я сам, да и все прихожане считали его еще при жизни святым. К нему многие приезжали: и те, с кем он был в заключении, и монахи и монахини из разоренных монастырей, вдовы, сироты. По его благословию я переехал на Мелькомбинат и построил себе дом. Бывало, придут к нему какие-либо посетители, батюшка спросит их: «Ну, как живете?» Отвечают, к примеру: «Трудно, дом маленький, огорода нет». – «Вы пойдите к Ивану Семеновичу, скажите, что я послал, он вам поможет». И вот приходят они уже ко мне, все обговариваем с ними и идем искать дом получше, с огородом. Батюшка таким людям и

деньгами помогал, чтобы они смогли купить себе подходящее жилье. Приедет батюшка потом: «Ну, как живете?» Слышит в ответ: «Дом есть, огород есть. Да вот колодца нет»... Батюшка тогда пошлет ребят, девчат, что помогали при церкви. И меня к ним бригадиром... Пойдем и выкопаем колодец. И вот кое-как вдовы с детишками, которым мы помогали, сажали огород и с него жили – пенсию тогда еще не давали. Так же, бывало, после службы и после обеда в воскресенье посылал нас эти колодцы чистить. Так батюшка Севастиан заботился о вдовах и старушках, которых ему Господь посылал. Своим примером и словом он учил своих чад любви».

Молиться Тимаковы ходили в Михайловку за семь километров в церковь, устроенную трудами преподобного Севастиана и его духовных чад. Требы в этом храме разрешали совершать, а литургию служили только по домам, тайком. Как-то собрались ночью на Пасху, хотели служить заутреню и литургию. Приходят от уполномоченного: «Кто вам разрешил служить?!» Только в 1955 г. официально зарегистрировали храм и разрешили совершать все богослужения. С 1947 г. Иван Семенович начал помогать преподобному Севастиану в хозяйственных делах, стал старостой прихода Богородице-Рождественской Михайловской церкви. Вот что он рассказывал о тех временах: «В 1947 г. кто-то ходатайствовал перед святителем Николаем, митрополитом Казахстанским, за одного бесприходного священника, желавшего быть настоятелем в Михайловском храме. Мол, батюшка Севастиан уже старенький, слабый здоровьем, не может служить.

Владыка поверил и дал этому священнику указ о назначении. Мне батюшка Севастиан тогда сказал: «Вот, Иван Семенович, слух прошел, что меня за штат хотят отправить, а сюда настоятелем назначить священника Дудкина». Кто-то из присутствовавших рассказал то, что знал об этом священнике, а тут вскоре и сам он пришел: «Вот у меня указ, чтобы я принял от вас приход, а вы за штат идете». Меня покорило. Батюшка Севастиан кротко отвечал ему: «Я не знаю, это надо бы старосту...» – «А кто староста?» – «Вот». – «Вы староста?.. Вот указ – я принимаю приход, а батюшка – за штат». Я говорю: «А мы посмотрим». – «Как посмотрим?! Владыка дает указ, а вы смотреть будете!» – «Да, мы посмотрим». – «Мне нужен кусок хлеба!..» – «Вам нужен кусок хлеба, а нам нужен священник, который бы удовлетворял наши духовные потребности. Я собираю собрание прихода, и мы решим – принять вас или нет». – «Собрание не имеешь права собирать, только «двадцатку»!» – «Ну, «двадцатку» (то есть приходской совет)». В воскресенье в 13:00 собралась «двадцатка», пришел и новоназначенный настоятель со своим боевым другом: «Здравствуйте, вот указ – я настоятель». Одна женщина из числа «двадцатки» жила недалеко от него и хорошо его знала, покачала головой и проговорила: «Дудкин, Дудкин, да мы по колению в землю уйдем, а тебя не примем». Его товарищ тут же решительно произнес: «Как фамилия? Записать!» Кто-то из «двадцатки» встал и возразил: «Говорили, что священник, а тут – «записать». Это, наверное, ГПУ или милиция – «записать». А что ты нас хочешь «записать»?

Расстреливать будешь? Или судить?» Все стали говорить, что батюшка Севастиан сколько лет служит, и никогда грубого слова от него не слышали. А этот через порог переступил и сразу «записывать». Они порасстреляют нас всех. Будем просить владыку, чтобы оставил нам батюшку».

Иван Семенович после собрания поехал в Алматы и стал от имени народа просить владыку оставить батюшку служить.

«Так он же слабый совсем», – возразил святитель. «Владыка, Господь крепость людям Своим даст, Господь благословит люди Своя миром» (Пс. 28), – отвечал Иван Семенович, впоследствии удивляясь, как это на ум могли прийти сами собой эти слова. И владыка тогда оставил батюшку настоятелем.

Батюшке Севастиану одному без помощника уже стало трудно служить. На всю Карагандинскую область было только три храма: на втором руднике, в Михайловке и в селе Осакаровка. Много было причастников, особенно в посты. Тогда на службы съезжались со всех окрестных деревень. Приходилось совершать и множество треб. В некоторые деревни батюшка ездил сам. Договорятся, например, в Великий пост причастить и пособоровать в какой-нибудь деревне. Приезжает батюшка с псаломщицей в заранее указанный дом, где уже собрались все православные этой деревни – и здоровые, и больные. Батюшка принимал исповедь, причащал и затем начинал соборовать. Теснота была невероятная, народ едва помещался, в доме – душно. Батюшка уже буквально изнемогал. Но остановиться он не мог,

надо было закончить таинство, на половине ведь не бросишь, а сил уже не оставалось. Он присел на стул и больные сами подходили к нему для помазания по очереди. Но вот он уже настолько ослабел, что не мог даже руку поднять. Тогда водитель, который привез батюшку на церковной машине, стал поддерживать его руку, в которой батюшка едва держал щепку, обмотанную ватой... Поистине, «монах есть непрестанное понуждение естества», как написано в Отечнике. Как монашеское послушание от своих наставников после разорения Оптиной пустыни принял батюшка благословение быть приходским пастырем и с усердием служить народу Божьему до конца своих дней, возвращая многих заблудших овец в ограду Христовой Церкви.

Требовались помощники, но такие, которые были бы близки по духу смиренному и кроткому старцу. «Освободился из заключения священник, отец Афанасий, – вспоминал отец Евфимий, – и стал ходить к нам в церковь. Батюшка Севастиан спросил: «Иван Семенович, ну что нам... отца Афанасия принять в помощники мне?» А он «боевой» был, отец Афанасий, хоть и добрый, но... не монах (по духу). Я ответил: «Он Вас слушать не будет».

Потом батюшка Севастиан рекомендовал на священство агронома Александра Павловича Кривоносова, потом отца Павла Коваленко. Эти батюшки были свои, они почитали батюшку Севастиана и слушались его».

Именно благодаря Александру Павловичу Кривоносову, который по благословлению батюшки Севастиана ездил в Москву ходатайствовать об

открытии церкви, в 1955 г. был официально зарегистрирован приход Богородице-Рождественского храма в Михайловке.

В том же году Иван Семенович был очевидцем событий в Куйбышеве, связанных с так называемым «стоянием Зои». Вот как он об этом рассказывал. «В конце 55-го года из Куйбышева пишет мне сестра: «Ваня, приезжай повидаться, мы по тебе соскучились». Я – к бабушке: «Благословите, на родину съезжу». А он: «Не надо, не езд». Но прошло недели три, и в первый день нового, 1956 г. я подхожу после службы ко кресту, а бабушка вдруг говорит: «Иван Семенович, ты хотел в Куйбышев ехать, поезжай, только быстрее собирайся, быстрее!» И в этот же вечер я сел на поезд и поехал. Приехал в Куйбышев, а там – чудо: Зоя стоит...

Город в смятении. Толпы людей у Зоино дома, народ открыто пошел в церковь: крестятся, каются. И я ходил к Зое, но в дом уже не пускала милиция. Неделю я прожил в Куйбышеве и, возвратившись, поведал карагандинцам о Зое и о Божиим промышлении о погибающем во грехах мире».

Теперь уже многие знают, что в 1956 г. в Куйбышеве (ныне Самара) произошло событие, обратившее к Богу множество людей. В период Рождественского поста, в вечер на Новый год, девушка Зоя совершила кощунственный поступок: вместо не пришедшего на вечеринку своего жениха по имени Николай решила танцевать с иконой святителя Николая. Во время танца она внезапно как бы окаменела, оставаясь при этом живой. Ночами Зоя жутко кричала, призывая людей к покаянию. Так,

окаменевшей, она простояла сто двадцать восемь дней. В ночь на Пасху тело ее ожило, и на третий день праздника Зоя отошла ко Господу, пройдя тяжелый путь искупления греха.

Следующее повествование отца Евфимия говорит о прозорливости батюшки Севастиана. Он хотя и скрывал свои духовные дарования, но человек, внимательный к словам старца, смиренный и готовый к послушанию, мог под его руководством в свою меру познавать волю Божию.

«Заболела туберкулезом моя восьмилетняя дочь. Врачам показали, они говорят: «Мы не можем здесь ее вылечить, везите на курорт, в Боровое, иначе она умрет». Мы – к батюшке: «Батюшка, благословите на курорт, иначе помрет дочка». А батюшка в ответ: «Лучше здесь похоронить, чем туда ехать». Мы с женой скорбим – жалко девочку! А девочка была очень хорошая: умница, послушливая, кроткая, как ангел. И я отвез ее в Боровое. Там, правда, вылечили ее, но с курорта она приехала другая, как чужая стала нам. А потом она в пионеры вступила, в комсомол, в партию. И так до сих пор не пришла к вере.

Другая моя дочь, повзрослев, познакомилась с молодым человеком, немцем по национальности, который сделал ей предложение выйти за него замуж. На что дочь сказала: «У меня отец верующий, и он не отдаст меня за тебя, потому что ты некрещеный». И Володя, так звали юношу, согласился покреститься и обвенчаться с дочерью. Тогда я пошел к батюшке за благословением, и он сказал так: «Повенчаем, а крестить его не надо». Если бы мне сказал так другой священник, я стал бы возражать, так как нельзя

венчать некрещеного. Но здесь я промолчал, потому что знал, что батюшка не ошибается. И когда мы поговорили с матерью Володи, она рассказала, что в 42-м году в их спецпереселенческий поселок пришел священник и покрестил всех детей, в том числе и Володю. А батюшка Севастиан все это знал, хотя Володю в глаза не видел».

У Ивана Семеновича после лихолетья осталось, выжило и выросло трое детей, после были и внуки, и правнуки. Сын уехал по работе в Белоруссию и до сих пор проживает там, одна дочь – в Германии, вторая – в Караганде. Когда в очередной раз Иван Семенович не на шутку заболел, и врачи, обследовав, заверили его, что жить ему осталось недолго, он тогда решил готовиться к смерти и сверх обычных своих благочестивых правил, посоветовавшись с женой, решил отказаться от мяса. Дети уже выросли и жили своими семьями отдельно, и супруги Тимаковы, никого не стесняя, могли взять на себя этот маленький подвиг. После этого болезнь пошла на убыль и «обреченный» прожил еще более тридцати лет. Этот случай батюшка рассказывал тем, кто, боясь повредить себе здоровье, никак не решался начать соблюдать установленные Церковью посты.

Жизнь шла своим чередом, Иван Семенович вышел на пенсию, обзавелся пчелами, которые его хорошо обеспечивали, материально он не нуждался, ходил в храм молиться почти каждый день и не думал ничего менять в своей жизни. Как-то приехали некие церковные люди из Петропавловска, им нужен был дьякон, и они стали предлагать Ивану Семеновичу принять сан. Сначала он отказывался, но

они его усиленно просили и, в конце концов, Иван Семенович согласился на это предложение. Рассуждал он так: «Живу-то я хорошо (материально). В церковь люблю ходить, а тут церковь далеко. А там я буду жить при церкви, молиться».

Невольно вспоминаются строки 26 псалма: «Одного просил я у Господа, того только ищущу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать храм Его».

Два года он прослужил дьяконом и 10 лет священником.

В 1969 г. приснопамятным митрополитом Иосифом (Черновым) Иван Семенович был рукоположен в сан диакона, а в 1971 г. – в сан иерея. Сначала он служил дьяконом в Петропавловске, затем священником в Панфилове около полугода, потом пять лет в Семиозерке и четыре года в Таинчи. Несмотря на то, что по сравнению с Карагандой воздух в Таинчи чище, кругом леса, в последний год своего служения после Пасхи отец Иоанн заболел воспалением легких и проболел целое лето до осени. Врачи говорили, что у него слабые легкие, надо, мол, беречься. Лечился как мог. Но чуть подлечится, послужит – опять болезнь укладывает в постель. Однажды до «Отче наш» дослужил, и стало так плохо, голова закружилась, чуть не вырвало. Посидел, отдохнул. «Ну, – говорит, – не могу я». Прихожане в ответ: «Да мы видим, батюшка». Пришлось написать прошение об удалении на покой по состоянию здоровья.

В 1983 г. отец Иоанн был отправлен за штат епархии, но, вернувшись в Караганду, почувствовал себя лучше. Вероятно, за долгие годы жизни в Караганде его организм привык к здешнему сухому климату, а может быть, такова была воля Господня – послужить еще народу Божьему в городе, в котором прошли самые трудные и самые радостные годы его долгой жизни.

По-прежнему батюшка почти ежедневно приезжал в Богородице-Рождественский храм, помогая принимать исповедь, служить панихиды, совершать требы. У него было очень много записок, и, когда ему доводилось вынимать частички из просфор, его проскомидия растягивалась от начала часов и до начала евхаристического канона. В воскресенья и праздники батюшка причащался в алтаре в епитрахили и фелони. Как старейшего клирика, отца Иоанна назначили духовником для духовенства Карагандинского благочиния.

Казалось бы, какую ещё может принести пользу по уходу за штат слабым здоровьем престарелый священник, по смирению своему не стремившийся к какой-то высокой деятельности, старавшийся не выделяться среди других, быть незаметным? Старость по преимуществу есть время покаяния, подведения итогов, приготовления к переходу в Вечность. Так все это и представлялось отцу Иоанну, но наступило время, когда, кажется, не без воли Божией открылось для него новое поприще, на котором он смог послужить страждущим людям духовным богатством, накопленным им за долгую и многотрудную жизнь.

После перестройки стали открывать храмы и монастыри, печатать и открыто продавать духовные книги и показывать по телевизору священников и архиереев. Но в то же время была почти полностью разрушена экономика огромного государства, народ стал сползать в яму нищеты и социальной незащищенности. Вместо идеологии коммунизма и атеизма на умы и сердца растерянных людей обрушилась лавина информации о самых разнообразных религиозных учениях, политических, экономических и социологических системах – от самых возвышенных и гуманных до самых безнравственных и деструктивных. Как грибы после дождя стали возникать новые политические партии и общественные организации, культурные центры и «духовные» школы «учителей» западных и восточных сомнительных религиозных культов, активно внедрявших свои «учения» в среду несведущих и духовно оголодавших людей. Массово, в том числе по телевидению, стали проходить сеансы колдовства и магии. Бесконтрольность в сфере информации привела к открытой пропаганде культа наживы, потребительства, беспринципности, вседозволенности, разврата и всего того, что стали тогда называть «американский (или западный) образ жизни». Это только некоторые черты национальной катастрофы, которая стала расплатой за долгие годы безбожия и равнодушия. Но для многих эти страшные годы стали временем покаяния и обращения к вере отцов.

И вот в конце 80-х гг. начался новый этап в жизни отца Иоанна. Однажды после литургии он немного задержался в храме. К нему подошла

женщина в слезах и стала громко просить: «Батюшка, почитай надо мной канон на исход души и предай меня земле!» Батюшка спросил её, в чем дело. Она стала объяснять, что на неё напала такая тоска, что невозможно терпеть. Такое, конечно, бывает со всяким, но или сила искушения, или длительность его были настолько велики, что она не выдерживала и готова была умереть, лишь бы прекратилось это состояние. Батюшка пошел в алтарь, взял требник и почитал над этой женщиной какие-то молитвы, но, конечно, не канон на исход души. Она успокоилась и ушла. Прошло какое-то время и эта женщина, встретив отца Иоанна, сказала ему, что после прочтения над ней молитв у неё в душе воцарилась радость, которая не оставляет её до сих пор.

Одна женщина из больницы приехала в Михайловский храм причаститься и попала на исповедь к отцу Иоанну. Рассказала, что пролежала в больнице шесть месяцев. Она стала как скелет, была чуть живая, считала, что её испортили колдуны, а врачи, чтобы, наконец, определить диагноз, хотели сделать ей операцию. Она решила, что по слабости своей не сможет перенести операцию, и отпросилась у них сходить в храм причаститься. Батюшка с состраданием отнесся к болящей и после исповеди и причастия сам предложил прочитать над ней молитвы из требника. Договорились, что она приедет и на следующий день. Она действительно приехала и сказала, что после молитв ей стало полегче. Приехала она и на третий день и уже с большой радостью произнесла: «Батюшка, мне легче!» Эта болящая потом выписалась из больницы и приезжала к отцу

Иоанну для молитвы раз двадцать. Господь вернул ей здоровье и прежние силы.

Таких случаев было несколько. Великое сострадание отца Иоанна к нуждам людей, духовное невежество которых побуждало их в болезнях и страданиях обращаться за помощью к колдунам, экстрасенсам и прочим шарлатанам, было безграничным. Душевные муки и скорби всего нашего народа в переломную эпоху, в те годы, когда, казалось, они превышали человеческие силы, – всё это побудило батюшку принимать болящих и молиться о них, наставлять их на путь спасения, питая духовной пищей евангельского слова.

Со временем много людей стало приходить и приезжать непосредственно в дом отца Иоанна. Иной раз на улице возле дома стояло несколько машин. Батюшка принимал обычно по 6-8 человек, надевал епитрахиль и читал молитвы. За день проходило несколько таких групп, и к вечеру он был уже еле живой, но всё равно никому не отказывал.

Супруга отца Иоанна, Зоя, к тому времени уже скончалась. Батюшка жил один, по хозяйству приходили помогать дочь и верующие люди, духовные чада. Некоторые из них подолгу жилали у него, помогая справляться с бытовыми трудностями, следить за домом и огородом. Затем стали к нему похаживать разные подозрительные личности. То якобы за благословением, то с какими-то непонятными разговорами, то говорят: «Нас из церкви послали «к дедушке». По виду это были или наркоманы, или пьяницы, или какая-то воровская шпана. Наверное, думали, что у батюшки из-за

наплыва посетителей появились деньги. Входя в дом, они высматривали, что там есть, где что лежит.

Пришел как-то один мужчина лет сорока и спросил: «Дед, ты лечишь? Вот у меня дочь, у неё ноги отнялись, я её привезу сюда». Батюшка ответил: «Ну что ж, привези её, я полечу». Одна из помощниц, находившихся тогда у батюшки, раба Божия Р., которая раньше работала в психбольнице, по глазам этого мужчины сразу определила, что он наркоман. Когда они сидели на кухне, обратили внимание, что он во время разговора всё старался в зал заглянуть. У батюшки в комнате ничего дорогого привлекательного не было: старый дореволюционный диван, облупленный шифоньер, на полу выцветшие дорожки. Мужчина спросил: «Сколько ты возьмешь с меня за лечение?» Батюшка ни от кого ничего не требовал, но, если кто-нибудь из болящих в благодарность за лечение что-то приносил, не отказывался, чтобы не обидеть людей. Его собственные скромные потребности вполне удовлетворяли небольшая пенсия и огород. Да и приносы больных были обычно весьма скромные. В тот момент на столе стояли кем-то принесенные хлеб и молоко. Батюшка указал на стол: «Ты видишь, что люди приносят. Но если ничего нет, я и так помолюсь». Мужчина ушел и никакой дочки потом так и не привез.

Бывало, приходили, стучали в дверь: «Нас из церкви послали». Помощницы батюшкины спрашивали: «Сотвори молитву»... – «Какую еще молитву?» – «А ту, с которой вас из «церкви» послали». Они тогда матерились и уходили. И таких визитов было немало.

Одна раба Божия рассказала, что в Майкудуке появилась банда. Приходят, говорят, что из милиции, показывают в глазок удостоверение. Если им открывали, они убивали и грабили. Через несколько дней пришли часов в 10 вечера к отцу Иоанну. Постучали в дверь: «Откройте, я участковый». Батюшкина помощница ответила: «Участковый ходит днем, а ночью я не открою». Было это в январе, на улице темно, никакого освещения. Тот, который называл себя участковым, возразил: «Бабка, ты сильно умная. Меня вызвали из милиции, у вас в доме порез». Помощница в ответ: «Ты за дверью знаешь, что порез, а я дома не вижу никакого пореза». В это время у отца Иоанна ночевали приезжие из Рудного – болящие мать с сыном и из Павлодара – мать и дочь. Дом был «на два хозяина», и в другой половине, у соседей, действительно, частенько бывали драки. Помощница тогда потихоньку сказала гостям: «Вы с ним поговорите, а я позвоню в милицию, спрошу, может, к соседям вызывали участкового». Но оказалось, что никаких вызовов не было, и из отделения милиции Юго-Востока им по телефону посоветовали не открывать ни в коем случае. Услышав такой ответ, незнакомец заматерился и ушел.

С 1989 г. батюшка постоянно принимал болящих у себя дома. Однажды вечером, когда после приема все разошлись, и болящие и помощники, и батюшка сел ужинать один, к нему в дом постучали. Обычно батюшка посторонним дверь не открывал, всегда расспрашивал, кто пришел, откуда. А тут, видимо, по

попущению Божию, когда он спросил: «Кто?» и в ответ услышал: «Свои», сразу открыл дверь.

Незнакомый мужчина вломился в дом и сразу стал угрожать: «Что, поп, много денег нахапал? Давай сюда. Давай крест золотой и Библию». Батюшка ему ответил, что золотого креста у него нет и Библии тоже нет (в тот момент у него её взяли читать). Вор стал шарить в доме, нашел 200 рублей, книги кое-какие, банку меда и бутылку спирта, которым батюшка растирал ноги и спину (у него был радикулит). Вор сказал батюшке, чтобы он складывал всё в мешок. Батюшка сложил. Тогда вор повелел ему все это выносить. Когда батюшка взялся нести мешок, вор ударил его по голове рукой, батюшка зашатался, но донес мешок до сеней. Вор еще раз ударил его свинчаткой, повалил на пол и стал пинать ногами. Потом навалился на него и стал душить. Время от времени прислушивался, дышит или нет. Батюшка всё время читал 90 псалом и, когда вор стал душить его, внутренне с силой помолился: «Господи, Ты же всё видишь!..» Тут же вор отпустил его, но приказал лежать полчаса, не кричать и не двигаться, не выходить, иначе добьет. Потом батюшка смог поползти до соседей, и те вызвали «скорую». Врачи наложили швы и сказали, что с такими побоями и молодой бы не выдержал. Тело от побоев было черное, но, как это ни странно, со слов батюшки, у него после этого меньше стала болеть голова. Позже он с юмором говорил: «Вот, выпустил у меня кровь, вылечил меня, чтоб голова не болела».

Это нападение, впрочем, сильно напугало его, ночью он часто кричал: «Разбой, разбой!» Ночевав-

шие в доме духовные чада просыпались, успокаивали его, однако со временем всё прошло.

Батюшка постепенно поправился, и приемы возобновились. Бывали случаи довольно сложные. Привезли как-то молодого человека, и батюшка оставил его у себя на несколько дней. Однажды подходит он к рабе Божией Р., которая в последние годы и до самой смерти была бессменной келейницей отца Евфимия, и сообщает: «Мне голос говорит, чтобы я батюшке отрубил голову». Р. по опыту работы в психбольнице знала, что такого рода больные часто не могут сопротивляться этим «голосам». Что делать? На дворе уже вечер, готовились спать. Она говорит ему: «Ты же верующий, разве можно это делать? Давай я тебя привяжу к койке». Больной согласился. Р. прикрутила его к койке простынями, и больной, хотя бился до полночи и саму койку разломал, но освободиться не смог. Утром Р. посоветовала батюшке отпустить его домой. Договорились, что он приедет со своей мамой. Они приезжали, батюшка молился о нем, но позже молодому человеку все-таки пришлось полежать в психбольнице. Однако впоследствии он приезжал еще к батюшке для молитвы. Ему стало лучше, и он женился.

Пришла как-то одна женщина, батюшка стал молиться над ней, а Р. вышла на кухню и легла: ей почему-то стало плохо. Вдруг батюшка как закричит: «Господи, помилуй!» Р. забежала в зал. Батюшка стоял бледный как полотно, Р. положила его на койку и померила температуру – за 40. Р. выпроводила приходивших к батюшке больных и вызвала врача,

дала батюшке попить привезенной из Дивеева воды из Серафимова источника. Температура спала, приехала О. Ф. (врач), батюшка понемногу пришел в себя и рассказал, что, когда он стал читать молитвы, почувствовал, что в него как будто входит черное облако. Тогда-то он и закричал «Господи, помилуй», и облако стало удаляться от него. От испуга у него поднялась температура, и на какое-то время он перестал принимать больных. Другой причиной было то, что в какой-то книге он прочитал о том, что Господь попускает беснование для очищения человека страданиями. Избавившись от бесов, но не исправив свою жизнь, человек или погибнет, или снова станет жилищем бесов, которые по попущению Божию входят за грехи и нераскаянность. Р., которой часто плохо было от этих приемов больных, тоже уговаривала батюшку прекратить, но ему было жалко людей, и, немного отдохнув, батюшка снова стал принимать страждущих.

В храмах Караганды в начале 90-х стали появляться прихожане, которые обрели веру через страдания, тяжелые болезни и встречу с отцом Иоанном. На его столе постоянно лежали разные статьи, брошюры, книги, фотографии, которые он использовал в разговорах с приходящими. После перестройки стали издавать в большом изобилии духовные книги, батюшка часто просил духовных чад читать ему ту или иную книгу, а потом сам советовал приходящим к нему за помощью прочитать что-то, купить в лавке молитвослов, псалтырь, Новый Завет. Не только тело исцелить, не только непрощенных «гостей» надо было выгнать из страждущего,

надо было в душе его зажечь огонек веры, наставить на путь покаяния и спасения, предупредить об опасностях, которые подстерегают человека в современном безбожном, безнравственном мире. Слушая рассказы прихожан о тех искушениях, которые обрушились на современного человека, о том, какие мерзости показывают по телевизору, батюшка ужасался: «Весь ад вышел на землю из преисподней!» Сравнивая современную жизнь с тяжелым, но более благополучным в нравственном отношении прошлым, батюшка очень убедительно показывал ненормальность и опасность переживаемой народом эпохи духовного лихолетья: «Когда мы были молодые, нам было трудно выжить, а нынешней молодежи трудно душу спасти». Многие его рассказы о своей жизни, о встречах с людьми помогали его духовным чадам обрести подлинные критерии духовности, нравственности. А богослужение и таинства Церкви и молитвы батюшки со временем исцеляли их души и утверждали их на пути спасения.

День в маленьком доме на улице Рейдовой начинался молитвой. Читали утренние молитвы и последование утрени по каноннику. Батюшке очень нравились стихиры и канон утрени, настраивающие душу на память смертную и размышление о Страшном Суде. Часто батюшка читал и покаянную «Псалтырь» преподобного Ефрема Сирина. Над кроватью его висели четки из необработанного бисера, и в свободное время он помногу молился по четкам Иисусовой молитвой. Приходящим к нему также советовал помнить час смертный, вечную

муку, уготованную грешникам, и этими размышлениями противостоять греховным помыслам, обуревающим душу. На вопрос: «Что самое главное в жизни?» – батюшка отвечал: «Главное – иметь страх Божий». Советовал побольше читать духовных книг. Кто-то, бывало, скажет: «Прочитаю и забываю». А батюшка в ответ: «Всё равно читай: умом забудешь, а в сердце всё-таки что-то отложится». Более всего приучал к смирению, советовал всегда помнить о своей греховности и не осуждать других. По смирению батюшка искренне считал себя большим грешником, часто вспоминал евангельский рассказ о том, что придут к воротам рая и скажут: «Пусти нас, Господи, мы Твоим именем болезни исцеляли, бесов изгоняли». А Господь скажет: «Отойдите от Меня, не знаю вас»... «И такое ведь может быть...» – добавлял батюшка.

Отец Евфимий никогда не тяготился людьми. Было как-то странно, что с первых минут разговора с незнакомым человеком разрушался барьер отчужденности, непонимания, который, может быть, для многих страждущих был одной из главных проблем жизни в окружающем их мире. Батюшка приветливо принимал гостей, и в его обычной смиренной внешности, словах не было никакой светской шелухи, ничего лишнего и пустого. Внешне это был простой и добрый дедушка. Но больной или душевно измученный человек сразу чувствовал в батюшке любовь, внимание, желание помочь. Не было ни малейших попыток поставить себя выше человека, обозначить свою значимость, важность. Души людей оттаивали, отдыхали возле старца. А ему только и

хотелось, как можно больше принести пользы, как можно больше спасти, исцелить, наставить. И каждый понимал, что здесь не какие-то корыстные побуждения или тщеславие, или еще что-нибудь человеческое, а просто любовь, то есть когда любой страдающий человек для тебя как родной, и ты не можешь быть спокоен, пока хоть немножко не облегчишь его страдания. Это было, думается, действие Божией благодати в сердце, очищенном многолетней практикой христианской жизни по заповедям Божиим, очищенном великими скорбями и множеством перенесенных старцем болезней. Без благодати Божией возможно ли всё это перенести? Кто из нас смог бы в течение стольких лет постоянно делить свой кров и хлеб с таким множеством самых разнохарактерных, иной раз далеко не простых, тяжело болящих, измученных жизнью, порой отчаявшихся в спасении людей? Не просто кое-как терпеть их, а искренне любить, заботиться, сострадать.

А приходили и приезжали из других городов самые разные люди. Был парень из Степногорска, у которого врачи никак не могли определить болезнь. Высох весь – одни кости. Батюшка почитал над ним молитвы дня четыре, он почувствовал, что выздоровел и вернулся домой. Позже приезжал поблагодарить. Стал просто «кровь с молоком» – подтянутый, крепкий, не узнать. Таких случаев в воспоминаниях, написанных свидетелями исцелений или самими больными, было довольно много. Общий смысл этих свидетельств можно выразить следующим образом. Врачи не могли поставить диагноз,

человек постепенно таял, как свечка, но по молитвам отца Евфимия начинал постепенно выздоравливать и болезнь отступала.

Были случаи, когда из-за болезни ног терялась возможность ходить, не могли помочь врачи, но помогали вера и молитва отца Евфимия.

Одна раба Божия была очень полная, и никто её не брал замуж. Батюшка стал молиться о ней, и она после его молитв сбавила вес и стала средней комплекции. Вышла замуж, но не было у неё детей. И опять она обратилась к отцу Евфимию... У неё родился сын, и она была очень благодарна батюшке.

У младенцев иногда бывает такая патология: вылезает паховая грыжа. Врачи обычно не могут в этом случае ничего предложить, кроме операции, а по молитвам батюшки эта болезнь проходила без операции.

Случалось и такое. Приезжали к батюшке с рожистым воспалением и высокой температурой (до 40 градусов), иногда после безрезультатного лечения традиционными средствами. Через два-три дня по молитвам батюшки болезнь проходила, температура становилась нормальной.

У кого-то проходила опухоль, у кого-то непонятный воспалительный процесс. Батюшка молился, оставлял иной раз у себя на несколько дней, и постепенно человек выздоравливал.

Приезжала из Рудного раба Божия Г. с сыном и дочерью. У сына были неопределенные страхи, и батюшка исцелил его. У Г. была сестра на Украине. Она была бесноватая. Как-то она приехала в Рудный, и Г., встретив её на вокзале, повезла домой. Когда

они подошли к двери квартиры, сестра не своим, а грубым мужским голосом сказала: «Не пойду, там Иван». Г. уверяла, что дома никого нет, убеждала её войти, но та ни в какую. Тогда Г. догадалась, про какого Ивана говорит сестра. На видном месте в комнате стояла фотография отца Иоанна. Г. спрятала фотографию и только после этого сестра вошла в квартиру.

Из Рудного приезжала и раба Божия Л., которая училась на экстрасенса. После этого ей наяву стал являться бес в образе её кума и разговаривать с ней. Она жила у бабушки две недели, бабушка молился над ней. Потом она привозила двух своих дочерей, которых сама по заблуждению своему пробовала «лечить» экстрасенсорными методами. Через несколько месяцев она специально приезжала поблагодарить бабушку за молитвы: Господь помог им, отрицательные последствия оккультного «лечения» перестали проявляться, дочери благополучно вышли замуж.

Приезжала раба Божия Т. из Алма-Аты. Она ничего не ела 40 дней, только пила воду – так ей было плохо, вся почернела, исхудала. Бабушка молился над ней целый месяц, и она полностью выздоровела, стала полная и румяная. Её сын дружил с распутницей, которая, по-видимому, приворожила его. Он стал как истукан, ничего не соображал, в душе уныние и тоска. Приехали они с матерью в Караганду, и бабушка помолился над ним. Т. спрашивала бабушку, сколько им побыть в Караганде. Он ответил, что денька три поживите. Прошло несколько часов, и вдруг бабушка предло-

жил им еще раз помолиться: «Давай, еще раз почитаю, и быстро езжайте домой»... – «Батюшка, как же так, мы бы пожили немного». Но отец Евфимий был непреклонен: «Сейчас же езжайте на вокзал и быстро домой». Они послушались, и через день Т. позвонила и поблагодарила батюшку: «Если бы мы в тот день не уехали, сына уволили бы с работы». А у него была хорошая работа, и батюшка просто спас их от голода. В те годы в Алма-Ате трудно было найти хорошую высокооплачиваемую работу.

Был раб Божий Г., который долго лечился у женщины-экстрасенса, а, побывав у батюшки и почувствовав силу молитвы, привез эту женщину к батюшке. Эта женщина рассказала, что, когда они подъехали к кондитерской фабрике и далее ехали до дома батюшки, видели какой-то необыкновенный свет. Батюшка не придал никакого значения ее словам, а лишь с иронией заметил: «Какой от меня свет?! Из меня, вон, песок сыпется, а не свет». В это время в доме была одна болящая. Когда экстрасенс вошла в дом, болящей стало плохо, она почувствовала какой-то холод, даже ноги у неё задрожали. Эта болящая часто приезжала к батюшке, но она была неправославной. Потом она сама и вся ее семья перешли в православие.

Одна раба Божия в храме несла к причастию младенца 3-х лет. Кто-то подал младенцу конфету, и как только ребенок взял конфету, стал громко кричать и плакать. Когда пришли домой, ребенок не успокаивался. Попробовали над ним потихоньку читать молитву, но младенец вдруг стал выкрики-

вать: «Не читай молитву». Тогда понесли его к отцу Евфимию. В то время как батюшка читал молитвы, младенец кричал: «Больно, больно!» и весь был в поту. Но постепенно по молитвам батюшки всё прошло.

Пришли к отцу Евфимию две сестры, одна из них ранее приводила к батюшке лечить своего сына. А тут привела свою сестру, которая собиралась выйти замуж. Но батюшка не благословил её на этот брак: «Он будет пить и бить тебя». Она не послушалась, вышла замуж, и у них родился ребенок. Ребенок болел, и она пришла с ним к батюшке и говорила, что, действительно, муж пьет и бьет её.

Был и еще точно такой же случай. Другая женщина, не послушав батюшку, вышла замуж, а после приходила: «Что мне делать? Муж пьет и бьет меня». Батюшка сказал: «Не послушалась, теперь как хочешь, не могу тебе помочь».

«Моя дочь, – рассказывала келейница отца Евфимия Р., – занималась торговлей. Передавала деньги с людьми, и ей привозили товар. Приходила к батюшке за благословением, и, если он просто сразу благословит, всё получалось благополучно. Товар приходил вовремя. А если скажет: «Не надо», то можно уже и не передавать. А дочь, бывало, скажет: «Батюшка, а как мне жить? Мне за сорок, меня на работу нигде не берут и т. д.». И всё-таки передает деньги. Тогда бывали большие проблемы – или совсем товар заберут на таможне, или задержат долго на границе и товар пропадет, так как кончался срок годности».

Рассказывала раба Божия А. Т. «В 1999 г. мой муж попал в аварию, наш автомобиль был сильно разбит и не подлежал ремонту. Сзади был наезд, когда муж пропускал пешехода на пешеходном переходе. Сначала муж хотел простить виновного, но, когда я спросила совета отца Евфимия, он сказал, что виновник должен рассчитаться. Виновный стал под разными предложениями уклоняться, пытался даже припугнуть мужа. Я ездила к отцу Евфимию, он молился о благополучном разрешении конфликта и повторял, что виновник должен рассчитаться. Через некоторое время этот человек сказал, что сейчас не имеет средств, и просил подождать несколько месяцев. Я опять поехала к бабушке, он сказал мне: «Его не будет... Я не знаю, что с ним произойдет, но его не будет. Пусть рассчитается, ждать не надо».

В ближайшее воскресенье мой муж и этот человек на авторынке купили нам машину. Не прошло и месяца, как этот нестарый еще человек внезапно скончался».

В 2001 г. по благословению правящего архиерея Алма-Атинской епархии архиепископа Алексия (Кутепова) (ныне митрополит Тульский и Белевский) батюшка был пострижен в великую схиму с именем Евфимий, а через год произведен в сан игумена.

В последние годы отец Евфимий почти ничего не слышал, слабо видел, плохо слушались ноги. Но каждое воскресенье он просил, чтобы близкие отвозили его в храм Божий. Превозмогая немощь, он с усердием выполнял свое келейное правило. Видя кипу напечатанных очень большим шрифтом записок, которые он прочитывал ежедневно, невольно прихо-

дило в голову, что в эти минуты реально происходит соприкосновение с тайной бытия, что благодаря молитвам таких людей до сих пор стоит мир.

В последнее время батюшка стал немного юродствовать, делал, например, вид, что не узнает посетителей. Когда те громко начинали объяснять, отвечал: «Я не вижу, я не помню». Но в оправдание себе рассказывал какой-нибудь случай, который был обличением того или иного недостатка «неузнанного» им человека. Вообще многие замечали поразительную точность и глубокую содержательность речи отца Евфимия в последние годы. В душе было чувство, что как бы невзначай рассказанная история касается чего-то самого главного для тебя, ты слушаешь внимательно, боясь проронить хоть одно слово.

Келейнице иной раз он показывал, что будто ничего не соображает. Когда она давала ему кушать, он как бы нечаянно сливал в одну посуду первое, второе и третье и ел. В последние годы у батюшки был почти постоянный насморк. И вот он как бы «случайно» ронял данные ему платочки и сморкался в фартук. Утром, умывшись, вытирался полотенцем и тут же в него сморкался. Р. говорила ему: «Батюшка, я в психбольнице работала и больного от умного различать умею». Батюшка молчал, потом плевал на пол, и Р. спокойно вытирала. Тогда он, как будто рассердившись, говорил: «Делай мне замечание». Р. отвечала: «Замечание я Вам боюсь делать». И отец Евфимий приводил такой пример: «Вот отец Пармен с Марией ругались, их даже с церкви приходили мирить, а мы вот с тобой живем мирно».

Игумен Пармен после лагерей, где страдал за веру, проживал на Мелькомбинате недалеко от отца Евфимия, скончался более полувека назад. Перед смертью в нем проявилась необыкновенная прозорливость. Он говорил, что видел большие дома – целый город там, где в те годы были частные огороды карагандинцев. Впоследствии там выстроили огромный «спальный» район – Юго-Восток.

В 2010 г. на Пасху отец Евфимий заболел, вызвали «скорую», и врачи оказали батюшке первую помощь. Батюшка старался выполнять предписания врача и постепенно оправился. Прошел год. На Страстной седмице перед Пасхой 2011 г. батюшка очень ослабел, давление у него упало до 60 на 40. Когда на Пасху стали разговляться, батюшка высказал такое пожелание: «Я хочу умереть на Пасху».

28 апреля, в день памяти преподобного Севастиана Карагандинского, митрополит Александр и епископ Карагандинский Севастиан посетили отца Евфимия и вместе со старцем прославили Воскресшего Христа Жизнодавца. Батюшка, несмотря на физическую немощь, пропел с архипастырями тропарь Святой Пасхи и возгласил апостольский гимн победы жизни над смертью – «Христос Воскресе!». Владыка Александр и прежде неоднократно навещал батюшку во время архипастырских визитов в Караганду.

Вечером после посещения архипастырей батюшка почувствовал приближение смерти и попросил пригласить священника для принятия Святых Тайн. Близких отец Евфимий просил, чтобы при разлучении души от тела обязательно прочитали

канон на исход души. Причастившись, он стал напоминать об этом келейнице, а батюшки, приехавшие для совершения таинства, узнав, о чем он просит, сами прочитали канон.

Целый месяц у постели старца и ночью, и днем дежурили его родная дочь и духовные чада. 4 мая схиигумен Евфимий в полном сознании и памяти безболезненно и мирно скончался. Келейница Р. вспоминает, что в последние минуты, когда она сидела у кровати старца, он пристально смотрел на неё, потом стал тяжело дышать, три раза вздохнул и умер. Она говорила: «Господь сподобил меня увидеть, как умирают праведники».

На похороны отца Евфимия собрались, кажется, прихожане и священники всех карагандинских храмов – так было много приезжих. После последования монашеского погребения литию над гробом почившего совершил Преосвященнейший Севастиан, епископ Карагандинский и Шахтинский. Схиигумен Евфимий был погребен на городском кладбище, расположенном возле завода ДСК, его могила находится недалеко от места погребения преподобного старца Севастиана.

Воспоминания М. П. Стакановой

Мариина тетрадь

В г. Козельске Калужской области много лет проживала Мария Петровна Стаканова (отошла ко Господу в апреле 2017 г.). Она не только общалась с преподобным старцем, но и многие годы была его послушницей. Мария Петровна – человек уникальной судьбы. Она воспитывалась в детских домах Казахстана. После окончания железнодорожного училища, куда ее направляли учиться, стала работать в г. Акмолинске. Там она крестилась и от одной из своих знакомых услышала об удивительном батюшке из Караганды и решила непременно его увидеть, и если будет возможность, пообщаться с ним. В 1952 г. она впервые приехала в Караганду и отыскала церковь, в которой служил о. Севастиан. В это время ей шел 21-й год. Увидев доброго батюшку, она решила непременно остаться в этом городе. Ее желание чудесным образом исполнилось. Старец благословил ее жить в своей общине. И многие годы она проживала в Караганде. Пела и читала на клиросе, научилась иконописи, написала немало святых образов для различных храмов. В 1987 г. переехала на постоянное место жительства в г. Козельск. Мария Петровна записала свои воспоминания в отдельную тетрадь (Мариина тетрадь), в которой подробно

рассказала о своей жизни, в том числе в общине преподобного Севастиана.

Несколько лет тому назад она почти полностью ослепла, ходила по дому на ощупь и не могла уже писать иконы и распятия. Молилась, чтобы Господь не лишал зрения, и ее молитва была услышана, она вновь стала видеть.

Ниже приводим отдельные воспоминания из «Марииной тетради» с небольшими редакторскими уточнениями и дополнениями, сделанными со слов Марии Петровны после встречи с ней.

Впервые услышала о Боге от нянечки, когда находилась в детдоме г. Щучинска. Помню, так обрадовалась, вышла на улицу и вслух произнесла: «Значит, Тебя зовут Бог. Теперь я буду с Тобой разговаривать...» И вот так всю жизнь разговариваю...

Однажды, когда уже была постарше, привели нас в клуб. Сначала проходил концерт, потом танцы. А я все время думала о Боге. Вдруг подходит паренек и приглашает: «Пойдем, потанцуем». «Да ну тебя», – сказала я ему, а сама все продолжаю думать, как обращаться к Богу и хвалить Его. И вдруг занавес на сцене отодвинулся

и вышла молоденькая девушка, одетая по-старинному. Смотрю на нее, она подняла правую руку, ладонью ко мне, прижала к ладони мизинец и безымянный пальцы, потом три сложила вместе, приложила сложенные пальцы ко лбу, затем к животу, к правому и левому плечу, сделала поясной, потом земной поклоны и исчезла. Тогда и я стала так делать.

В 1939 г., когда, нам, воспитанникам детского дома в Щучинске, исполнилось по 9 лет (действительного возраста детей никто не знал), всех отправили в детский дом г. Сандыктава. Уже после войны отсюда меня направили учиться в железнодорожное училище г. Акмолинска, где я проучилась два года.

Помню, время было трудное, послевоенное, не хватало самого необходимого, особенно продуктов. Я так была голодна, что едва могла ходить. Зашла в одну столовую, спросила: «Нет ли у вас чего купить поесть?» «Нет», – сказали. Вышла, села на лавочку и говорю: «Бог, как я есть хочу» – и впала в забытие. Вижу большие залы, и стоят столы накрытые, и народ, и мужчины в одеждах непонятных. Ходят эти мужчины вокруг столов и чем-то помахивают. (До этого я не видела священников и не знала про кадила.)

Женщина вроде как направила меня к столам, а голос произнес: «Нет, ей не сюда». И тут мимо проходит священник с кадилом, и такое благоухание от него, и так хорошо, и из кадила хлопья белые, как крупные снежинки, и мне говорят: «Лови их ртом и ешь, ешь», – и стала я ловить их ртом и есть.

Очнулась – во рту такой необыкновенный вкус и вместо голода – чувство сытости.

Когда исполнилось мне семнадцать лет, в 1948 г., решила найти церковь. Не знала, крещеная я или нет, но слышала уже про исповедь и про крещение. Было это в г. Акмолинске. В это время я уже закончила училище. Иду, спрашиваю прохожих: «Где здесь у вас церковь?» Кто обругает, кто промолчит. Лишь один парень показал, как пройти. Едва отошла несколько шагов, как неожиданно со всех сторон подбежало ко мне множество собак. Сначала я растерялась, думала, разорвут, а потом говорю вслух: «Это что, я иду к Богу, а вы меня окружили?..» И тут вдруг одна собачка побежала прочь и все остальные за ней, и я спокойно дошла до храма. Вот так с Божией помощью чудесным образом избавилась от голодной собачьей своры. В то время бывали нередки и трагические случаи, когда бездомные собаки нападали на людей, причиняли тяжелые увечья и пр.

Прихожу в церковь, смотрю, все там крестятся точно так, как показала мне молоденькая девушка на концерте. Я чуть не закричала от радости: «Бог, как Тебя поблагодарить?!» Подхожу к женщине у свечного ящика и спрашиваю, где здесь исповедоваться, а она в свою очередь обращается ко мне: «А ты крещеная?» Я ответила, что не знаю. Тогда она посоветовала подойти к настоятелю. Подошла я к батюшке и рассказала, что в детдоме воспитывалась, не знаю, крещеная или нет. Священник попросил подождать, сказал, что после обедни покрестит. (В Акмолинске я сдружилась с

одной верующей женщиной, которая мне подсказала, что нужно обязательно креститься.)

Я снова возвратилась к женщине у свечного ящика, а та и спрашивает, что сказал батюшка. Я ей отвечаю: сказал, что пообедает и будет крестить.

Обедню я тогда приняла за обед, поскольку этого слова раньше не слышала. Какой-то мужчина находился рядом во время нашего разговора и купил мне крестик.

Женщина опять обратилась ко мне: «У тебя крестной ведь нет?» Спрашиваю: «Кто такая крестная?» Она все объяснила и предложила стать моей крестной матерью... И так я покрестилась.

Вот так Господь привел меня, девочку из детского дома, где свирепствовал атеизм, в церковь. Я даже и родителей своих не помнила, так как совсем младенцем оказалась в детдоме.

Когда я жила в Акмолинске, прослышала про необыкновенного батюшку в г. Караганде и решила туда поехать. Влекло сильное желание увидеть его и потолковать, побеседовать с ним.

На досуге купила белой шерсти, спряла, связала носки и решила их везти в подарок карагандинскому батюшке. Затем пошла к своему начальнику и говорю: «Отпустите меня в Караганду, к моей воспитательнице, она болеет». Начальник цеха послал к директору завода. И получилось так, что как раз передо мной подошел рабочий с телеграммой, у которого мать умирает, и ему почему-то отказали. И тут я со своим прошением. Так и так, сообщаю, хорошая у нас была в детдоме воспетка, т. е

воспитательница, да вот заболела и я должна ее проведать. Он, к моему удивлению, спросил, на сколько дней отпустить. Я ответила, что не знаю, где эта Караганда находится, меня, мол, туда повезут. «Ну, пять дней тебе довольно?» Говорю: «Как вы решите, а я ничего не знаю». «Ладно, за пять дней справишься...» Прихожу в цех, а мой начальник еще день прибавил. И так я была благодарна Богу!

По прибытии в Караганду пешком обошла весь поселок Михайловку, где служил о. Севастиан, и остановилась в доме матушек: м. Корнилии и м. Марины. К ним меня направила моя знакомая в Акмолинске. Но застать батюшку дома в первые три дня не удалось. Он был постоянно на требах. Лишь на четвертый день после моего приезда пришла к нам мать Груша, которая прислуживала у батюшки, и сказала, что о. Севастиан дома, и сейчас она ему обо мне скажет. Помню, я вышла на улицу вслед за ней и мысленно рассуждаю: «Бог, если батюшка будет беленький, т. е. в белой одежде, я останусь у него, ладно?» И вот позвали меня в церковный дом. Смотрю, старенький батюшка, в белом одеянии, ко мне подходит и про себя читает молитвы. Беру благословение, как меня научили, и говорю уже вслух: «Бог, батюшка беленький, я останусь у него...» А батюшка руку свою убирает. Я прошу подождать и держу его руку, и снова прикладываюсь к ней и опять повторяю: «Бог, батюшка хороший, скажи ему за меня». Когда вышла на улицу, смотрю, выходит и батюшка. Я ему: «Мне с вами надо потолковать». А он: «Потом». Я снова: «Ага, потом, уже завтра последний день, начальник цеха и то дал

лишний день, сегодня в дороге должна была бы быть». Батюшка спешил на службу, и наш разговор прервался.

После службы все стали подходить и брать благословение. (Свет в церкви не зажигали, лампадки да свечи, окна были плотно закрыты.) Подошла и я. Батюшка попросил меня остаться, чтобы идти домой вместе. Когда вышли из церкви, спросил, как меня зовут и сколько мне лет, и посоветовал учиться. Я ответила, что не хочу учиться, поскольку изучают всякую чепуху, конституцию и прочее.

Батюшка задал вопрос, есть ли у меня родители. Я буквально отскочила от него. Очень мне не нравилось, если кто спрашивал об этом. Потом долго мы шли молча. И вдруг батюшка говорит: «А ведь я, Маруся, пяти лет остался без матери, брат меня обижал. А еще другой старший брат был в Оптине, Рафаил его звали, он-то меня к себе, в Оптину, и взял. Попал я к отцу Иосифу старцу в послушники, он жалел меня, а когда помер, я очень по нем плакал и тосковал». После этих слов я поближе подошла к батюшке и сказала, что не могу переносить, если кто за родителей спрашивает, некоторым раздаю тумаки, а вот вы хороший... Затем попросила его никому не говорить, что я детдомовка, а то нас, детдомовцев, не любят. Батюшка мне в ответ: «Нет, деточка, никому не скажу, а все равно твои выходки показывают воспитание не родительское, много мне придется с тобой заниматься, перевоспитывать, слова говоришь хулиганские, это ты не замечаешь». Я не стала возражать: «Точно так, батюшка, когда была в детдоме, говорила: «Пойду в разбойники, богатых

грабить, бедным раздавать, а Бог судил по-другому, к себе призвал, да еще вас послал, чему очень рада». И тут я дала ему шерстяные носки, которые сама связала.

Приехала я в Караганду в 1952 г., а 13 мая 1953 г. совсем переехала из Акмолинска в этот город.

И вот прошло много лет. Однажды я батюшке носки штопаные белые надеваю, а он мне и говорит: «Маруся, узнаешь носки?» Отвечаю, что это его носки. «Помнишь, при первой встрече ты дала мне их». Я так и ахнула. Знала бы, еще связала, а эти с дырками почти, как их можно носить? А он продолжает: «Деточка, они мне очень дороги, и я бы их никогда ни снимал с ног». Тогда я ему и говорю: «Батюшка, а знаете, почему Вы дорожите этими носками? Когда я пряла, читала молитву, вязала и молилась». Батюшка с улыбкой: «Вот потому я их и люблю, что они пропитаны молитвой сиротской. Носков много у меня, Вера мне говорит, надо их в печку, но я ей строго: «Эти носки мне лучше всех».

Так я была тронута словами батюшки и сохранила их в сердце своем, как драгоценное сокровище на всю жизнь. О. Севастиан рассказал тогда, что после кончины старца Иосифа его послали к старцу Нектарию. Тот научал его всем правилам монашеской жизни. Будучи еще иноком, батюшка сердечно привязался к нему, понял высокую мудрость старца, и когда преподобный почил, хоронил его.

Вспоминаю и такой случай. Приходит как-то дорогой наш отче к матушке Агнии и с ним матушка Анастасия и кое-кто из девчат. Батюшка спрашивает,

у кого есть поминание, я подаю ему свое поминание. Его родители в первом ряду: Василий, Матрона, схимонах Рафаил и дальше. Смотрю, читает, а у меня много было написано, долго читал, потом спрашивает: «Маруся, а как звали твоих родителей?» А матушка Анастасия отвечает за меня: «Батюшка, да ведь она совсем ничего не знает за родителей». Тогда о. Севастиан и говорит: «А я отца твоего поминаю Петром». Тут я спохватилась: «Батюшка, а как маменьку звали?» А он: «Придет время – узнаешь». Я говорю ему, что в метрике, когда нам надо было получать паспорт, имя Василий записали, а мать прочерком. Женщина, которая писала метрику, предлагала мне написать Пет-ровна, но я захотела Васильевна. Потому что в детдоме у нас дразнили: «Петровна – поехала по бревнам».

И вот однажды прихожу из церкви. Это было вечером. Захотелось мне вдруг прочитать Евангелие от Луки, и я прочла все главы. И друг увидела вокруг себя множество страшных бесов и отчетливо услышала голос: «Мария, помолись за отца Петра и мать Аленку». Когда пришла в себя, начала рассуждать, что за имя такое, Аленка?

Едва дождалась рассвета и в пять утра скорей пошла в храм. Там застала м. Анастасию с батюшкиной племянницей Марией. Я им сразу стала рассказывать про свое видение и за Аленку. Матушка сказала, что Аленка – это Елена.

Думаю, по молитвам батюшки и наших матушек: м. Анастасии, м. Агнии, м. Евпраксии, которые все были оптинские да шамординские, Бог дал мне потом во сне увидеть свих родителей.

Помню, снилось, что у нас вроде в доме были нары, и я что-то делала. Вдруг рядом со мной появилась какая-то тетя. Такая хорошенькая, нарядная и одета не по-нашему, как в старое время одевались. Я ей говорю: «Почему вы ко мне ютитесь?» А она мне отвечает: «Ведь я твоя мать». Я так и ахнула, и давай у нее спрашивать, что и почему, и ей сказала, что крестилась в 17 лет, когда выпустили из училища. Она мне отвечала на мои вопросы, но ее ответов нисколько не помню. Проснулась, и все забылось.

А потом Бог дал и отца во сне увидеть. Он тоже был нарядно одет. В костюме и белой рубашке с бантиком. Сказал: «Доченька, всему верь». Я спросила, кто он такой. А он мне: «Ты ведь меня поминаешь». И я сразу поняла, что это мой отец. Видно, мои родители тоже пострадали в лагерях и в тюрьмах.

А однажды мне приснился оптинский старец Амвросий, который меня благословил. Стою я будто в храме, народу очень много, а священников еще больше, и мимо меня идет о. Амвросий. Я с удивлением восклицаю: «Ой, вроде батюшка Амвросий». А он и говорит: «Я самый есть». Тогда я к нему: «Благословите»... «Благословлю»... И благословил. Мне даже казалось, что это был не сон, а как наяву. Вот так, наверное, с благословения старца Амвросия Бог и прислал меня, грешную, поближе к Оптине. Живу в городе Козельске, рядом с благословенной пустыней. Вот ведь как оно получается, дорогой отче Амвросий благословил сюда за сколько лет, и разве я думала обосноваться

осесть в этих краях?

Так Господь меня утешил.

Как-то в подарок дорогому батюшке я написала образ Иисуса Христа. За Спасителем на втором плане изобразила крест. Батюшка спросил, почему я крест так написала? Я ответила, что в 1952 году видела такую икону Спасителя, тогда я еще не знала, что это Спаситель, но в памяти запечатлелся этот образ, и потому решила его написать. Наш дорогой отче даже прослезился...

В это время так случилось, что приехал к нам на приход какой-то священник из Верхотурья. Едва увидел батюшку, сразу бух в ноги к нему и стал благодарить. Я хотела уйти, но батюшка задержал меня. Священник рассказал, что власти на его приход наложили большой налог, который оплатить он был не в состоянии. И тут вдруг из Караганды присылают точно такую же сумму денег, какая требовалась. Он недоумевал, как, откуда такая милость, а то ведь храм уже хотели закрыть. Этот священник никогда не был в Караганде и совершенно не знал о Севастиана, и так сердечно благодарил нашего батюшку. И тут вдруг напоследок наш отче подарил этому священнику моего Спасителя. Как он обрадовался! С удивлением и восторгом проговорил: «Вот такого мне Спасителя и надо было!» Видно, он не только раньше видел, но и хорошо знал этот образ. Икона называется «Бодрствуйте».

Бывало, служит батюшка в храме, и такая тишина! Проповедь он читал по книжке, и так было трогательно его слушать. Он всегда внушал всем:

«Любите друг друга, и Бог вас полюбит». Помню, служба заканчивалась и подходили к кресту. Я взглянула на батюшку и вдруг увидела вокруг его головы свечение, как на иконах. Вот чудо-то было...

Однажды я вместе с тетей Настей, женщиной с нашего прихода, пошла в п. Долинку собирать малину. Там наш батюшка отбывал срок, почти десять лет. А затем была еще и ссылка. Мы ходили возле опустевших брошенных казарм, вспоминали, сколько горя пережили люди, как издевались над заключенными, и плакали навзрыд. Тетя Настя мне рассказала, как батюшка охранял здесь сад, и что в нем росло. Уголовники приходили, рвали что хотели, но батюшку не трогали, уважали его. Говорили, что этот дедушка очень хороший. Тетя Настя показала дерево, где батюшка молился и вырезал на нем крест. Мы с ней прикладывались к этому дереву с крестом. А когда я принесла малину батюшке, до чего же он дорогой отче кушал с удовольствием. Я даже сорвала несколько веточек с ягодами вместе.

Потом я узнала, что батюшку хотели однажды убить, и ужаснулась. В него стрелял охранник, но батюшка нисколько не пострадал. Охранник пошел и доложил об этом своему начальнику. Тот вызвал батюшку и спросил: «Фомин, какой сегодня день?» «Пасха» – ответил батюшка. Тогда начальник сказал: «Значит, будешь жить». И оставили его после этого случая в покое.

Другой наш прихожанин, бывший заключенный Карлага Борис Иванович, тоже рассказывал, как его неоднократно пытались расстрелять. Загонят, говорит, в подвал партию заключенных и начинают

поочередно расстреливать. А он читал в это время «Живый в помощи». Как до него доходят, вдруг кончаются патроны, нечем убить. И так случалось трижды. Тогда на четвертый раз подошел к нему начальник и с удивлением спросил: «Ты, Павлов, жив до сих пор?» «Как видите», – ответил Борис Иванович. «Ну, тогда живи, видно, сам Бог тебя хранил». Борис Иванович недавно скончался, Царство ему Небесное. Шил сапоги батюшке Севастиану и мне, грешной, сшил.

Случалось, батюшка на мелькомбинат приедет (для нас, работавших там, это была большая радость), идет в рясе с палочкой, в шляпе, а чечены уже всем передают, что русский мулла пришел, и им было за счастье встретиться с ним. Бывало, встанут в ряд, шапки снимут и низко кланяются, и батюшка им так же кланяется, и как было трогательно смотреть на эту сцену. Они обращались к батюшке с разными вопросами, спрашивали, как поступать в тех или других случаях. Батюшка охотно с ними беседовал, давал советы, утешал их тем, что скоро они поедут на свою родину.

Работала я тогда на мелькомбинате транспортерщицей, и грузчики все были чечены. Помню, их начальник стал на них почему-то сильно кричать, и матом... Это был здоровенный верзила. Я не вытерпела, остановила транспортер, подошла к нему и говорю: «Вы кто, мужчина или зверь, скажите, у вас есть родная мать или нет? Почему ее так ругаете?» Говорю, а сама Матерь Божию мысленно призываю. К этому времени на ленте скопилось уже много мешков, и наверху стали выкрикивать, что

случилось. Начальник тот так опешил, сразу замолчал и ничего мне не ответил. Все этому очень удивились, потому что он был очень крутого нрава. Когда я снова включила транспортер, начальник как бы опомнился, побежал в диспетчерскую и стал расспрашивать, что за девушка у вас работает, как она меня, однако, устрасила, и сам был весь бледный. Об этом мне потом сами чечены рассказали. Они, как только заработал транспортер, сразу ко мне все подбежали и давай благодарить. Потом еще они мне говорили, что я его как в проруби искупала или паром ошпарила, не стал матом ругаться.

Об этом случае я подробно рассказала батюшке. Выслушав меня, он сказал, чтобы я никого не боялась, смело, если нужно, обличала. Так, мол, Богу угодно. Если нужно кому помочь, хоть чечену или казаху, или другой нации, чтобы никому не отказывала. Попросит кто рубль, дай, невзирая на лица. За всех страдал Бог одинаково.

Сидим как-то раз за столом, батюшка лицо свое руками закрыл, пальцы растопырил и через них смотрел на нас всех. Меня стал разбирать смех, и я начала отворачиваться в сторону, чтобы не навлечь внимание. Потом батюшка проговорил: «Вот я вижу вас всех насквозь, как в зеркале. Вы вот смотрите в зеркало и тут же свое лицо забыли, а я всех вас вижу насквозь и все помню». И затем добавил: «Видите, как вам со мной хорошо, вместе за столом сидим, вкушаем пищу. А я ни разу с батюшкой Нектарием не сидел за столом, чтобы попить вместе чаю, излить ему душу, а вы всегда со мной, и кто что хочет, то и

говорит. А мы в Оптине стеснялись лишнее слово сказать старцу. Вот, Мария, когда я научу тебя вести себя как следует? Ведь пойми, кто ты: называешься «дева», а дева должна быть скромной, тихой...» И много еще такого говорил батюшка. И потом заключил: «Проси Бога так: «Дай, Господи, смирение». А я тут же спрашиваю: «А что такое смирение?» Тогда он стал перечислять все добродетели. Я снова спросила: «Батюшка, вот страх, у меня нет ни в чем страха». «Да и страха проси у Бога». Тут я при всех рассказала, как видела недавно во сне котлы со смолой в ряд стоят, а в них люди кипят. И как бесы бегали, сновали, человечиков вынимали и колотили головешками. Потом появился змей громадный до самого неба и сильно рычал, и от него жутко смердело, и это зловонье даже на меня нашло. Батюшка объяснил, что враг к себе душу тянет, а Бог хочет себе, вот врагу и тошно, что Бог человека принимает. Враг и наводит на меня ужасы.

Однажды батюшка собирался служить в храме и стал спрашивать: «Где Стаканчик?». Помогавшая ему по службе Зоя ответила, что стакана нет, есть бокал. «Да нет, мне Марию Стаканчика надо, – возразил батюшка, – читать шестопсалмие». Утром, когда я пришла в храм и взяла благословение, заметила, что батюшка как-то странно улыбается. Я спросила, почему он смеется. А он: «Да вот хотел шестопсалмие тебя читать заставить, а Зоя мне подает бокал, я сказал: «Стаканчик», а она не поняла меня и дает бокал...» И тут заходит Зоя. «Вот спроси ее. Правда, Зоя?»

Батюшка тогда еще служил один, и ему трудно

было со всем управляться, очень много было треб. Когда я была свободна, помогала ему на отпевании, крещении, венчании и т. д. Иногда брала у него благословение и помогала еще убираться в церкви матушке Александре, которая этим занималась постоянно. Это была очень хорошая, простая, добрая матушка. Ростом высокая, статная, видать, в молодости была красавицей. А какой у нее был тенор!.. Апостол читала – заслушаешься. Недавно померла. Упокой, Господи, душу рабы Твоея, монахини Александры.

Бывало, все подделаем, сядем отдыхать, вот и начнет она рассказывать, как они жили в монастыре где-то в Тамбове, и с ней еще матушки Агния и Паша, и как их потом разогнали. Они батюшке Севастиану помогали, когда его посадили в тюрьму, а потом отправили в лагерь. Тогда они тоже шли по этапу пешком. Заключение заставляли собирать шишки и какие-то листья, и эти матушки все это делали вместе с батюшкой и облегчали ему труд. Опекали они батюшку и в Карагандинском лагере.

Иду как-то в храм, да так разболелась спина, что согнулась от боли, как самая древняя старушка, но кое-как все-таки дошла. В притворе стоял сундук, я на него села и поняла, что не могу даже сдвинуться с места. И тут заходит наш дорогой батюшка, садится рядом и ласково говорит: «А, Мариюшка пришла». Я отвечаю, что еле-еле дошла. Тут он слегка провел своими руками по моей спине, и я сразу выпрямилась. От неожиданности я даже воскликнула: «Ой, батюшка, мне стало легче». «Ну, вот и хорошо, благодари Бога, ишь насело их сколько...»

Вот так батюшка исцелил меня одним легким прикосновением.

Тут я вспомнила и про проделки нашего юродивого Андрюшки. Случай такой был на моих глазах. Женщина из магазина вышла, откуда ни возьмись на нее Андрюша, да с палкой, ну и давай лупить. Та в крик. Я подскочила к Андрюше: зачем, такой разэтакий, бьешь женщину, а он мне и говорит: «Да вон, видишь, сколько их насело на бабу, вот я их бью, а не ее».

Однажды приходят в сторожку женщина и мужчина, по виду интеллигентные высокие люди, и спрашивают: «Здесь находится поп, которого зовут Севастиан?» Ну, конечно, мы насторожились: хоть бы сказали «батюшка», а то «поп», и они настаивали позвать... Оказалось, в это же самое время сам батюшка сказал своей келейнице Вере, что до него пришли люди, муж и жена, пусть идут к нему. А они, как потом выяснилось, из Сортировки приехали. Это достаточно недалеко от Караганды. Супруги рассказали, как они были во сне на том свете, и наш батюшка из своего сада дал им по яблоку, а когда проснулись, то в руках у обоих, действительно, оказалось по яблоку. Вот они и привезли к батюшке эти райские плоды. Батюшка яблоки разрезал по кусочкам, и кто был в сторожке получил кусочек из райского сада. Маленькую дольку довелось и мне, грешной, вкусить. Вот такие у нас были чудеса. Потом эти люди стали усердные до храма. Бывало, приедешь, а они уже в храме находятся, из Сортировки приехали.

Вспоминаю то время, когда я по благословению батюшки приехала из Акмолинска со всеми вещами в Михайловку, чтобы жить в общине при церкви. Вера-келейница тогда на меня набросилась буквально с шипением: зачем, мол, сюда прибыла, жила бы там. Я ей ответила также грубо и в свое оправдание сказала, что буду работать и ходить в церковь к Богу. И тут неожиданно подошел батюшка и сразу ко мне: «А, радость моя приехала, слава Богу». Он косо посмотрел на Веру, та насупилась, но ничего не сказала. Потом батюшка дал мне деньги, и я купила кровать и теплое одеяло, но не все израсходовала. Вскоре он подозвал меня и строго спросил, как с деньгами поступила. Я в таком же строгом тоне ему ответила: рассказала о своих покупках и вернула оставшиеся деньги, сказав, что буду работать. Тогда он ласково заговорил со мной, назвал «друг мой» и как при первой нашей встрече опять посоветовал учиться. Душа моя ликовала, но про учебу я и слышать не хотела и сразу, как и в прошлый раз, наотрез отказалась. Потом вмешалась м. Анастасия, что не надо мне так с ходу, а то и спроса никакого нет, сказала батюшке, чтобы благословил, на что учиться...

Будучи еще в детдоме, я просила Бога научить меня рисовать. Была война, и я рисовала военных. Потом делала стенгазеты. Про иконы тогда еще не знала.

Однажды батюшка меня вызвал, когда к нему приехал иерей Константин, будущий владыка Питирим. Помню, он с удивлением на меня смотрел и улыбался. Я взглянула на него и в шутку мимикой

передразнила. Батюшка заметил это и сказал, что она ведь круглая сирота, воспитывалась в детском доме. И потом стал говорить, вот будет писать иконы, будем любоваться. Я так и заерзала, когда батюшка обратился ко мне и сказал: «Бог благословляет писать иконы, и как будешь писать!» Мать Анастасия, которая в это время стояла около батюшки, добавила: «Да какие будут иконы, душа будет радоваться». Все это я слушала с удивлением и думала: «Бог, правду ли они говорят, что-то радостно, но как оно будет...»

М. Анастасия иногда пророчествовала, говорила: «Дивеев монастырь откроют, какое будет торжество, вот счастливые будут люди, кто будет там. И еще откроют обители...»

Вскоре батюшка взял меня, м. Анастасию и келейницу-Веру, и мы на машине поехали к м. Агнии, которая хорошо знала иконопись и сама писала иконы. Только переступили порог, как м. Агния обратилась ко мне, зачем я пришла. Тут батюшка стал говорить за меня, чтобы м. Агния учила меня иконописи. Матушка буквально взмолилась: нет, не надо, она такая бестолковая, с нее не будет толку и прочее. Долго они препирались, но батюшка настаивал на своем: «Возьми Марию, ведь так Бог велит». В это время я сказала тихонько Вере: «Помнишь, как ты меня первая в штыки встретила, когда я приехала из Акмолинска. Ты быстро остыла, а у матушки Агнии я буду висеть на распятии». Мои слова услышала и м. Анастасия и подтвердила про распятие.

Восемь лет я прожила у м. Агнии. Она была строгая и требовательная. У нее я прошла хорошую школу послушания и смирения, но иконы все-таки научил меня писать Бог.

В 1956 году приехала из Акмолинска в Караганду моя знакомая Александра Ивановна и нашла меня через паспортный стол. Я даже удивилась, что такая старая – 84 года, а шустрая и быстро меня разыскала. Как потом оказалось, чтобы душу мою сгубить, но Господь не допустил ей меня совратить. Когда эта Александра Ивановна вошла к нам в дом, мы собирались уже идти в храм, пошла и она с нами. Около храма встретили батюшку, который тоже шел на богослужение. Он стал нас поочередно благословлять. Когда до нее очередь дошла, батюшка даже вздрогнул и громко и резко сказал: «А это откуда «преподобная» явилась»? Она еле слышно ответила, что из Акмолинска. Он сразу от нее отошел и не стал больше никого благословлять.

Мы с матушками растерялись и остались стоять у церковного порога. Я даже не заметила, как снова уже в облачении подошел к нам батюшка и обратился ко мне: «Мария, твоя знакомая ушла?» Я ответила, что она здесь. Батюшка снова: «Нет, она ушла. Скорей беги, она уже возле школы». «Тогда благословите»... И я побежала, и правда догнала ее возле школы. Окликнула, и она встала как вкопанная. Говорю: «Что с вами? Возле меня стояли и скорей бежать, почему?» Она ответила, что не могу там находиться, он меня в самое сердце пронизывает, и как ты узнала, что я ушла? «Сам батюшка сказал, что

вы ушли, и велел вас вернуть, пойдете».

Мы снова остановились у порога и так достояли до конца службы. Вышел батюшка и опять не стал никого благословлять. А к ней с ходу: «Опомнитесь, кто Вас воспитывал? Где Вы воспитывались? И как Вас воспитывали?» И сразу ушел.

Я ей тогда говорю: «Это что же, вы уже с батюшкой успели побеседовать?» А она мне: «Это ты про меня ему рассказала?» Я в ответ: «Никогда и ничего я про вас батюшке не говорила».

Она постепенно пришла в себя и с удивлением проговорила: «Да как же он узнал мою жизнь?..» А она девочкой-сироткой воспитывалась в монастыре, а потом, как выяснилось позже, ушла к баптистам. Но об этом я еще не знала. В тот день я не работала, и бабуля очень вежливо предложила мне пойти с ней в старый город к ее знакомым. Как оказалось, мы пришли в секту. Что я пережила в те минуты, трудно пересказать. На прощанье я уже заговорила с ней прямо и резко: «Что же ты, карга старая, невразумилась от батюшкиных слов и меня в яму потянула. Что я теперь ему скажу? Ведь пойми: Бога распинаем вторично, Матерь Божию, и ангела-хранителя, и всех святых». Помню, говорю, а сама плачу, а она идет, молчит, как воды в рот набрала. Я тогда напоследок: «Как приехала, так и уезжай, не пойду провожать».

Вернулась я в церковь и под благословение к батюшке, а он резко отвернулся от меня и ушел, не стал благословлять, и так всю неделю. В субботу я уже не выдержала, батюшку за рукав схватила и спросила, почему он меня не благословляет. Тогда

дорогой отче мне очень сурово: «Еще и спрашивает, почему не благословляю, и не буду тебя благословлять». Я ему: «Батюшка, а какое я сделала преступление?..» «Какое она сделала преступление, да еще какое...» Я снова: «Дорогой мой отче, прошу прощения, не помню, чем я могла Бога прогневить, вот если только то, что транспортер забуксовал и из мотора дым пошел. Пока к нему добежала, чтобы выключить, читала «Да воскреснет Бог и расточатся врази его». В этот момент батюшка посмотрел на меня очень внимательно и уже более мягко спросил: «На той неделе в старом городе была?» Я так и вскрикнула: «Была, была батюшка!» «Ну вот, – уже тихим голосом он добавил, – моли Бога, чтобы простил тебя».

Пришла как-то молодая пара венчаться, и батюшка по обыкновению спросил, носят ли они крестик на шее. Молодой человек ответил, что он не хочет надевать крестик. Тогда батюшка сказал: «Я вас так венчать не буду» и отошел от них. Молодой человек в это время посмотрел на икону Спасителя около алтаря и буквально остолбенел. Спаситель вдруг ожил, вышел из иконной рамки и направился прямо к нему. «Это почему ты не хочешь надеть на шею крест? Я за вас пострадал, взял ваши грехи на себя, а ты не хочешь надевать крест?..» – внушительно произнес оживший образ. Молодой человек в ужасе весь затрясся, пот градом прокатился по его лицу, волосы поднялись дыбом и он упал на колени. «Господи, прости, я надену крест и никогда в жизни не сниму, буду носить крест, прости!» Невеста стояла рядом, ничего не видела и не понимала, что

происходит с ее женихом.

После венчания молодой человек рассказал батюшке о своем видении.

Видно, такое чудо произошло по молитвам о Севастиана.

А вот еще случай. Одно время я работала в больнице. Батюшка говаривал, что это доброе дело, за людьми ходить, и благословлял такой труд. Пришла я как-то на смену в ночь, сделала, что мне полагалось сделать, и решила посмотреть больных в отдельных палатах. Зашла в третью и вижу: больной, нерусский, чуть дышит и весь мокрый лежит. Говорю ему: «Ты что, такой молодой, умирать собрался?» «Да, – говорит, – умираю». Я его стала успокаивать. «Не умрешь, сейчас приду и полечу тебя». У сестры-хозяйки взяла я простынь, две рубахи и снова подошла к этому больному. Сняла кое-как с него мокрую рубаху, вытерла тело сухим полотенцем, надела свежую рубаху, простынь мокрую убрала, свежую постелила. И все, что нужно, постирала и посушила. И так до утра пришлось мне с ним заниматься. Когда утром пришла смена, я сказала сменщице присмотреть особо за пациентом в третьей палате. Та возразила, что это дело врача и сестры, а не нянечек. А тот больной весь этот наш разговор, оказалось, услышал и удивился, какая разница между нами.

Направилась я домой и вдруг мне показалось, что кто-то идет следом за мной. Оглянулась – солдат, очень похожий на того моего больного. Когда он меня догнал, на всякий случай спросила: «Вы – кто? Вчерашний больной или я обозналась?» «Да, это я,

служу в Саране, наш там полк стоит, мне плохо было, меня положили в вашу больницу, а наша армейская на ремонте. Ты, нянечка, меня от смерти спасла, я тебя возьму замуж». Я сразу ему резко: «Ты что – сдурел, белены объелся?..» Он: «Нет, не сдурел, я родителям телеграмму дам, за тебя, нянечка, напишу, что от смерти меня спасла». Тогда я уже более спокойно: «Нет, солдат, я к Богу иду и никаких ваших «замуж» не признаю». И так дошли до церкви.

В притворе матушки начали меня расспрашивать, и я им рассказала, какое приключилось искушение. А солдат все продолжал говорить всем, что я его от смерти спасла. И тут появился наш батюшка о. Севастиан. Я сразу обратилась к нему: мол, так и так, вот такое искушение. А солдатик вслед за мной: «Батюшка, я не искушение. Я умирал, лежал в больнице, а она меня спасла, я ее беру замуж». Тогда наш дорогой отче и говорит ему: «Сынок, ты меня послушай, что я тебе скажу». Солдат: «Вас я, батюшка, во всем послушаю». И у него вдруг сделалось такое умиленное лицо, как будто это уже другой человек. Батюшка предложил сделать так: «Вот я войду сейчас в алтарь и попрошу Бога о тебе. Что мне Бог откроет, приду и расскажу тебе, согласен?» «Да, – подтвердил солдат, – согласен». Батюшка вошел в алтарь, и не прошло и десяти минут, как вернулся обратно, и сразу к солдату: «Вот, что, сынок, – и назвал его по имени (а он ему имя не говорил), – тебя скоро домой отпустят, так угодно Богу. Ты помнишь, в первом классе сидел за партией с девочкой, зовут ее так-то?..» Солдат с удивлением подтвердил, что да, есть такая. «Вот она

тебя очень любит и ждет, бери ее, и будешь счастлив с ней, а ее оставь...» И батюшка указал на меня: «Она к Богу должна стремиться...»

После этих слов мой солдатик смиренно взял у батюшки благословение и поехал в свою часть.

Припоминаю и такой случай. Было это в 1966 г. Кажется, еще при жизни батюшки. Пришла к матушке Агнии продавщица местного магазина в обеденный перерыв и потом еще одна женщина и стали рассказывать про солдата в шинели с изображением Матери Божией, плачущей. Этот солдат с ними беседовал и поведал такую историю. Служил он в Карпатах. И вот однажды находившиеся в его части услышали, что где-то далеко в горах кто-то громко плачет. Это был женский душераздирающий плач. Слышали его и днем и ночью. Продолжалось так довольно долго. Потом, видно, командиру все это надоело. Однажды он обратился к своим подчиненным и сказал: «Ребята, кто из вас пойдет в горы и узнает, почему так горько плачет женщина? Просто жутко слушать». Этот солдат и согласился идти. Долго он блуждал по лесу, пока, наконец, не отыскал плачущую женщину. Ближе подходить он к ней не решился, остановился неподалеку от нее. И вдруг он услышал голос: «Подойди поближе». И женщина назвала его по имени. Это его очень удивило. Собравшись с духом, он спросил, почему она так сильно плачет. Она сквозь слезы и рыдания проговорила: «Как же мне не плакать, вы, молодежь, все погибаете. Господь грядет судить, а вы не каетесь». И опять послышался ее горький громкий плач. Солдат в страхе и трепете

снова спросил: «Так что же нам делать?» «А вот что, — ответила женщина, — тебя Бог послал, а не командир. Дадут тебе на два месяца отпуск, домой не езд, а по всем городам, и говори, чтобы молодежь каялась во грехах своих, ибо ждет их огонь адский страшный, мучительный, а мне вас жалко. Я молю Бога о помиловании, потому и плачу горько». Солдат возразил: «Матушка, а как мне поверят?» Она попросила солдата подойти поближе и утерлась его шинелью. На ней образовался плачущий лик Матери Божией. Когда солдат с удивлением начал рассматривать свою шинель с чудесным ликом, никого рядом с ним не стало. Он поклонился тому месту, где сидела Матерь Божия, и вернулся в часть.

А солдаты с нетерпением ждали его возвращения. Как только увидели, сразу побежали к нему навстречу, и он им все рассказал, что с ним произошло. Потом попытались ножичком отскабливать лик Матери Божией, но ничего не помогло. Образ стал смотреться еще яснее. Тогда командир приказал выдать этому солдату другую шинель, а с изображением, чтобы он оставил у себя дома. За отвагу командир дал ему два месяца отпуска. Этот солдат потом в шинели с изображением Богородицы объехал немало городов...*

* Данный эпизод нуждается в уточнении подлинности исторических обстоятельств (прим. авт.).

Очерки по истории Русской Православной Церкви в Караганде (1824–1917 гг.)

Мелкосопочник, степь, местами совсем немного горы с хвойными, иногда лиственными лесами, – оазисы утомленному оку то ли сибирской, алтайской, то ли южно-казахстанской экзотики – таков почти весь Центральный Казахстан, такой он и в пределах Карагандинской области.

В Каркаралинских горах, обрамленных темной сосновой хвоей и бело-золотыми ручьями берез, в 1827 г. на базе укрепления, возникшего тремя годами ранее, образовалась казачья станица Каркаралинская.

Первоначально сюда прибыли посланцы казачества. Вместе с баянаульскими казаками они были зачислены в состав 7-го Сибирского казачьего полка. По свидетельству путешественника Карла Мейлера, посетившего Каркаралинск в 1826 г., «17 казачьих семей решили быть жителями колонии и уже частично сюда переселились. Для строительства домов получили безвозмездно материалы и рабочую силу. Уже составлен план новой казармы, церкви, госпиталя, магазина, конюшни...»

Однако долгое время в Каркаралинске не было церкви. Священник пребывал сюда раз в год из Семипалатинска или Ямышево за 400 вёрст. Это было очень неудобно. Молодые люди, желающие вступить в брак, обращались к командиру отряда за

разрешением жить вместе, давали ему расписку. Иногда им приходилось по несколько месяцев ждать приезда духовного лица, который повенчал бы их.

Так продолжалось до 1852 г., когда в Каркаралах был открыт самостоятельный приход и постоянно стали проживать священник, дьякон и пономарь. Первая же часовня была построена еще в начале сороковых годов (1844 г.). Она имела небольшой пудовый колокол, имелись также Святое Евангелие, крест, несколько медных подсвечников, лампы и паникадило. Горнозаводчик С. И. Попов пожертвовал несколько икон и двухпудовый колокол. Звон колокола означал и сбор на молитву, и военную тревогу, и общественное бедствие – пожар или «групповую смерть». Каркаралинская часовня носила имена святых апостолов Петра и Павла. До 1854 г. она была единственным церковным сооружением на поселении.

С 1830 г. ходатайствовали казаки об открытии у них самостоятельного прихода, но такой возможности долгое время не представлялось.

Здесь надо заметить, что знакомство с историей Церкви – особенно характерно это для советского периода – это прежде всего знакомство с историей храма. Будучи сами храмами Божьими, мы греховной жизнью оскверняем свой храм телесный, и только святыня рукотворного храма, незыблемого в почивающей на нём благодати, остается надежным прибежищем жаждущих света душ. Поэтому, наверное, церковная жизнь только и начинается для мирян с воздвижением этой бани духовной и трапезы словесной, этого места снисхождения Божия.

В 1854 г. колыванский купец В. Т. Кузнецов пожертвовал деньги на строительство храма. 10 октября 1854 г. состоялось освящение деревянной церкви во имя Святого благоверного князя Владимира. Христороубец купец за богоугодное дело был награжден орденом по указу самого государя императора. 8 января 1864 г. строение сгорело от неправильной постройки печей. Стараниями богатых прихожан Поповых, Рязанцевых, Червевых и др. был выстроен новый храм и 28 января 1865 г. освящен.

Иерей Н. Г. Никольский в своей заметке в «Семипалатинских ведомостях» (1871 г.) пишет: «Что касается до нравственности паствы каркаралинской, то, несмотря на первоначальную незавидную ее обстановку в религиозном отношении и непродолжительность ещё пребывания священника в Каркаралах, можно сказать, что с явлением богослужения нравственность ее является довольно чистою, свободною от диких предрассудков».

В начале XX в. Каркаралы посетил Омский владыка. Случилось это по следующему поводу. Некий Егор Ильич по недоразумению принял в лесу детей, игравших в индейцев, за сборище демонов и обратился к преосвященнейшему с посланием, содержание которого сводилось к просьбе о помощи, может быть, вполне обоснованной, во всяком случае искренней: «Нас, каркаралинцев, черти одолели. Здесь есть Чёртово озеро, так их там видимо-невидимо, уладить бы это дело...» Повод-поводом, но причиной последующих действий церковных властей явилась действительно худая слава этого озера.

14 июня 1905 г. из станицы Каркаралинская (тогда уже города) отправился целый обоз: повозки, груженные священными предметами (иконы, аналой, облачение, утварь, крест поклонный и проч.), верхом владыка Владимир со своим клиром и из местного духовенства иерей Геннадий Иванов и диакон Владимир Преображенский.

Преосвященнейший у озера облачился в малое облачение, отслужил торжественный молебен с водосвятием, окропил множество сопровождавших обоз богомольцев и переименовал освященное им озеро. Во время молебна неожиданно налетел ветер, закружились листья, закричала кукушка. Всё было очень таинственно. На скале, полукругом, как чашей, скрывающий озеро от невнимательных и случайных взглядов, был водружен крест с таблицей: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Благодати Божией освященное озеро сие и наречено бысть “Святое”».

После революции крест исчез неизвестно куда, осталась только выемка на его месте. Озеро вернуло себе статус местного недоброго места, предмета суеверий, до сих пор вызывая интерес туристов. Перед Первой мировой войной на площади перед уездным правлением Каркаралинска решили возвести новую кирпичную церковь. Именитые купцы братья Рязанцевы пожертвовали большие средства. Церковь не была достроена, разобрана в 1934-1935 гг., кирпич пошёл на постройку школы.

Несколько позже стали открываться приходы в других населенных пунктах близ Каркаралинска. В 1859 г. освящена церковь на Беркарлинском руднике во имя Святого Апостола и Евангелиста Иоанна

Богослова. Средства выделили владельцы рудника, потомственные "почетные граждане Российской империи" Александр и Николай Поповы. Деревянная церковь в 1879 г. построена на Куяндинско-Ботовской степной торговой ярмарке на пожертвования торговцев и купца Дерова из Павлодара. В те времена давать деньги на церковь было так же нормально, как давать деньги не имеющим средств родителям. Духовное родство с Матерью-Церковью признавалось и жизненно переживалось всем православным людом.

На Спасском заводе действовала церковь во имя Святого благоверного великого князя Александра Невского. О ней некто П. Рыжов пишет в 1906 г. в омской газете «Степь»: «Кроме церкви на заводе нет ни одного чем-нибудь выдающегося здания». Ф. С. Тупицын, много лет живший на Спасском заводе, вспоминает: «Церковь была кирпичная. Стояла выше всех по склону к теперешней автотрассе. Недалеко от церкви стояли две игрушечных пушечки. Из них стреляли в Христов день на Пасху и другие праздники. От церкви шла улица, где жил священник и другие служители. Священник же преподавал в школе славянское чтение и Закон Божий. По штату полагались: священник, псаломщик. Английское «Акционерное общество спасских медных руд» содержало их за свой счёт. Батюшка получал 1200 рублей в год, псаломщик – в три раза меньше.

36-й церковный округ Омской епархии включал также несколько сельских храмов и молитвенных домов. Основание в 1902 г. села Санниковского на переселенческом участке Ботакара привело к

строительству здесь молитвенного дома. Затем взялись за устройство полноценного храма. Место выбрали на взгорке. Спроектировали в форме креста. Автор проекта неизвестен. Красный кирпич (который, кстати, не гниёт, не требует смены) и лесные материалы поставляли каркаралинские купцы Рязанцевы. Средства собирали «миром». Значительную помощь оказал владелец фабрики Рязанов.

Освящение храма произошло около 1910 г. Санниковское тогда было областным центром Акмолинской губернии. Православного населения насчитывалось 1971 человек, домов – 294, хозяйств – 440. Село разрасталась, и скоро улицу рядом с церковью назвали Церковная.

После революции зелёные маковки куполов с позолоченными крестами исчезли, но здание, ныне возвращённое людям, в стенах своих собирающее молящихся, внешне частично сохранило облик прежнего храма. В этом селе был собственный иконописец Ломакин и хороший церковный хор (акустика в церкви великолепная до сих пор), а батюшка исполнял обязанности благочинного по округу. Служащие жили в 3-х домах вокруг церкви. Главный колокол весит одну тонну, второй – 500 кг.

В селе Хорошевском действовал с 1913 г. Свято-Троицкий молитвенный дом (в церковный совет входили обычно зажиточные крестьяне-переселенцы, на средства которых поддерживалось благолепие храмов и молитвенных домов). В Хорошевском молитвенном доме размещалось до 150 человек. Было 2 колокола, иконы, утварь.

Были церковные здания – в основном молитвенные дома – в селах Миньковка, Сенокосное, Киевка (Свято-Покровский приход), Большая Михайловка (Свято-Богородице-Рождественская церковь), Петровка, Ивановка, Астаховка, Дубовка, Ростовка, Захаровка (с 1912 г. здесь Иоанно-Богословская церковь), Святогорское.

К нашим скудным сведениям можно добавить имена некоторых церковнослужителей, окормлявших в те далекие годы приходы 36-го округа Омской епархии (ныне Карагандинская область). Иереи Василий Паученко, Леонид Лебедев, Николай Громадский, Владимир Рождественский, Максим Пономарёв, Хрисанф Брагинец, Михаил Красноухов, Сергей Маркин, Михаил Коваль, Феодосий Солошенко, Алексей Дивногорский, Павел Говоров, Иоанн Яновский, Дмитрий Александровский, Феодосий Патрушев, Валентин Никуличев, Николай Павский, Митрофан Сокольский, Леонид Курдиновский, Александр Зефиров, иеромонах Мельхиседек (из *журнала «Свет православия в Казахстане» № 8 (26), 1995 г.*).

Ульяновские мученики

Христианство на территории Казахстана имеет глубокие корни. И до сих пор ещё не обнародованная память хранит в своих недрах имена, лица, события, которые могут украсить нашу церковь.

Недалеко от Караганды на реке Жиланде стоит старое переселенческое село Ульяновское, названное при его основании Санниковским. В 1910 г. усилиями его жителей и одного каркаралинского купца в селе построили каменную церковь, которую освятили

во имя Пресвятой Троицы. Вскоре село было переименовано по его престольному празднику в Троицкое. Только не пришлось Троицкому остаться и с этим именем...

После установления советской власти бывшая окраина Омской епархии, в состав которой входил и Санниковский приход, была на какое-то время освобождена армией Колчака. С окончательным же установлением власти Советов в селе Троицком и произошло событие, о котором там помнят до сих пор.

Совсем недавно в Троицком-Ульяновском сложилась православная община. Ульяновским православным вернули старинную церковь, долгие годы служившую клубом. Когда-то кому-то клуб показался слишком тесным, и вокруг церковных стен возвели дополнительные. Затем стены храма разрушили...

В ульяновском приходе пока нет своего священника. Один раз в неделю в старинный храм приезжает благочинный Карагандинских церквей о. Михаил Патрикеев, иеромонахи Серафим и Феогност. Служат молебны, исповедуют, причащают, крестят. Удивительная акустика в старинной церкви: несколько поющих голосов множатся в большой хор. В самом своде и стенах, несмотря ни на что, осталась прежняя значительность и красота. Сейчас пристройки убирают, и открывается внешняя кирпичная кладка церковных стен, стройные проемы окон.

Однажды после молебна прихожане выразили готовность показать дом, где живет одна очень старая жительница, слышавшая о судьбе последнего свяще-

ника Ульяновской Троицкой церкви отца Михаила Лебедева. Сразу же все дела и обстоятельства ушли на второй план. Решили идти немедленно, не теряя ни минуты! Вдруг кто-то вспомнил, что к Лидии Александровне Переверзевой приехала старенькая свекровь, уроженка этого села. Вот уж кто действительно помнит всё!

Так по милости Божией, соединившей наш короткий приезд в Ульяновское с недолгим пребыванием в нём старейшей уроженки Александры Павловны Переверзевой, в девичестве Марковой, открылась Церкви судьба ульяновских мучеников. Вот что она нам рассказала:

«Священника Михаила Лебедева и псаломщика Илью Решоткина обвинили в пособничестве контрреволюционной власти. Расправа последовала без особых судебных процедур. Их вывезли на горку за селом как раз напротив церкви и зарубили. Вблизи и мученичество, и подвиг не таковы, какими они видятся нам в отдалении, казнь в ее подробностях всегда ужасна. Для большего глумления на горку их вывели абсолютно нагими. Увидев свой храм, они в последний раз сложили персты для крестного знамения, но им отрубили пальцы...

Они на горке долго лежали. Десять дней не позволяли родным забрать. Я с соседями пошла «посмотреть». Девочкой была, посмотрела и потеряла сознание. Головы у них были отрубленные, но не до конца – на коже держались. Глаза птицы выклевали. У отца Михаила детей не было, родители, помню, у него были старенькие. Они его после

похоронили на краю кладбища, а у псаломщика были жена и дочь. Что с ними стало – не помню.

У того псаломщика был дивный голос, а батюшка нас, детей, исповедовал. Бывало, табуны мальчишек и девчонок в церковь приходили, чашу полную для причастия выносили, просфор – бери сколько хочешь... Причастникам люди дорогу давали. Икон было видимо-невидимо, и паникадило висело чудное».

Затем Александра Павловна рассказала о своём отце, и мы очень скоро поняли, что Господь открыл нам ещё одного святого человека. Павел Филиппович Марков в молодости паломничал в Иерусалим, привёз оттуда картинки Святой земли (наподобие нынешних слайдов), которые дети без конца рассматривали. Привез оттуда и прочную веру, которая в последующие годы испытаний делалась только тверже. В церкви он выполнял послушание: при храме во дворе находилось помещение для тех, кто приезжал венчаться или крестить из дальних сел. Отец был там вроде сторожа. В начале двадцатых его осудили как кулака, но через несколько лет он вернулся в Троицкое. Церковь после казни отца Михаила и псаломщика закрыли, поэтому отец стал собирать православных у себя дома для чтения Священного Писания, для молитв. За веру в Бога тогда сильно преследовали. Кругом шныряли красные активисты. А он верующих вокруг себя собирал, Евангелие толковал. Донесла на него соседка. Всех арестовали, присудили разные сроки лагерей. Увозили их из села на грузовике, отец руками

показал: «десять». Больше его никогда не видели, и что с ним стало – неизвестно.

Хочется верить в то, что рано или поздно священнослужение в Троицком приходе воспримет от соборного отца Михаила Лебедева достойный священник, а на высокой горе с церковью поднимется поклонный крест в память об ульяновских новомучениках (из журнала «Свет православия в Казахстане» № 9 (18), 1994. Очерки по Истории Русской Православной Церкви в Караганде).

Дореволюционный приход Михайловской церкви

Будучи как-то в отпуске, я приехал в Караганду, и мы шли однажды втроем со службы вместе с Лидией Владимировной и еще одной нашей общей знакомой по улице Крылова (раньше она называлась Средняя). Нужно было навестить одну верующую семью в Большой Михайловке. Там были поминки по недавно скончавшемуся человеку. Когда мы проходили мимо какого-то небольшого здания, Лидия Владимировна сказала, что в этом учреждении находился раньше храм. Меня это очень поразило. Потом она дополнила, что здесь располагались в свое время и аулоправление, и радиоузел, потом была библиотека, и посоветовала мне ознакомиться с архивными материалами по истории города и выяснить, как возникла здесь церковь.

Впоследствии я действительно ознакомился с архивными материалами и окунулся в историю Караганды и, в частности, поселка Большая Михайловка. Я выяснил, что поселок начинал застраиваться

от берега здешнего озера, где была плотина и паровая мельница. Более ста лет назад в его густых камышах водилась дичь и здесь в изобилии ловилась рыба. В эти места и приехали первые поселенцы. Они были из Малороссии. Добирались до Петропавловска на поезде, а потом, перезимовав в этом городе, двигались обживать новые земли. Эти территории относились тогда к Омской губернии. Переселенческий комитет находился в уездном городе Акмолинске и выделял земли для переселенцев из Малороссии и других губерний Российской империи. Мне мысленно представлялся обоз взрослых с детьми со скарбом, переселяющихся на новое место. Сколько еще земля Карагандинская потом увидит других переселенцев, которых «доставят» сюда в «телячьих» вагонах, состав за составом, обживать эту бескрайнюю степь. Землю поначалу выкупали у баев, затем передавали в установленном порядке переселенцам. Так начиналась жизнь будущих здешних хлеборобов и шахтеров.

Мне удалось отыскать некоторые публикации относительно первого храма в Большой Михайловке. В Омских епархиальных ведомостях за 1911 г. сообщалось: "Помощник учителя Киприан Тютюнник определен псаломщиком к церкви п. Куропаткинского (Больше-Михайловского) Акмолинского уезда 26 мая сего года"... «Слушатель пастырских курсов Хрисанф Брагинец назначен священником к церкви п. Куропаткинского с 1 мая сего года» (Омские епархиальные ведомости, 1911, № 12, с. 4–5).

Поселок Большая Михайловка назывался тогда Куропаткинским.

А вот другие сведения из Омских епархиальных ведомостей разных лет. «Разъездной священник в Атбасарском уезде Василий Полетаев переведен с 1 ноября сего года на место псаломщика к церкви с. Больше-Михайловского. Псаломщик с. Больше-Михайловского Киприан Тютюнник отчислен от занимаемого места 28 октября с.г. за поступлением на Московские пастырские курсы» (Омские епархиальные ведомости, 1913, № 22, с. 8). «Священник церкви с. Больше-Михайловского Хрисанф Брагинец переведен 3 февраля сего года к церкви с. Ново-Георгиевского Акмолинского уезда. Псаломщик Василий Полетаев, согласно прошению, уволен за штат 11 февраля с.г. (Омские епархиальные ведомости», 1914, № 4, с. 9; №5, с. 13). «Псаломщик Астраханской епархии Сергей Маркин рукоположен 18 мая с.г. во священники к церкви с. Больше-Михайловского» (Омские епархиальные ведомости, 1914, № 13, с. 3). «Послушник Покровского монастыря Павел Чеповский назначен на место псаломщика в п. Больше-Михайловский 15 октября 1914 года. Псаломщик п. Больше-Михайловского Павел Чеповский переведен к церкви п. Ново-Уральского Омского уезда с 10 августа 1915 года» (Омские епархиальные ведомости, 1914, № 19, с. 4; 1915, №17, с. 12). «Псаломщик церкви станицы Медвеженской Павлодарского уезда Владимир Евсеев переведен к церкви п. Больше-Михайловского 10 августа с.г. Он же отчислен по прошению 20 августа с.г.» (Омские епархиальные ведомости, 1915,

№ 17, с. 12; № 18, с. 14). «Псаломщик молитвенного дома п. Белоярского Акмолинского уезда Фома Моргунов переведен к церкви с. Больше-Михайловского 24 октября с.г. (Омские епархиальные ведомости», 1915, № 22, с. 4).

В справочнике Омской епархии за 1914 г. упоминалось: «Село Больше-Михайловское (прежнее – Куропаткинское Акмолинской области и уезда) расположено при реке Малая Бакна, в степной, отчасти холмистой местности. Климат сухой и здоровый. От епархиального города 1000 верст, от уездного – 220 верст; от благочинного (г. Каркаралинск) – 200 верст; ближайший приход – "Спасский завод" – в 35 верстах; ближайшая железно-дорожная станция Петропавловск – 800 верст; от паровой пристани (г. Павлодар) – 600 верст. Почтовый адрес: Караганды, с. Больше-Михайловское, Акмолинского уезда. Приход сей выделился из прихода Спасского и в состав его входят: 1) с. Б-Михайловское с населением мужского пола – 564 души и ж.п. – 443 д.; 2) Дубовский (Каракуль) – м.п. – 326 д. и ж.п. – 320 д.; 3) Тихоновское (Ак-Кудук) – м.п. – 80 д. и ж.п. – 97 д. и 4) Зеленая Балка (Кизыль-Кудук) – м.п. – 56 д. и ж.п. – 53 д. Жители – исключительно переселенцы из губерний: Екатеринославской, Таврической, Донской области и отчасти Воронежской и Ставропольской. Храма в приходе нет, а богослужения совершаются в молитвенном доме. Наименование престола – неизвестно. Ризница очень бедная и богослужебных книг недостаточно. Особо чтимых икон в молитвенном доме нет. Капиталов и арендных статей при молитвенном доме не имеется.

Часовен и других молитвенных домов в приходе нет. Препятствий в сообщении между поселками прихода никаких не имеется. Раскольников и сектантов в приходе нет. В течение года бывает до 50 крещений, до 15 браков и 13 погребений. Церковно-приходского попечительства нет. В селе имеется церковно-приходская школа, в которой обучалось до 60 мальчиков и 20 девочек. Для причта отведено 99 десятин удобной пахотной земли; сенокоса нет. Плана на землю нет. Выгодами от земли причт пока никакими не пользовался, вследствие недавнего своего прибытия в сей приход. Особых домов причтовых не имеется; члены причта помещаются в общественных квартирах. Отопляют квартиры за собственный счет причта, что в течение года обходится в 100 рублей каждому в отдельности. Жалованья причту положено от казны; священнику – 600 рублей и псаломщику – 200 рублей в год. Братских доходов бывает до 400 рублей в год. Богослужения прихожанами посещаются с усердием и обряды Святой Церкви выполняются. К нуждам храма и причта прихожане отзывчивы. Пасхального хождения со святыми иконами в приходе не бывает. Летом, после посева, бывают крестные ходы по полям и там служатся молебны. В Рождество Христово, день Богоявления и в храмовые праздники прихожане посещаются причтом со Святым Крестом. Главное занятие прихожан – хлебопашество. Средний посев – 16 десятин на каждого домохозяина; сеются исключительно пшеница, овес, ячмень и просо. Скотоводство незначительно. Продукты последнего сбываются на "Спасский завод" и в

Акмолинск. Маслодельных заводов, рыболовства, ярмарок и базаров в приходе нет. Побочным занятием для прихожан служит извоз. Из торговых помещений имеется несколько «лавочек», в которых и покупаются пищевые продукты. Питьевая вода получается из колодцев; вода на вкус хорошая. За медицинской помощью население обращается в Джаур – в 40 верстах. Маршрут до епархиального города – Акмолинск, Петропавловск и Омск. Стоимость проезда вперед и обратно – 120 рублей. Приход штатный, и в нем положено быть священнику и псаломщику» (Справочная книга Омской епархии. – Омск: типография "Иртыш", 1914 г. – с. 212–213).

В детстве я ездил на велосипеде с друзьями до Спасска. Помню, поднимались на близлежащие сопки, видели гнездо орлицы с птенцами...

Я даже не мог себе представить, что до революции здесь существовала какая-либо церковная жизнь.

«Надо сказать, что с постоянным переездом уральских рабочих на предприятия Рязановых, – говорит местный краевед-исследователь Юрий Попов, – образовалась довольно многочисленная православная община. Богослужения же проводились редко, по прибытии священника из Акмолинска. В 1878 г. Виктор Аникеевич Рязанов начал строительство церкви на Спасском заводе во имя Святого благоверного князя Александра Невского. Император «соизволил дать разрешение». Возведение храма растянулось на 24 года. Только 12 ноября 1902 г. он был освящен. Священником стал Фалалей Болтов-

ский, до этого служитель Бийской Богородице-Казанской церкви. Крестьянин Нижегородской губернии Федор Рогов определен псаломщиком, а церковным старостой назначен управляющий Спасским заводом Алексей Жалобин. Членами церковно-приходского попечительства выбраны Д. В. Рязанов, О. Е. Кучковский, Ф. Н. Наумов, А. Г. Даурцев и Е. Г. Матвеев. Божье благословение преподано смотрителю Карагандинской копи Николаю Немкову за пожертвование на приходской храм 150 руб. Одно время церковным старостой состоял сам Алексей Викторович Рязанов. Священник Фалалей Болтовский 9 ноября 1905 г. переведен к Стефановской церкви Баянаульской станицы. Иностранцы хозяева затребовали священника «из окончивших курс семинарии с хорошей аттестацией». Ему полагались жалование в 1000 руб. в год, готовая квартира, отопление и освещение». (Караганда и вокруг нее. Часть 2. Юрий Попов, краевед).

Не лишним будет вспомнить начало образования Караганды. В одних из первых сборников по Караганде читаем:

Как прекрасны вы, о степи!
С бесконечным синим небом,
С островерхими горами,
Где озера ясной стали.
Где трава ковыль седая,
То раздолье, то пустыня,
То пески, то гладь, то травы...
Без конца простор без грани...

(Казахский народный эпос "Козы Корпеш и Баян-слу").

История угольного бассейна Караганды начинается с 1833 г., когда молодой пастух Аппак Бажанов, пасший скот в густо поросшей караганником степи (от слова «караганник» произошло название местности), нашел в одной из сурковых нор куски черного горючего камня. Пастбище это принадлежало баю Утепову, который в 1856 г. продал купцу Ушакову урочище Караганды-басы «...пространством десять верст в длину и десять верст в ширину, со всеми ископаемыми металлами и минералами, как в недрах земли, так и на поверхности со всяким произрастанием...» Однако с приходом русских в среднеазиатских степях стали быстро развиваться товарно-денежные отношения, кочевники начали переходить к оседлости, стало развиваться земледелие, появилась промышленность. В эти годы в урочище Нельды недалеко от Караганды были открыты залежи медной руды. Близкое соседство меди и угля позволило в 1857 г. построить здесь Спасский медеплавильный завод. Была организована компания для совместной разработки залежей медной руды и угля и создано предприятие, объединившее Успенский медный рудник (в урочище Нельды)... Уголь использовался лишь для нужд медеплавильного завода... С конца XIX – начала XX вв. к богатствам Казахстана из-за океанов и морей потянулись руки иностранных хищников-капиталистов. В 1904 г. Караганда была продана сыну французского президента Карно, который в 1907 г. перепродал ее английскому «Акционерному обществу Спасских медных руд». «Первая попытка изучения Карагандинского угольного бассейна,

сделанная А. А. Краснопольским, опубликовавшим в 1907 г. в «Известиях Геологического Комитета» статью «О характере и степени благонадежности находящихся в Акмолинской области Карагандинского и Саранского месторождений каменного угля», не привлекла должного внимания, и дело ограничилось кустарными поисковыми работами хозяйничавших здесь предпринимателей. Иностранцы не смогли вызвать к жизни скрытые сокровища Караганды. За 60 лет эксплуатации бассейна 10 частными предпринимателями было добыто немногим больше миллиона тонн угля. Сейчас такое же количество добывается одной средней шахтой Караганды за год...»

«Разработка угля в Караганде велась хищнически, самым примитивным способом. Уголь добывался обушком, откатывался санками и выдавался на-гора бадьями... Старейшие шахтеры Караганды еще до сих пор помнят и рассказывают о кошмарных условиях рабского труда... и люди десятками гибли от завалов и взрывов в шахтах... Жили они в убогих землянках и юртах вокруг шахт. Никакой медицинской помощи не было. Первая школа в Караганде была открыта лишь в 1909 г., обучалось в ней всего 45 детей...»

Школа находилась при Спасском заводе. О ней сохранились весьма скудные сведения: «Церковного приходского попечительства, церковно-приходских школ, народных библиотек и чайных в приходе нет. На заводе имеется министерская русско-киргизская школа (русск. 32 мальчика и 20 девочек и киргизских мальчиков 10 человек)» (Справочная книга Омской

епархии. Омск: типографии "Иртыш", 1914 г. – с. 186)).

В клировой ведомости Рождества Богородицкой церкви села Больше-Михайловского Акмолинского уезда Омской епархии за 1916 г., проверенной местным благочинным священником Леонидом Лебедевым, упоминается: «Церковь построена в 1914 г. тщанием прихожан с помощью казны: от Переселенческого Управления отпущено 700 рублей, а от Святейшего Синода – 1300 рублей. Зданием – саманная на каменном фундаменте, колокольни пока нет. Престолов один во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Утварию не достаточна. По штату при ней положены: священник и псаломщик. Кружечных доходов за 1916 г. получено 600 рублей. Другие источники содержания членов причта и количество поступающего от них дохода: никаких. Земли при церкви состоит: усадебной вместе с погостом церковным – 2 десятины квадратных сажень, пахотной – 15 десятин квадратных сажень, сенокосной – 5 десятин квадратных сажень, нераспахонной земли – 79 десятин квадратных сажень на расстоянии трех верст от церкви. Всего 101 десятина квадратных сажень. Качество церковной земли: солонцевато-песчаная. Средний доход, ею приносимый для причта, никакого; 15 десятин отданы бесплатно под распашку для местной церкви на два года. Дома для священно- и церковно-служителей на церковной усадебной земле построены тщанием казны. Построен только священнический дом. Под псаломщический дом выложен только каменный фундамент, за неимением средств отсрочкой отложен и

составляют собственность принадлежащие церкви еще сторожка с крестильней. Состояние домов: священнического дома – удовлетворительное. Псаломщик живет на квартире. Платит общество три рубля. Разстоянием сия церковь от Консистории – в 1000 верстах, от местного благочиннаго в селе Санниковском Акмолинского уезда – в 60 верстах, от уездного города Акмолинска – в 250 верстах, от почтового телеграфного отделения – в семи верстах; почтовый адрес церкви: Караганды, Акмолинского уезда и области, поселок Больше-Михайловский (Куропаткин тож). Ближайшие к сей церкви: Александро-Невский храм на Спасском заводе – в 35-ти верстах. Приписанных к сей церкви других часовен и церквей нет. Домов кладбищных и молитвенных к сей церкви приписанных один в поселке Дубовском. Опись церковному имуществу заведена с 1911 г., хранится в целости и проверена в 1914 г. Приходо-расходные книги о суммах свечной и церковной за шнуром и печатью Омской Консистории даны 1914 г., ведутся с 1911 г., хранятся в целости. Копии с метрических книг хранятся в целости с 1911 г. В обыскной книге, выданной в 1911 г. мая 31 дня, за шнуром и печатью – 129 писанных листов, 71 не писанных. Исповедальные росписи находятся в целости с 1911 г. Книги, до церковного круга подлежащие, не все. В церковной библиотеке находится книг для чтения предназначенных 100 томов. Церковные деньги в целости за ключем церковного старосты и печатью церковною. Неподвижной суммы состоит в кредитных учреждениях 550 рублей, а билет находится в целости. Имеющиеся

в приходе школы – две. Обе церковно-приходские в поселке Больше-Михайловском, другая – в поселке Дубовском. В Больше-Михайловской церковно-приходской школе – две учительницы и в Дубовской школе – одна учительница.

1. Больше-Михайловская церковная школа помещается в специально устроенном здании, на содержание ее отпускается от Общества на отопление, освещение и сторожа. Казны жалованья учащим – по 360 рублей в год и 10 рублей добавочных в месяц. В ней обучается 58 мальчиков и 31 девочка. Законоучитель получает жалованья 30 рублей в год.

2. Дубовская церковно-приходская школа помещается в специальном школьном здании, построенном на общественные средства. На содержание ее отпускается из казны: жалование учащему – 360 рублей в год и добавочных 10 рублей в месяц и законоучителю – 30 рублей в год. В сем году в школе обучается 47 мальчиков и 21 девочка. Общество школу отопляет, освещает и нанимает сторожа.

При церкви состоит старостой церковным шадринский мещанин Иван Николаевич Юношев, который должность свою проходит с августа месяца 1913 г. Преосвященный в последний раз посетил приход в 1916 г. 27 мая. В селе Больше-Михайловском – 148 домов, 594 душ м.п. и 509 ж.п. В поселке Дубовском – 106 домов, 421 душ м.п. и 369 ж.п., от церкви в 12 верстах. В Тихоновском – 56 домов, 225 душ м.п. и 221 душ ж.п., в 10 верстах от церкви. В поселке Зеленая Балка – 56 домов, 224 душ м.п. и 166 ж.п., в 15 верстах от храма. В

Компанейском 13 домов 52 души м.п. и 45 ж.п. в 20 верстах от церкви. Итого в приходе 1310 душ, в основном крестьяне. В пределах прихода имеют жительство лютеран – 9 домов, 36 душ м.п. и 24 ж.п. и католиков – 15 дворов, 60 м.п. и 46 ж.п.».

Клирики в Михайловке до революции и в начальный советский период

В клировой ведомости Рождества Богородицкой церкви села Больше-Михайловского имеются данные о клириках.

«Псаломщик Фома Васильевич Маргунов, 24 года. Содержание получает от казны 200 рублей, кружечных доходов 150 рублей в год. Всего 350 рублей. Имения никакого не имеет. Окончил полный курс военно-ремесленной школы в станице Урюпинской, Хоперского округа, Донской области 22 июня 1912 г. При испытательной комиссии в Акмолинске Акмолинской области выдержал экзамен на звание псаломщика 6 июня 1913 г. Резолюцией Его Преосвященства, Преосвященнейшего Мефодия, епископа Петропавловского назначен исполняющим должность псаломщика Киевскому Покровскому молитвенному дому Акмолинского уезда и области 25 июня 1913 г. Резолюцией Его Преосвященства, Преосвященнейшего Мефодия, епископа Петропавловского назначен псаломщиком Белоярскому Рождество-Богородичному молитвенному дому 7 августа 1914 г. Резолюцией Его Преосвященства, Преосвященнейшего Мефодия епископа Петропавловского переведен на псаломщическое место к Больше-Михайловской церкви 13 октября 1915 г.

Был за штатом по болезни с 30 ноября 1913 г. по 7 августа 1914 г. Холост.

Священник Сергей Дмитриевич Маркин, 29 лет, из крестьян. Содержание получает от казны 600 рублей, кружечных доходов 450 рублей в год. За законоучительство в Больше-Михайловской церковно-приходской школе – 30 рублей. Всего 1080 рублей. Окончил полный курс Второклассной учительской школы Казанской губернии в 1904 г. При управлении Астраханской Духовной Семинарии выдержал экзамен на звание учителя начального народного училища в 1909 г. Состоял учителем и законоучителем в Тундутовской церковно-приходской школе в 1909 г. Резолюцией Его Преосвященства, Преосвященнейшим Феофаном епископом Астраханским и Енотаевским определен псаломщиком к Иоанно-Богословской церкви села Феодоровского, Астраханского уезда и области 20 ноября 1912 г. Окончил полный курс Астраханских и Богословских двухгодичных курсов 12 июня в 1913 г. Резолюцией Его Преосвященства, Преосвященнейшего Андроника епископа Омского и Павлодарского назначен священником сей церкви 8 мая 1914 г. Состоит законоучителем в местной церковно-приходской школе с сентября 1914 г. Жена Клавдия Павловна, урожденная Босак, дочь астраханского мещанина. Родилась 1 ноября 1892 г. Дети: Константин, родился 19 мая 1912 г., Анатолий, родился 23 июня 1914 г., Вениамин, родился 5 января 1916 г.». Ф. 16., оп. 01., д. 0165.

В богоборческое время храмы один за другим закрывались. Местный исследователь Попов упоми-

нает: «Участь Заводо-Спасской Александро-Невской церкви, о которой сообщает Ф. С. Тупицын, была решена 2 июля 1924 г. Под давлением властей и активных «безбожников» общее собрание жителей, указывая на отсутствие средств для содержания храма, решило передать здание «для культурно-просветительных целей, а имущество – отдать в пользу Международного общества пролетарской революции (МОПР)». На собрании присутствовал священник из Большой Михайловки Сергей Маркин, но защитить источник веры не смог. Его доводы не были приняты во внимание».

В анкете дела № 8776 об арестованном Сергее Дмитриевиче Маркине говорится: «Родился 5 сентября 1887 г. в селе Колунец Тетюшского района Казанской губернии в крестьянской семье. Супруга – Клавдия Павловна (1892 г.р.). Род занятий: поп с 1914 г. Место службы или работы: село Каралат Кошнякавского района Сталинградской области, паспорта не имеет. Сын крестьянина, имел кулацкое хозяйство. Дом с надворной постройкой, лошадей рабочих – 2, коров – 2, баранов – 20, свиней – 30, мельница ветряная, ульев – 20, и сельскохозяйственный инвентарь: плуг, косилка, с применением рабсилы до 30 человек... После революции имел: дом, пара быков рабочих, лошадей – одна пара, коров – 3, баранов – 20, свиней – 5, забогребка (травяная), плуг (Архив Астраханского УФСБ, д. 4723-с, л. 16). До революции судим не был. В 1923 г. подвергся аресту органами ОГПУ, ныне НКВД, за проповедь контрреволюционного характера в селе Больше-Михайловском промышленного района Акмолинской

области. В 1932 г. подвергся аресту органами НКВД Кошняковского района и тут же освобожден.

Незадолго до ареста сельсоветом села Каралат была дана такая справка на о. Сергия Маркина: «Священник Маркин Сергей Дмитриевич проводит контрреволюционную работу, направленную против Советской власти. Наряду с этим, вокруг себя организовал для проведения контрреволюционной агитации стариков, старух, бывших чуждых элементов и участников кулацкого мартовского восстания в 1919 г.

В период подготовки выборов в Верховный Совет СССР, когда работа сельсовета была вынесена в дома колхозников на 25 дворов, колхозники активно разоблачали социально-чуждых элементов в с. Каралате, в это время священник Маркин посылал своих людей слушать под окнами, что говорят активисты, и на следующий день выдавал активистов социально чуждым людям, которых они разоблачали.

Священник Маркин имел связь с социально чуждыми людьми других сел и города Астрахани, местом сбора таких собраний были квартиры Галибина, Лазаренко, Милякова (Лазаренко изъят органами НКВД).

В период выборов Верховного Совета СССР священник Маркин с целью антисоветской пропаганды и отвлечения граждан, открывал церковь с 4 часов утра и церковь не закрывал до поздней ночи, проводя служение в «Благовещение» 25 марта 1937 г. по старому стилю, воспользовался, когда все руководители сельсовета и парторганизаций выехали в район, священник Маркин с провокационной целью,

когда верующие (старики и старухи) собрались к заутрени, умышленно не открыл церковь, а с паперти заявил, что волей сельсовета церковь закрыта, и сам сразу после этого взял удочку и ушел на рыбалку. В результате этой провокации церковники явились в сельсовет с требованием об открытии церкви, в то время как со стороны сельсовета о закрытии церкви никакого разговора не было.

Церковная двадцатка вынесла решение снять с колокольни все колокола и передать на нужды оборонной промышленности, то священник Маркин повел агитацию среди верующих о том, что Советская власть чинит насилие над верующими, организовал делегацию в край. По решению двадцатки колокола были сняты, после этого священник Маркин организовал сбор средств на покупку новых колоколов.

С целью привить недовольство у детей к Советской власти и любовь к церкви и попам, собирает детей-школьников, угощает конфетами и благословляет. В 1937 г. летом скрытно от сельсовета выезжал в поселки Татьянки и Боланенский, занимался поборством и агитацией о том, что Советская власть является угнетением, а церковь разоряет налогами, а людей морит с голоду. Чтобы вызвать недовольство к Советской власти и уважение к священнику, как правило, причитающиеся с него налоги подбирал купюры рублями и на ладони большой пачкой из церкви и до сельсовета проносил демонстративно на виду у населения.

Социально чуждые элементы изъяты органами НКВД, их женам у себя на квартире служил молебен

и давал денежную помощь, при том говорил о том, что настанет время – Советская власть провалится, а мою милость сочтет Господь Бог. При похоронах публично из кармана достал 5 рублей и пожертвовал жене умершего Глуховой (5 рублей получены от сестры Глуховой за службу похорон), со словами: «Возьми обратно 5 рублей, ты бедная, а я без них с Богом проживу».

Гражданку Мусатову Феклу Ивановну понудил написать провокационное письмо на имя тов. Сталина и через него же посылал письмо врагу народа Варейкису. Во время отхода рыбаков в море с 1/II по 4/II 1938 г., когда кругосторонняя помощь путем лодок, аэропланов и пароходов была направлена на быстрейшее спасение рыбаков, священник Маркин среди жен развернул работу за отслужение молебна, что без этого советская власть не спасет ваших рыбаков» (там же, л. 1-3).

Предполагая свой арест, о. Сергей отправил свою супругу в Астрахань, к родным. 8 февраля 1938 г. о. Сергей был арестован. Во время обыска у него в доме было изъято: «Старо-церковные а/с книги – 20 шт.; серебряный крест – 1 (270 гр. сдано в Райфо)» (там же, л. 15).

9 февраля 1938 г. был проведен допрос о. Сергия Маркина.

«Вопрос: Вы арестованы за контрреволюционную деятельность, проживая в селе Каралат, вы вели контрреволюционную работу и выдавали единоличникам деньги для уплаты сельхозналогов. Признаете себя виновным в этом вопросе?»

Ответ: Да, я, действительно проживая в селе Каралат в 1926 г., хорошо знаю население и единоличников, которым действительно я давал денег по 3-5 рублей. Мною лично было выдано Каликину Ивану Филипповичу, Седовой Марии, Седовой Матрене, др. я не помню» (там же, л. 18).

В тот же день, 9 февраля, было составлено обвинительное заключение по делу о. Сергия, в котором говорилось: «Маркин, проживая в с. Каралат, враждебно настроенный по отношению к существующему строю, вел систематическую контрреволюционную деятельность. Распространяя контрреволюционные пораженческие слухи по адресу Соввласти, клеветал на коммунистов. Возводил клевету на колхозное строительство, при этом субсидировал единоличников деньгами» (там же, л. 19). 14 февраля 1938 г. на заседании тройки при Управлении НКВД Сталинградской области было постановлено: «Маркина Сергея Дмитриевича – расстрелять» (там же, л. 21).

«Священник Сергей Маркин был расстрелян 11 марта 1938 г. в 18 часов» (там же, л. 22).

На мой вопрос священнику, занимающемуся собранием материалов к канонизации страстотерпцев, о возможности канонизировать о. Сергия Маркина последовал следующий ответ: «Мы рассматриваем этот вопрос, но комиссию смущает последний ответ иерея Сергия Маркина на суде: «Да, я признаю себя виновным в том, что я, действительно враждебно настроенный на существующий строй, клеветал в контрреволюционном духе по адресу коммунистов, называя их антихристами. Пораженче-

ски высказывался по адресу существующего строя и говорил, что советская власть должна скоро пасть и с коммунистами надо бороться. Больше показаний ничего не имею, записано с моих слов верно и мне прочитано вслух. Подпись: Маркин».

Как фабриковалось это дело, мы можем только предположить. Возможно, о. Сергей подписал это обвинительное заключение вследствие сильного морального давления и физических пыток и ждал своей смерти как избавления. В 1989 г. его реабилитировали.

Другой священник, Хрисанф Брагинец, как упоминалось немного ранее, был переведен из храма Рождества Пресвятой Богородицы села Больше-Михайловского в село Ново-Георгиевское Акмолинского уезда. О нем также сохранились сведения. «Сын крестьянина Херсонской губернии окончил двухклассную приходскую школу и Московские пастырские курсы. Священник с 30 апреля 1911 г., имеет серебряную медаль на Александровской ленте с надписью «За усердие» за труды по народному образованию» (Справочная книга Омской епархии. – Омск: типография «Иртыш» 1914. – с. 1023).

О. Хрисанф участвовал в открытии церковно-приходской школы в поселке Дубовском. Исследователь Юрий Попов упоминает: «В 1914 г. построено школьное здание. Средства на строительство изыскали священник села Санниковского (ныне Ботакара) Леонид Лебедев и священник села Большая Михайловка Хрисанф Брагинец».

По архивным документам прослеживается и далее судьба о. Хрисанфа. «Брагинец Хрисанф

Филиппович 1882 г. рождения, место рождения Кировоградская область, украинец, из крестьян, беспартийный, женат, образование среднее, место жительства до ареста – г. Евпатория, священник Евпаторийского Николаевского собора, арест 02.11.1944 г. Евпаторийским ГО НКГБ Крыма, ст. 58-3, 10 УК РСФСР: проживание на оккупированной территории и работа у немцев, осужден 23.04.1945 г.».

В архивных материалах по Республике Крым содержится следующая информация. «Приговором Военного трибунала войск НКВД Крыма от 23.04.1945 г. Брагинец Х. Ф. осужден по ст. ст. 58-3 и 58-10 ч. 2 УК РСФСР к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 7 (семь) лет, с конфискацией всего лично принадлежащего ему имущества».

По заключению Прокуратуры Республики Крым от 12.11.1992 г., на Брагинца Х. Ф. распространяется ст. 1 Закона УССР от 17.04.1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» (д. 019697).

В уголовном деле о. Хрисанфа приведен послужной список его педагогической деятельности: «Педагог-языковед, обучался при институте города Симферополя в 1938 г., вручен аттестат на звание учителя народных училищ Нарком Просвещения Р.С.Ф.С.Р. от 24 января 1939 г. № 169998. Педагогический стаж – 26 лет. Преподавал учителем в начальной школе села Дружелюбовка Доброваличского района Одесской области с 1900 по 1903 г., в начальной школе Каспер-Николаевка Привольнян-

ского района Одесской области с 1903 по 1906 г., учителем и заведующим в селе Ингулка, Привольнянского района Одесской области с 1906 по 1907 г., учителем и заведующим в городском училище города Николаев Одесской области с 1907 по 1912 г., законоучителем и учителем математики в селе Ново-Георгиевка Акмолинского уезда с 1912 по 1920 г., в начальной школе села Жеваново Компанеевского района Кировоградской области с 1936 по 1937 г., языковедом в неполной средней школе д. Корьск Алуштинского района Крыма с февраля по ноябрь 1937 г. и в неполной средней школе д. Делярднец Алуштинского района с ноября 1937 по август 1938 г., учителем и заведующим Начальной школы №3 города Алушты Крыма с 1938 по ноябрь 1941 г., директором и учителем в Русской Гимназии с ноября 1941 по 5 марта 1942 г.».

В книге «Крымская епархия в документах святителя Луки (Войно-Ясинецкого) и надзирающих органов» 1946 – 1961 гг., г. Симферополь 2015 г. на с.771 упоминается: «Настоятелем (Никольского собора) в городе Евпатории с сентября 1942 по декабрь 1944 г. состоял Брагинец Хрисанф, затем был арестован и осужден...».

Протоиерей Александр Архангельский, участвовавший в воссоединении крымского духовенства, бывшего под оккупацией немцев, с матерью Русской Православной Церковью Московского Патриархата, в своем докладе пишет: «Приехав 9 июня 1944 г. в город Симферополь, я остановился на квартире у священника Всехсвятской кладбищенской церкви о. Вла-

димира Соколова, где мне была отведена особая комната для приема духовенства крымских церквей.

В течение первых пяти дней я провел беседы с вызванными мной духовенством и церковными старостами церквей г. Симферополя. Эти церкви следующие: Троицкая (Русско-Греческая), Всехсвятская, Благовещенская, Трехсвятительский молитвенный дом, Покровский молитвенный дом, Владимирский молитвенный дом.

Выслушав рассказы духовенства и старост, я, в свою очередь, рассказал об учреждении Священного Синода, о выборах патриарха Сергия, о его замечательной мудрой деятельности во время 17-летнего управления Матерью-Церковью в качестве местоблюстителя, и неожиданной мирной кончине. Рассказал о новом патриаршем местоблюстителе Алексии, митрополите Ленинградском и Новгородском, о сотрудничестве и дружбе всех восточных патриархов; ознакомил каждого с книгой «Правда о религии в России». Духовенство во главе с отцами благочинными и старосты внимательно выслушали мои сообщения... «Спасибо Вам», – говорили они. Ибо процветание церкви Христовой и православной веры радовало их несказанно.

15 июня 1944 г. я собрал все духовенство г. Симферополя и всех отцов благочинных городов и округов Крыма. Перед началом было пропето «Днесь Благодать святого Духа нас собра». Затем я передал собравшимся Ваше Первосвятительское благословение и сделал подробный доклад о патриотической деятельности нашей Матери-Церкви и русского духовенства, в котором особенно отметил торжест-

венное молебствие во всех храмах Советского Союза о даровании победы. Рассказал о сборах средств на военные нужды Отечества. По окончании доклада по инициативе духовенства была составлена приветственная телеграмма на имя Вашего Преосвященства. Затем был выработан текст исповеди для воссоединения духовенства с Московской патриархией. После этого во Всехсвятской церкви мной через покаяние были воссоединены с Матерью-Церковью Русской все участники собрания старого рукоположения. Текст исповеди зачитывал благочинный 3-го округа православных церквей Крыма и настоятель Свято-Николаевского собора г. Евпатории митрофорный протоиерей Хрисанф Брагинец (оригинал текста исповеди прилагается). Ставленники епископа Серафима Кушнерюка мной воссоединены не были...».

Вот все то, что удалось выяснить о судьбе пред-революционных священников Больше-Михайловской церкви.

В газете «Маяк степи» (Акмолинск, 1923, 4 августа) есть заметка «Не обращают внимания». Привожу текст из нее:

«В селе Большая Михайловка рядом с сельсоветом стоит большое здание в 6 комнат. Это школа, но в самом печальном состоянии. Крышу съедает ржа, стены разваливаются, дети выбивают уцелевшие окна. Немногим лучше имеет вид и здание сельсовета.

В 60 метрах от сельсовета находится церковное здание. Оно имеет совсем другой вид: крыша окрашена, стены хорошо отремонтированы, и все это дает понять — здание имеет хозяина. Почему так?

Очень просто. Совет верующих граждан с наступлением весны принялся за ремонт. Сельсовет же смотрел на свой ремонт спустя рукава».

В другом номере этой газеты есть заметка «С Божией помощью».

«Граждане села Большая Михайловка категорически отказывались от содержания школы. На одном из собраний присутствовал местный священник. Он предложил содержать школу с Божией помощью. Граждане согласились сразу.

Неужели школа может существовать только с Божией помощью?» («Маяк степи». – Акмолинск, 1923, 6 октября).

В те времена надо было устоять в вере, протоиерей Александр Кривонос в своей книге «Исповедь жизни» (Москва, Паломник, 2014. – с. 24) упоминает, что многие священники отрекались от Церкви, а некоторые были даже неверующие: «Узнал, что среди местного православного духовенства есть люди маловерующие и даже совсем неверующие. Так, совсем неверующим оказался один молодой священник. Об этом знали только его родные и самые близкие ему люди. Когда его спрашивали: «Зачем же ты служишь священником, раз ты сам не веришь?» – он отвечал на это: «У меня нет другой специальности, я окончил только семинарию. Жить-то мне надо. У меня жена, дети...».

Другой священник, отец А., был добрый и простой человек, но любил хорошо выпить, погулять, поиграть в карты, к тому же курил табак. Однажды мы ехали вдвоем, он был порядочно выпившим. Я спросил его: «Батюшка, скажите откровенно, вы

сами-то верите в Бога?» Он ответил: «Да как тебе сказать? Все-таки думаю, что должно что-то быть». Я ему сказал: «Ну, как вы можете служить священником, когда сами не уверены твердо в существовании самого Бога?» Отец А. ответил: «Но ведь жить-то надо как-то, у меня семья!»

Все это был очистительный промысл Божий, кто стоял в вере и выстоял и был примерным, те получили награду от Господа, а некоторые отпали... В Караганде верующие во время Великой Отечественной войны пытались вновь открыть храм, который закрыли в 1928 г. В нем тогда разместили Аулокомитет. Сохранился в местных архивах документ от 27 октября 1943 г. Группа верующих подает заявление в Городской совет с просьбой разрешить открыть дом для исполнения христианских обрядов.

«Ленинскому Гор. Совету (Исполкому), тов. Костенку от группы Христианской Православной Церкви.

Заявление

Просим разрешить нам избрать церковный Совет и назначить председателя церковного совета для ходатайства об открытии дома для исполнения православно-христианских обрядов. Сделайте Ваше уважение к нам. Так как Правительство пришло к удовлетворению просьб служителей Христианской Церкви и в лице Товарища Сталина разрешило избрать Патриарха Московского и Святейший Синод. Мы просим не отказать и нам сделать Ваше разрешение. В том и просим.

Просители (подписи).

За неграмотных и за себя расписался Сердюков П.Д.

В селе Б-Михайловке на площади имеется свободное помещение бывший Сельсовет... Просим разрешить нам отремонтировать его своим трудом, чтобы можно было исполнять православно-христианские обряды.

Просим Вашего разрешения тов. Председатель.

Адрес: с. Б-Михайловка, Нижняя ул., дом А.А. Калайды, или Красной армии, д. №11. 27/Х-43 г.».

Однако это ходатайство верующих не было поддержано властями.

Потом уже в 1955 г. старец Севастиан, выкупив домик для себя и матушек, с трудом добился открытия в нем молитвенного дома в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

Вот такова вкратце история моей милой Караганды и Михайловского храма, где я воспитывался и впитывал основы веры и благочестия. Семейство священника отца Владимира Жукова повлияло на мой жизненный выбор. Именно они направили искания моей души и сердца в правильное русло, наставили меня на духовный путь, и я впоследствии окончил Московскую Духовную Семинарию и стал священником.

Со святыми упокой

(кончина строителя Михайло-Архангельского собора)

«9 октября 1994 г., в день Иоанна Богослова, на 85-м году жизни мирно отошел ко Господу Фёдор Михайлович Мочалкин. Псалтирь над гробом его читалась необыкновенно легко и стоять у гроба было нетяжело.

Чем же заслужил этот человек такую кончину?

В 1931 г. двадцатилетним юношей он был сослан в Караганду из Астрахани как сын кулаков. И здесь трагическая судьба явила ему светлую сторону: во время болезни за ним ухаживал будущий священник о. Иоанн. Взрошенная с детства вера укреплялась в этих суровых условиях такими вот встречами. С 1932 по 1934 г. он служил вольнонаемным в Карлаге и там познакомился с отцом Севастианом, последним оптинским старцем.

Сорок последующих лет батюшка Севастиан был ему духовным отцом. В 1959 г. он предсказал ему смерть матери. В 1935 г., уже глубоко религиозным человеком, Фёдор Мочалкин устроился работать на шахту, а ночью с городским карагандинским священником о. Иаковом ходил служить литургию с фанерным чемоданчиком, в котором хранилось необходимое для совершения таинства Евхаристии. В 1937 г. батюшку Иакова забрали, известий о нём больше не было. Всю войну и до 1966 г. Фёдор Михайлович был шахтером, продолжая мирское служение Богу. С 1946 по 1949 г. строился Михайло-Архангельский храм, Федор Михайлович в этом принимал активное участие. Стройматериалы соби-

рали поштучно, носили всё на себе: по досочке, по десятку кирпичей. Сейчас Михайло-Архангельский храм – один из красивейших в епархии. Воистину крепкая вера строителей и Дух Божий почивают на его куполах, голубеющих среди терриконов отработанных шахт.

Когда Федора Михайловича хоронили, старые люди говорили: у входа в Царство Небесное его встретят все безродные, которых он перехоронил за свою жизнь. Всякий раз, узнав, что где-то умерли одинокая бабушка или всеми оставленный старик, Фёдор Михайлович заказывал на свои деньги гроб. Встретит его и дивеевская монахиня Ксения, которую он поселил рядом, опекал и ухаживал за ней до самой ее кончины. Жена его Анастасия Семёновна 45 лет пела в храме и тоже строила в церковной ограде дома для священников. Они вырастили достойных детей и внуков. Один внук ныне является послушником в Оптиной пустыни, внучка приняла монашеский постриг.

Фёдор Михайлович в своей жизни особенно любил и почитал Иоанна Богослова, говорил: «Он выше Николая угодника и любимый ученик Христа». Удивительно, что и умер он в день его памяти» (из журнала «Свет православия в Казахстане» № 9 (18) 1994).

Приложение

Наше духовное наследие
Письма преподобного Севастиана
Карагандинского и его духовных чад

Документы из архива Уполномоченного
по делам религий Казахской ССР

Наше духовное наследие

Письма преподобного Севастиана Карагандинского и его духовных чад

В августе 2000 г. на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви к лику святых новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания был причислен преподобный старец Севастиан Карагандинский. Издано уже несколько книг и брошюр, посвященных житию преподобного, с воспоминаниями его духовных чад, известных пастырей Церкви и просто знавших старца людей. Одним из совоспитанников о. Севастиана являлся в его бытность будущий епископ Волоколамский Питирим (Нечаев), в дальнейшем известный митрополит. Владыка отпевал старца после его кончины в апреле 1966 г. и накануне постригал в великую схиму. Духовная связь владыки Питирима с о. Севастианом началась еще в г. Козлове Тамбовской области (ныне г. Мичуринск). После закрытия Оптиной пустыни о. Севастиан переехал сначала в Козельск, потом в Калугу, затем по приглашению настоятеля Ильинской церкви г. Козлова протоиерея Владимира Андреевича Нечаева, отца будущего владыки Питирима, приехал в Козлов и от епископа Тамбовского Вассиана (Пятницкого) получил назначение в упомянутую церковь. Старец прослужил в Козлове с 1928 по 1933 г. После ареста протоиерея Владимира Нечаева он опекал многодетную семью Нечаевых, в которой было 11 детей. Будущий митрополит Питирим (в миру Константин Нечаев) был последним, 11-м, ребенком. В феврале

1933 г. о. Севастиан был также арестован и по сфабрикованному обвинению осужден. Отношения о. Севастиана с семьей Нечаевых возобновились после его освобождения из Карагандинского лагеря (Карлага) в 1939 г. и продолжались до конца его дней. Из писем старца и рассказов его духовных чад известно, что к нему в Караганду регулярно приезжал не только Константин Нечаев, но и его родные сестры, в частности Надежда Владимировна.

4 ноября 2004 г., в день празднования в честь Казанской иконы Божией Матери, владыка Питирим закончил свой жизненный путь. После его смерти родственники передали часть карагандинских архивов высокопреосвященного другу их семьи уроженцу г. Караганды протоиерею Вячеславу Брегеде, которого в детстве крестил о. Севастиан. Старец также духовно окормлял родственников о. Вячеслава. Среди переданных материалов были альбом с фотографиями и небольшой сверток, перевязанный бечевкой. Возможно, у владыки из-за множества дел и обязанностей до этого свертка просто «не дошли руки». В нем оказались письма преподобного Севастиана и его духовных чад, написанные семье Сафоновых в Мичуринск. Из переписки можно понять, что преподобный был знаком с этой семьей достаточно давно, видимо, с того времени, когда там служил. Клавдия Алексеевна Сафонова была крестницей старца. Даты указаны лишь на некоторых письмах, однако по смыслу переписки, освещаемым там событиям и подписям старца (в одних случаях он подписывался как иеромонах С., в других – как архимандрит С.)

очевидно, что письма написаны в основном в 50-е годы прошлого века. Старец был возведен в сан архимандрита в 1957 г. и после этого вместо «иер. С.» стал подписываться как «архим. С.». Письма не содержат каких-либо глубоких духовных поучений, как это мы видим, например, в переписке Оптинских старцев. Они достаточно просты и не очень объемны, и больше напоминают обычную семейную переписку. Главная их ценность в том, что в них высвечивается живой неповторимый образ преподобного с его немалыми старческими немощами и болезнями, необычайным смирением, самоуничижением и самоосуждением. В письмах старец постоянно называет себя «ленивым, грешным и недостойным», говорит об ухудшающемся здоровье, о скоротечности нашего земного бытия. Письма также раскрывают быт и обстановку того времени, порой непростые человеческие отношения, которые складывались в общине старца между его духовными чадами. Часть писем написана непосредственно старцем, некоторые под его диктовку – келейницей Верой либо другими матушками или послушницами. Встречаются письма, где батюшка делал лишь небольшие приписки: поздравлял с праздником или что-то коротенько советовал. Например, такая приписка имеется в письме монахини Агриппины Сафоновым. В некоторых батюшкиных письмах, наоборот, что-то приписывали или добавляли сестры. Одно из писем написано о. Александром Кривоносовым – вторым священником батюшкиного храма в честь Рождества Богородицы в Большой Михайловке. Батюшка убедил этого одинокого добропорядочного

человека принять священнический сан, и он на некоторое время стал преемником преподобного после его кончины. До принятия священства о. Александр работал агрономом. В переписку старца включено также письмо монахини Агнии, матушки высокой духовной жизни, с которой преподобный был знаком еще в Оптиной пустыни. Оно написано в 1968 г. уже после смерти старца. Несомненный интерес представляет собой письмо неизвестного автора (возможно, священнослужителя), адресованное преподобному, где подробно описывается обряд пострижения в монахи о. Константина, будущего владыки Питирима. Письмо датировано 31/13/IV 1959 г. В одном из писем р. Б. Елена сообщает Сафоновым о своем посещении вместе с дочерью о. Севастиана. Они приезжали откуда-то издалека. Сообщается, что трое суток ехали до Москвы и затем столько же – до Караганды. Жили они некоторое время в общине и были очень довольны поездкой и той духовной помощью и приемом, которые им оказал старец. В конце переписки помещены четыре письма неизвестного приходского священника, в которых он упоминает об о. Севастиане как о достойном духовном пастыре. Эти письма, по-видимому, переданы семье Сафоновых кем-то из их мичуринских знакомых или родственников. Судя по письмам, этот священник хорошо знал о. Севастиана и был человеком высокой духовной жизни. Священник сообщал, что ему в 1956 г. исполнилось 76 лет. В то время о. Севастиану было 74 года, т. е. они были примерно ровесниками. Сестры в письмах нередко называют батюшку папой или дедушкой.

Возможно, такое семейное домашнее обхождение изначально носило конспиративный характер, особенно в то время, когда община еще не была зарегистрирована и служить приходилось тайно по домам верующих.

Из 58 писем 43 написаны непосредственно старцем или под его диктовку, 13 – прочими ранее упомянутыми лицами. Одно письмо старец написал вместе с монахиней Агриппиной и одно – с келейницей В. (Верой или Варей). Пока ничего не удалось узнать о семье Сафоновых, с которыми старец имел эту длительную переписку до самой своей кончины.

В публикуемых письмах сохранена авторская орфография.

Письма приведены в хронологическом порядке: до избрания старца в архимандриты и после.

Письмо 1

Мир Вам, Клавдия Алексеевна!

Имею честь поздравить Вас со днем Ангела. От души желаю Вам подражать своему Ангелу Хранителю. А Евфалию Алексеевну и Николая Павловича с именинницею, и даже дорогою. От души желаю мира душевного и телесного здравия. Горе нам, грешным, мира, мира нет между нами, верующими! Что можем ожидать от тех людей, которые не веруют ни в Бога, ни в загробную жизнь? А мы, верующие, часто делаем хуже неверующих. Жаль Марию Тимофеевну; покойный брат ее отстал от святой православной церкви, конечно, ей тяжело

как родной сестре, но нужно бы ей при жизни его позаботиться о его душевном состоянии. А если она теперь дает милостыню, то часть за нее пойдет, а часть за него, но лучше предаться в волю Отца Небесного, нам судить нельзя. Судья есть Бог. Как там Тихон Васильевич? Смотрите относительно Марии Тимофеевны. Всех я приветствую с наступающими великими святыми днями Страстной седмицы, а за ними последующими Пасхальной седмицы. И от души желаю Вам всем-всем встретить эти великие дни и провести в мире душевном и телесном, а главное – молитвенно. Все-все мои кланяются и приветствуют Вас с великими днями. Здоровье мое было совсем плохо начиная после Крещения и до сего времени, сейчас немного получше, но что делать, на все воля Божия. Слава Богу, служу. Помолитесь за меня, грешного. Остаюсь помнящим Вас недостойный ИС. *(Далее неразборчиво)*.

Письмо 2

Мир тебе, дочь Клавдия Алексеевна!

Посылаю тебе Божие благословение и всему твоему дому, деткам твоим. Спаси тебя, Господи, и помилуй! Слава Богу, мы живем все по-старому. Надежда Ивановна Вельгельмова болеет, с ней случился удар в самую Пасхальную ночь, и до сего времени болеет. Да, время идет, вот уже все великие праздники прошли. Кажется, недавно была Пасха, а вот уже и Вознесение Господне прошло, и День Святой Пятидесятницы или День Святой Троицы. А

время идет, молиться некогда, все суета, нет времени на молитву.

Спаси, Господи, вас, дорогие, вот собираюсь провожать дорогих гостей: Антонину и еще из Тамбова две матушки и две старушки. И вот они с Антониной вместе уезжают, провожал. А время идет, а тут немощь. Хочется и полежать, и отдохнуть по-стариковски. Вот, дорогие дети, давно ли были великие праздники: Святая Пасха и День славного Вознесения Господня, а потом День Святой Пятидесятницы или День Святой Троицы, и как будто это все во сне. Все эти три праздника благополучно прошли и даже очень, очень хорошо прошли. А особенно Вознесение Господне прошло, можно сказать, торжественно. Все меня благодарили и благодарят, но ведь это не я, а Господь так мне помог в моих службах. Я люблю праздники Господни проводить торжественно.

Все вам расскажет девица Антонина, как мы здесь живем в нашей Караганде. Да еще поминаю Тоню за ее пребывание. Я ее брал два раза на мелькомбинат. Все мы ее, и маму, и сестру ее Серафиму приглашаем на постоянное жительство на мелькомбинат или в Михайловку к нам, но как Господу угодно. Простите, дорогие мои. Привет всем знающим и незнающим меня, а главное то, что посылаю Божие благословение всем, а Божие благословение дороже всего на свете. Если бы люди жили и были с Божиим благословением, то жизнь была совсем другая. Жизнь была мирная, тихая и спокойная. Простите все. Недостойный отец ваш иер. С. Фомин.

И м. Иосафу тоже приглашали на жительство. Спаси ее, Господи, ведь они не ладят со своею жиличкой. Горе нам, грешным, скоро и нужно думать вот-вот и смерть. Простите иер. С. Ф., другим напоминаю о смерти, сам живу, как бессмертный.

Письмо 3

Мир вам, дорогие мои дети!

Поздравляю я вас с великой Святой Четыредесятницей и днями Страстной седмицы. Клавдия Алексеевна, Евфалия Алексеевна и Николай Павлович и все ваши дети, они, конечно, меня не знают, забыли меня. Юрий еще, может, немного помнит. Теперь дети и родителей-то забывают, а то какого старика поминать будут. Они постараются поскорее забыть о таких стариках, как я. Простите меня, я мало пишу, не способен много писать, сами знаете, почему. Часто то припоминаю ваш город, ваш дом и огород, и обстановку вашего дома. Я думаю: спаси, Господи, и помилуй вас всех, дорогие мои, помолитесь за меня, грешного. Живу, можно сказать, без перемен, все думаю жить лучше, но нет силы духовной и крепкой веры, и крепкой надежды. Святая Четыредесятница проходит и приближаемся к великим дням святой великой Страстной седмицы, а затем светоносному Дню Светлого Христова Воскресения.

Живу, а здоровье все слабеет. Раньше я много ходил по приходу. Теперь уже не могу, силы все более слабеют. Время свое берет, ведь земля еси, и в землю отыдеши. Но горе мое, я забываю все и хороню умерших. Горе мое, живем, как думаем,

вечно. Жить думаем на земле и думаем, что земля наша, а, по-видимому, она не наша. Она нам дана на малое время для приготовления к будущей жизни, а мы мало готовимся. Особенно я, немощной. Кругом немощи, слабости кругом. Я от них – они за мной.

Всем мой привет и всем Божие благословение, и всем поздравление с великими днями святой Страстной седмицы и Пасхальной седмицей. Все вам кланяются и просят святых молитв. Передай мой привет Елене Лосевой и поздравление с праздниками. Остаюсь помнящий вас грешный иер. С. Ф.

Письмо 4

Христос Воскресе! Воистину Воскресе!

Возлюбленные мои о Господе дети Клавдия Алексеевна, Евфалия Алексеевна, Николай Павлович и все ваши детки, послушники и непослушники. Посылаю я вам Божие благословение и всем знающим и незнающим. Простите, давно нужно было послать вам поздравительное письмо. Клавдия Алексеевна, я получил твое письмо, из которого узнал, как ты была у сынка своего Юрия и писала о том, как он изменился не в лучшую сторону, но в худшую. Теперь мало тех людей, которые изменили бы образ своей жизни в лучшую сторону. Помогите, Господи, вам и нам такое время все переживать, плохое и хорошее, а более всего приходится переживать плохое, чем хорошее. Живем по-старому пока, а далее, что уже Господь даст. У нас Надежда Ивановна болеет. В самую Пасхальную ночь, полдвенадцатого часа с ней совершился удар. Своих Надежда Ивановна проводила, мужа и дочь Фаю, к

Светлой заутрене и вскорости через час с ней случился удар. Левой рукой не владеет, но речь не теряла, и сейчас мало лучшеет. Вот наша жизнь. Елене пошлите Божие благословение от меня. Остаюсь помнящий вас грешный иер. С.

Письмо 5

Мир вам, крестница Клавдия Алексеевна! Всем-всем вам кланяюсь, маме вашей, Евфалии Алексеевне, Николаю Павловичу и Шурику, и всем родным.

Поздравляю вас с Великим постом, давно-давно я собирался писать, но все время нет, а то лень одолела. Вот уже половина Великого поста прошла, у нас весна, снегу мало стало, снег быстро тает. Спаси, Господи, и помилуй. Дети были малы – и скорби малые, дети стали большие – и скорби, скорби стали большие. Помогите вам, Господи, все переживать, благодушно предаваться воле Отца Небесного. Берегите свое здоровье, душевное и телесное. Спаси, Господи, и помилуй, дорогие мои. Мы писали относительно цветов, еще хотели к празднику Рождества Христова, но их не получили, деньги вышлем, можно на Уляшу или, правильнее сказать, на м. Иоасафу. Хотелось бы к празднику, к такому великому и светоносному дню, но, я думаю, вы там постарайтесь это устроить для великого праздника.

Как мать Евгения? Помогите ей, Господи. Болезнью душа очищается от скверн греховных, только терпения много нужно и веры для поддержки духа. Скажите ей то, что я поминаю ее. Все мы старые стали, слабые и никуда не годные. Ведь на

земле всему бывает конец, хорошему и плохому. Только в том разница, плохое здесь кончается, а хорошее в Вечность идет к Богу. А за плохое в Вечности нужно отвечать. Спаси вас, Господи, всех-всех, помолитесь за меня, грешного.

Завтра – память Алексея человека Божия, у вас Алексеев много, буду поминать как могу, вот мое дело. Завтра Преждеосвященная Литургия, служу. Евфалия Алексеевна, поздравляю с прошедшим Днем Ангела. Мария Тимофеевна пишет о брате своем Сереже и его болезни. При болезни бы хорошо воспоминание о своих грехах и находить утешение в Боге, вот это утешение дороже всего в мире. А хозяйство – это все временное, с ним приходится расставаться, какое оно ни было, малое или великое, все равно приходится оставлять. Земные цари оставляли целые государства. Сергею Тимофеевичу, ему больше читать Евангелие, вот это самое прочное утешение.

Далее приписка.

Дорогие наши родные, Клавдия Алексеевна, Евфалия Алексеевна, Николай Павлович, Шура. Кланяемся вам и поздравляем с великой Четырешестидесятицей. Сегодня Алексей Божий человек. Батюшка служил, пели «да исправится...», пока все слава Богу, все идет по порядку. Погода у нас теплая, началась полая вода. Здоровье у всех слабое. Папа ни одного раза не покушает, чтобы не вылез из-за стола. У него в горле имеется раночка, и вот в нее попадет крошка, и он совсем задыхается. Так боимся за него, что поперхнется. А я тоже совсем расклеилась. Эту зиму очень болит поясница и еще находят гиперто-

ническую болезнь, давление крови 220/165. А в норме 140/80. Плохо стала видеть и могу совсем ослепнуть. С 13 марта бюллетеню, 3 апреля на комиссию, хоть бы еще дней на десять дали отдохнуть, а там отпуск к Пасхе думаю взять. Все эту зиму хворали, Феша от ног болела три недели по бюллетеню, у Вали опять начинается кашель легочный, м. Катя на сердце жалуется, а Вера теперь у нас не живет, Феша на ее месте кровать поставила. Уж так рада она, что вылезла из того холодного угла, да и мы с Варей за нее рады. Прошу, передайте привет м. Иоасафе и Кате, Марии Тимофеевне, Евфалиным. И всем знающим нас. Получили письмо от Лайковой, кланяемся ей. Цветочницам привет. Ждем к Пасхе цветочков. Ждали к Рождеству Христову, не дождались. Простите.

Письмо 6

Мир Вам, Клавдия Алексеевна, и Божие благословение да пребывает над Вами!

Спаси вас, Господи, и помилуй, испрашиваю Ваших святых молитв о мне, грешном и недостойном, кланяюсь Вашему всему семейству, маме Вашей Евфалии Алексеевне, и мужу Вашему Николаю Павловичу, и деткам Вашим Георгию Николаевичу и Александру. Простите, давно-давно я не писал, прямо отвык писать, ведь никому не пишу, Вы уж не обижайтесь. Сами знаете, какой из меня писарь, совсем отвык писать. Я уже не знаю, когда я только и писал, наверно, уже года три или более. Время бежит незаметно. Елена Лосева все время собиралась приехать ко мне, и вот прождал все

время, можно сказать все лето. Знаете, сколько времени ее не видал, более, наверно, двадцати лет. Хотелось бы повидать ее, но, наверно, Богу не угодно. Каждое лето жду ее, но у нее обязательно какие-то приключения. А может быть, она сама не стремится к поездке. Конечно, дорога дальняя, но ведь все бы ей помог и всю дорогу оплатил, об этом не нужно беспокоиться. Завтра праздник Успения Пресвятой Богородицы, самый большой праздник Пресвятой Богородицы.

Клавдия Алексеевна, приезжайте к нам, у нас теперь дом большой, мы свой дом перестроили, полы деревянные, а крыша пока глиняная. Здоровье все слабеет, слабеет и слабеет. Помолитесь за меня, окаянного и многогрешного. Остаюсь всегда помнящий вас всех недостойный иер. С. Фомин.

Письмо 7

Христос Воскресе!

Дорогие мои Клавдия Алексеевна и вся ваша семья! Спаси вас, Господи, дорогие мои. По милости Божией живем по-старому, без перемены, простите меня, грешного и недостойного иер. С. Здоровье мое, пожалуй, еще хуже старого, потому что с каждой минутой все ближе к могиле, все старею, дряхлею и хилею. Простите меня, я, грешный, все живу для тела, а для души мало времени и мало внимания, все пожирает тело, вот горе мое. Ваша мама пишет про внуков. Я думаю, что маме вашей теперь больше заботы, раньше ей меньше было заботы, а теперь больше, потому раньше вы были одни, а теперь вы, да у вас два сына, да у сына сын, да жена, да у

Шурика скоро будет жена. И опять бабушке вашей заботы и хлопоты. Пусть она к Николаю Павловичу получше относится. Она все внимание и всю жизнь отдала вам. Она может этим погрешить, одного жалеет, а другого ненавидит. Пусть она Николая Павловича полюбит. Нужно просить у Господа любви и к своему зятю Николаю Павловичу. Мама твоя святая, но немощь есть какая, к зятю не имеет любви, и это для Коли обидно. Кланяюсь Марии Тимофеевне и всех поздравляю со Святой Пятидесятницей. Вот уже скоро Вознесение Господне, как время незаметно идет. Уже три недели прошло от Пасхи. А маме вашей можно причащаться через две и через три недели. А каждую неделю – можно других смущать. Мария Египетская сорок лет не причащалась, а какая была великая подвижница. Простите, все знающие меня, грешного и недостойного. Иер. С.

Письмо 8

Божие благословение да пребывает над вами, Николай Павлович, и над вашей христианской семьей. Так, дорогие, Господь над вами, дорогие мои дети. Николай, я слышал, что все болеет и болеет. Я тоже понемногу болею, да ведь все на пользу человеку – понемногу болеть. Милость Божия да хранит нас от всех напастей земных немалых и великих болезней. Они полезны... *(Далее неразборчиво.)*

Письмо 9

Мир и спасение и во всем благое поспешение и Божие благословение Вашему дому, Клавдия Алексеевна, дорогая. Тамбовских гостей провожаю, они у нас погостили недели три. А м. Ксения у нас скучает, все время милый Тамбов (*вспоминает. – Ред.*). А я говорю, милая Караганда. Она прямо удивляется мне, что я привык в Караганде, пыльной своей Караганде. Да все привыкают. Меня в настоящее время все знают, сами знаете, сколько нужно было трудов и как служу сейчас, и как служил нелегально. Все приходилось пережить, все более плохое. Ксения Сергеевна говорит: «Сама удивляюсь, как-то устроилась поездка». Она говорит: «Я не собиралась ехать в Караганду, а Клавдия Алексеевна и Матрона Васильевна уговорили и усадили меня в вагон». И говорит: «Я поехала в Караганду». Она и в лесу меня не встречала, не провожала и боялась, что ее посадят из-за меня. Вот у ней такое понимание. И для нее все равно, что Иван, Петр, что Павел, что Андрей, Николай.

Вот уже прошли великие праздники, Пасха (т.е. Воскресение Христово), и Вознесение Господне, и День Святой Троицы. Всем-всем кланяюсь, кто знает меня, грешного. Недостойный иер. С.

Кланяюсь Матроне Васильевне и Тихону Васильевичу.

Письмо 10

Возможная дата написания 04.03.1957 г.

Мир Вам, Клавдия Алексеевна! Божие благословение да пребывает над Вами. Спешу Вам написать из дальней страны, т.е. Караганды. Вот уже и праздники прошли, Рождество Христово и Крещение Господне. Время бежит, и никто не может удержать, чтобы время стояло на одном месте. Начал Вам писать – то одно мешает, то другое мешает, один одно спрашивает, другой другое. Одни уходят, другие уезжают. Простите, ради Господа. О. Николай уезжает в Мичуринск, вот я спешу хотя немного написать. Не люблю писать, для меня великий подвиг составляет писание. У меня о. Александр, ему ничего не составляет, ни малейшего труда. Живем по-старому, без перемен, но о. Николай вам...

Всем-всем мой привет и вашим деткам. Были малые дети и малые скорби, а теперь большие дети и большие скорби, вот наша жизнь. Дорогие мои, прошу: молитесь за меня, грешного и недостойного. Все старею, все болею, к границе подхожу. Вера наша сделала операцию на левой ноге, у нее большой палец болит, и болит давно, более 10 лет, может даже лет 12. Уже два раза снимали ноготь, и боли страшные, поэтому она такая нервная и нетерпеливая. А жить нужно везде терпеть и терпеть, а у нас их много, семь человек. Нужно друга нести тяготу, в этом наше спасение. Грешный, недостойный отец ваш иер. С. Фомин.

Письмо 11

Мир вам и спасение и во всем поспешение. Получил я твое письмо, где вы описуете маленькую свою обиду, что мы мало вам пишем, простите ради Бога. Я вполне в этом виновник, писать я ленив, помолитесь. Некоторым нужно бы ответить, а я ленив отвечать, и всегда я таков, а особенно, когда теперь уже все идет к старости и слабости. И сам не замечаешь, как время быстро бежит, не замечаешь, как уже день склонился к вечеру. Время уходит незаметно. Вот уже и воскресенье, Преображение Господне. Наша Февроша приехала. И в Мичуринске она не была. Я не думал, что так получится, ну, что делать, насильно мил не будешь, раз у ней не было желания повидаться с сестрами и с вами. Но меня мало слушают, вот, дорогие мои, помолитесь за нас грешных и немощных. Особенно мне нужно бы всем показать свой спасительный пример, но по своей немощи не могу. Сегодня мы ожидаем и о. Константина из Москвы. Все суета сует, так и вся жизнь моя прошла в суете. Иногда и думаешь поправить свою жизнь, но слабости мои преодолевают.

Поздравляю я вас с праздниками Преображения Господня и Успения Пресвятой Девы Марии. Кажется, недавно была весна, а вот уже и лето проходит. Ах, время, время, все ты к вечности уносишь, и никто тебя не может удержать, только Тот, Кто содержит все видимое и невидимое в Своей власти.

Живем по-старому. Жаль, жаль то, что наша предобрая м. Февронья не побывала в Мичуринске, не повидалась с вашей мамой Евфалией Алексеевной, с

Николаем Павловичем. Да сестры есть духовные, с ними хотя бы повидалась и поговорила о духовной жизни. Ну, что делать, все делается по расположению своего сердца или по расположению своей души. Но она очень любит своих родных, а я, грешный человек, видно, своих родных мало люблю, простите. Простите, я во всем сам виноват. Трудно, мы все горды, друг перед другом не смиряемся, ничего не хотим терпеть, все хотим, чтоб по-нашему было, а по-нашему не бывает. Вот вы с бабусей желали, чтоб Юрий и Шурик были верующими, а они все более и более делаются неверующими. Для вас это тяжело, если бы они малограмотней были, слушались бы вас, и вы на земле были бы счастливы, а по смерти вечно радовались вечной радостью.

Все кланяемся, всем посылаю Божие благословение.

Грешный иер. С.

Письмо 12

Мир Вам, Клавдия Алексеевна!

Поздравляю я вас всех со святым Великим постом. Завтра Прощеное воскресенье, а мы живем немирно, непримиримо, горе нам, грешным, живущим на земле. На меня сейчас восстал враг, восстали на меня сестры Февроша, Груша и Катя, т.е. м. Екатерина.

У нас есть Шура, можно сказать, не все дома, и вот она привязалась к Груше. И так привязалась, как м. Елена, покойная, а Груша более уважает и еще Веру Васильевну, которая у нас живет недавно, а другую Веру, которая живет давно, ненавидит. Веру

Ткаченко, она ее не любит. А эта Шура с ума сходит, ревнует Веру Васильевну к Груше, а виновница более всего сама Груша. И вот теперь самая скорбь между нами, нет любви, а без любви нет спасения. Это Святое Писание говорит. Апостол Павел ясно указывает: если любви не имеем, то яко медь звенящая или кинвал звучащий. Сама знаешь, какая Февроша злопамятная. Господь да простит ее, сегодня день, всех нужно прощать, да прощать нужно всегда, а особенно сегодняшней день, установленный Святой Церковью. Помолитесь за меня, грешного, недостойного, унылого, немощного и ленивого монаха. У всех прошу прощения. Мой поклон о. Николаю, ждем его, о. Кифа ждет его на приход, прислал ему денег.

Остаюсь недостойный иер. С. Ф.

Письмо 13

Мир Вам, Клавдия Алексеевна. Давно я не писал Вам письмо, собрался немного написать. Живем по-старому, без перемен. От Марии Тимофеевны я получил 300 р. Спаси ее, Господи, за ее доброе расположение. Богомолец я плохой, сам имею большую нужду в молитвах. Живу в суете, сами знаете, в какой я суете живу. Вот уже зима у нас настала, октябрь позади, выпал снег, и довольно много выпало снегу, настоящая зима, морозы. Как зимой время бежит незаметно, давно ли было лето, а теперь уже зима. Думаю, вам зиму в России тяжело переживать из-за топлива, потому теперь дров мало. У нас ведь угля много. Караганда богата углем.

Клавдия Алексеевна, прошу Вас прислать, если можно, картинку всех святых. Я помню, что у Вас она была, спаси Вас Господи. Я все Вас беспокою своими просьбами. Я думаю, ее можно и в письме переслать. Всех святых я здесь не вижу нигде. Если уже у Вас нету, то, может, у кого еще есть. Так, дорогая Клавдия Алексеевна, я все к Вам. Как здоровье мамы Вашей и Николая Павловича, Юрика и Шурика? Юра, наверно, скучает по родным. Есть самая простая деревенская пословица: «В гостях хорошо, но дома лучше». Хотя в Москве и хорошо, но дома лучше. Берегите маму, без мамы вам плохо, сами знаете. Привет мой о. Дионисию, прошу святых молитв. Тася работает, а свои привычки остались с нею и при ней. Она привыкла спиртовые напитки выпивать, а спиртовые напитки они человека портят. *(Далее текст неразборчив)*... Т. Бондаревой, всем знающим меня грешного. Еще мой привет Кудиновым.

Знаете, Клавдия Алексеевна, почти каждый день вспоминаем о Мичуринске и о вас, близких. Здоровье все становится слабее и слабее. Как у вас там из-за хлеба? У нас можно найти пшеницу по 3 р. кило, только плохую, неважную. Урожай был хороший, но дожди не дали убирать хлеб. Много хлеба испортилось от дождей. Как Лонковы живут и страдают, помоги им, Господь, претерпеть до конца. К празднику пришлю немного денег. Ваша Клавдия уехала от Вас, слава Богу, Господь развязал Ваши руки. Остаюсь помнящий Вас грешный иер. С.

Письмо 14

Мир вам, дорогие мои и родные мои Клавдия Алексеевна и Евфалия Алексеевна, Николай Павлович, все дети ваши, и всем-всем посылаю Божие благословение. Саша все расскажет, как здесь живем. Лето тут у нас сухое и весна тоже так. И поэтому урожай плохой на хлеб и картофель, а главное, сено. Но живем по-старому. Шура расскажет, как мы здесь молимся. Вас ждал с Еленой Лосевой, но нет, наверно, скоро кончается лето, а потом и осень, а время бежит. Грешный недостойный иер. С.

Письмо 15

Да, мое здоровье становится все хуже и недуги все прибавляются. Теперь еще появилась новая болезнь, грыжа, и временами бывают сильные боли и приходится в то время сидеть или лежать, а дела церковные свое требуют, да требы само собою. Трудно для всех угодить, если Господь не может для всех угодить, а тем паче человек имеет все недостатки, все немощи, все недуги телесные и душевные. Ко мне еще приехал брат, которому уже 84 года, да дочери 67 лет, да снохе 50 лет, да внучке 20 лет, кончила 10 классов, сейчас учится в фельдшерской школе, да к тому же все они инвалиды, да еще есть мальчик лет девяти, да к тому же очень шалун. Но я с ними не живу, не вижу и этим не расстраиваюсь. Я им помогаю. Дальше, что Господь даст. Теперь я не один, а нас двое: я и о. Александр. Еще о. Кифа, киевский иеромонах,

иногда помогает служить и диакон. Служит по воскресеньям. С о. Александром доходы приходится делить пополам, а этим (о. Кифе и диакону) на наше усмотрение, смотря по доходу. Пишу, а боли от грыжи начинают усиливаться. Всем-всем кланяюсь и усердно прошу святых молитв о мне, грешном. Живем по-старому, без перемены. Помнящий вас иер. С.

Письмо 16

Мир Вам, дорогая крестница Клавдия Алексеевна! Божие благословение посылаю Вам и всему Вашему доброму семейству, всем Вашим сынкам-любимцам, Евфалии Алексеевне. Любимцы Евфалии Алексеевны плохо молятся, хотя она и любит их, но они за бабуся не будут молиться, а Николай Павлович, я знаю, будет за Евфалию Алексеевну молиться, и молиться будет усердно, а любимцы забудут скоро свою любимую бабуся.

Клавдия Алексеевна, я думаю Вам тяжело жить между двух огней: мамы и мужа. Помогите Вам, Господи, нести крест свой до конца и быть миротворцем вашей семейной жизни. Приношу Вам великую благодарность за Вашу память. Я получил от Матроны Васильевны и Тихона Васильевича и от Дамашки и от Раи посылки, были с яблоками. Яблоки целы и не испортились. Спаси, Господи, и помилуй Вас всех. Простите меня, грешного, мне забота прибавилась, приехал ко мне брат. Ему уже более восьмидесяти лет, восемьдесят четвертый год. Всех пять человек с братом. Я сам слабый человек, сами знаете, какое мое здоровье, самому иногда лишь до

себя. Ну что делать: тяготы носить друг друга, и я должен понести братьнину тяготу. Помолитесь за меня, грешного. Да без воли Отца Небесного и волос с головы не панет, так, дорогие мои, простите и помолитесь о мне, немощном. Общину нашу зарегистрировали теперь. Можно служить смелей, чем раньше. Раньше мы страшились, ведь я служил нелегально, под большим страхом. Служили, и таково было положение наше. Служили и по квартирам, все приходилось переживать. Я думаю, такова жизнь человеческая.

У нас 30 октября помер владыка митрополит Алма-Атинский, а из Москвы я получил от о. Константина известие о смерти митрополита Ленинградского Григория, который помер от излияния крови, ему лет 86 от рода. Это для церкви нашей большая потеря. О смерть, никто не может противостоятъ смерти. Смерть всех приемлет, великих и малых, т. е. незнатных. Завтра – 19 декабря. Стало быть, уже Миколов день. Снег пошел хороший. Зима установится. А то до этого были морозы, а снегу не было. А теперь уже на зиму похоже. Живем по-старому, без перемены. Перемена может быть такова: старость и слабость и немощи со всех сторон. У нас теперь делов много и, можно сказать, заботы. Дети большие, да непослушные. Это самая скорбь, дети не молятся, а вы помрете, тогда все забудут. О если были они как Вы, Николай Павлович, а то ведь они большие люди, пусть бабуся за них отвечает. Простите. Марии Тимофеевне привет и Божие благословение. Всем кланяюсь и прошу святых молитв. Иер. С.

Письмо 17

Мир вам, крестница Клавдия Алексеевна и Николай Павлович, и мама ваша Евфалия Алексеевна. Приношу великую благодарность за вашу память, дорогие мои. Вы помните и поминайте мою любовь к вам. Простите меня, я ведь такой грешник, все о других беспокоюсь и других исправляю, а сам все грешу и мало думаю о своей душе. Где ни возьми и какую угодно раскрой книгу духовного содержания, и в ней вы найдете то, что душа дороже всего мира. А я, грешный, все о земном думаю. Есть выражение такое: «Думы – за горами, а смерть за плечами». У вас тоже делов много и работа, и забота. Дети были малые и малые скорби, а теперь дети большие и большие скорби. Вот скорби: вы помрете, дети ваши не будут вас помянуть. Вот это тяжелей всего на свете. Вот, дорогие мои, лучше дети были бы маленькими людьми да почитали Бога и вас, как родителей, и у вас душа была покойна.

Простите, м. Иоасафия вам расскажет, как мы живем. А Елена никак не соберется, это лукавый заградил ей путь ко спасению. Простите, остаюсь помнящий вас недостойный иер. С.

Далее приписка Вари.

Дорогие мои, шлем вам привет и желаем милости Божией. Клавдия Алексеевна, благодарю Вас за чулочки, а я Вам, не знаю, может быть, сегодня куплю. Евфалии Алексеевне тапочки посылаю, пусть маму мою помянет, она ее знает. И платок. Простите, грешная Варя.

Письмо 18

Мир вам, Клавдия Алексеевна и мама твоя Евфалия Алексеевна, а затем Николай Павлович и детки ваши и все знающие меня, грешного. Сейчас встал с постели, отдыхал. Сегодня праздник Сретения Господня, поздравляю я, грешный, вас с праздником Сретения Господня. Вот уже сорок дней прошло от Рождества Христова. Время идет, вот-вот при дверях Великий пост. Святая Церковь готовится чад своих к святому Великому посту. Простите меня, грешного, и помолитесь за меня, недостойного. Время идет к весне, от весны к лету, от лета к осени, от осени к зиме. И вот и так вся наша жизнь проходит в суете, просто мы не замечаем этого сами за собой. Простите и простите, писать я ленив, да вот мое горе, пишу и мажу, все письмо измазал, перо меня не слушает, а ум мало работает. Я получаю письма, а мало отвечаю на них. К этому причин много. К тому же я человек малограмотный. Часто-часто получаю письма от Марии Тимофеевны Чистяковой. Она все пишет относительно своего брата Сережи или Сергия, который перешел в загробный мир и там теперь все видит, но поправить уже ничего не может. Марии Тимофеевне, ей жалко его. Но он сам не хотел свою ошибку исправить при жизни, когда еще мог бы исправить своим чистосердечным покаянием и сокрушенным сердцем. А в аду кто же исповедуется, раз попал, безверие – это хуже всего на свете. Хотя все мы грешники, но Господь кающихся грешников прощает, а неверующих Господь не прощает и наказывает своим праведным судом. Я, грешный, думаю, он теперь

видит свою неисправимую ошибку. Боже мой, Боже мой. Передайте ей то, что вещи я ее получил и вот каждый день собираюсь ее известить о том. И поручил их Ольге Степановне раздать по бедным. Конечно, бедные и у вас есть, но их благословил нуждающимся раздать. Конечно, мне они не нужны, у меня своих вещей много, приходится свои вещи раздавать. Хорошо было бы при жизни все свои вещи раздать, а то ведь вещи душу отягощают. Придет смерть, все оставишь, хорошо если эти вещи верующим в руки попадут. Так помолитесь, дорогие мои. Да, жалко Марию Тимофеевну, но помочь не могу. Плохо то, что при жизни не послушался своей сестры.

Вот я встал с постели и начинаю кашлять. Кашель меня все более беспокоит. Знаете, я берегусь и никак не сберегусь, а кашель свое берет. Значит, время свое берет, старость и слабость. Помолитесь.

Еще извещаю вас в том, я ваши бурки не носил целый год, нет, пожалуй, не год, а два года не носил, а теперь всю зиму ношу, все дни служу в них и благодарю за них. Я ведь не думал их носить, а теперь они пригодились, и очень пригодились служить Божью службу.

Сегодня (*день памяти. – Ред.*) Симеона Праведника и Анны Пророчицы. Зима у нас сиротская, буранов мало было, а вы писали, что у вас были дожди, вот какая разность. Хотя у нас были теплые дни, но дождей не было. Остаюсь всегда помнящий многогрешный и недостойный иер. Севастиан.

Письмо 19

Мир Вам, дорогие мои, Клавдия Алексеевна и все Ваши родные. Спаси, Господи, и помилуй. Давно-давно не писал Вам, теперь немного собрался Вам всем написать. Я думаю, м. Февронья Вам (*расскажет. – Ред.*). Я все время болею. Радикулит у меня. Одно пройдет, а другое найдет. Так, видно, человек этому подвержен. Спаси, Господи, всех живущих в этой юдоли плачевной. А тут еще у Седых скорбь с домом. Но теперь, по-видимому, все устроили по правому. Слава Богу, пришлось все пережить, а я ведь сам никуда не годный во всех делах, а скорбей хватает, ведь они, скорби, со всех сторон, если люди имеют много опытов, и то скорби есть. Скорби, ну ясны, нам и во гроб с ними идти. Они Богом посылаются.

Письмо 20

Христос посреди нас!

Дорогие наши о Христе Клавдия Алексеевна, Евфалия Алексеевна и Николай Павлович. Вся наша семья кланяется вам, а Батюшка шлет вам свое благословение. Получили мы ваши два письма: одно – в котором пишете о Шурике своем, а другое – о Домаше. Читали ваши письма. Батюшка о Шуре вашем сказал, что нужно ему жениться. Девушку скорей можно найти верующую, да вот он сам-то не очень верующий. В Церкви больше можно видеть девушек, а молодых людей очень мало, почти никого. Относительно оформления на работу ему. Там ему будет виднее, как ему поступить, а потом советует

оформляться обождать. Молодой, еще нарабатывается, пусть поживет или побудет дома и поможет вам в вашем хозяйстве. Спаси, Господи, вас за письма, а мы вот или разленились – никак никому не пишем. Живем пока, слава Богу, все по-прежнему, но Папа наш все слабеет, очень часто его беспокоит грыжа и кашель, просим святых молитв. Погода у нас тоже холодная, и дожди почти каждый день, все посадили, но рост плохой.

О Домаше Папа сказал – пусть едет, Господь ее не оставит. Было бы смирение и терпение, а жилищки будут, будет с кем жить.

Прошу, передайте от нас низкий поклон сестрам м. Евгении, м. Пахомии, м. Анастасии, м. Матроне, Тихону Васильевичу, Наташе, Тоне, Симе и их маме, Саше и его родителям, и всем-всем, знающим нас, всех не перечислили. Праздники мы, слава Богу, провели благополучно, народу было много, хотя с вечера и всю ночь лил дождь. Ну, за все, слава Богу. Простите, прошу святых молитв. Сегодня 27/V н/с. Сейчас только приехали с мелькомбината, уехали в воскресенье к вечеру, сегодня вторник. У Анны Сидоровны поминали отца на его День Ангела, а сейчас пишу у Батюшки. Папа спит, а на дворе идет дождь. На Мелькомбинате такие хорошие огороды большие. Папа все их навестил, и мы с ним. Спаси его Господи, так все остались утешены.

Далее пишет батюшка. Кто писал первую часть письма – неизвестно.

Поздравляем с прошедшим праздником, время идет, давно ли была Пасха, а вот уже Троицын день накануне. Ждем и собираемся, заботы много,

особенно настоятелю. Настоятель должен за всем (*смотреть. – Ред.*) и давать здоровое распоряжение и Божие благословение. Дай, Господи, каждому настоятелю св. мудрость жить и трудиться во славу Божию для пасомых людей. Но, к сожалению, теперь очень-очень мало таких религиозных настоятелей. Горе нам, грешным. Пророк Давид говорит: «Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный...». Да святую Церковь врата адовы не одолеют до скончания века. Будут и хорошие настоятели, а плохих более. Но на все воля Божия, без воли Божией ничего не бывает. Сейчас встал с постели и во сне видел сон, который меня устранил. Как будто я служу в каком-то доме, народу много, и я собираюсь по книжке говорить проповедь. И вдруг летит самолет, возле самого молитвенного (*дома. – Ред.*) сел. И вдруг выходит человек за мной, но человек не военный, а простой. И вот говорит: «Собирайся». А я говорю: «Куда, далеко?» – а он молчит, ничего не говорит. И я в это время растерялся, чего брать и чего не брать. И потом проснулся, и, слава Богу, что во сне. И тем кончилось, что во сне состоялось. Желатель вашего спасения недостойный архим. С.

Письмо 21

Господи, благослови меня, грешного, написать несколько на утешение моим духовным чадам, на пользу душ их и тел их.

Благословение посылаю вам Божие, дорогие мои Клавдия Алексеевна, Евфалия Алексеевна, Николай Павлович, а также Юрику и Шурику, т. е. вашему, Евфалия Алексеевна, любимому внуку Александру

Николаевичу. Теперь он уже не Шурик, а Александр Николаевич Сафонов, инженер, имеет титул инженера. Дай, Господи, чтоб он хотя бы бабусю слушался, да и вас почитал как мать по долгу человеческому. Молитесь Господу Богу, чтоб он познал истину, истину Божью, а то ведь он не знает, что эта за истина Божия, которая просвещает всякого человека, грядущего в мир. Без истины тяжело человеку жить в мире сем, грешном и прелюбодейном. Пусть дети ваши были бы простыми людьми, да у Бога были великими, помощи вам, Господи, дорогие мои.

Спаси вас, Господи, дорогие мои, помолитесь за меня, грешного, унылого и недостойного. Слабости все боле и более приближаются с каждым днем, даже, можно сказать, с каждым часом, хотя бы и не желал этой слабости, а она сама почему-то владеет мной невольно. Вот, дорогие мои, эта слабость напоминает о вечности, которая все ближе и ближе ко мне и каждому из нас приближается, и этим Господь напоминает, нам грешным, о ней. Вот сегодня воскресенье, собираюсь служить Божественную Литургию, нужно к этому хорошо, т. е. со страхом Божиим приготовиться к Божественной службе. А я, грешный, плохо к этому страшному делу готовлюсь, во время Божьей службы дремлю и страху нет. Другие думают, что я молитвенник, а я плохой молитвенник. Меня почитают за молитвенника, а я молитвенник слабый и никуда не годный.

Время настоящее полпятого, скоро нужно и правило читать, а я, грешный, занялся делами мира

сего грешного. Дали черный и хороший отрез для рясы или подрясника. Хотел было свою одежду раздать, а тут еще прибавляются, ой, Боже мой, суета сует. Господи, помоги мне грешному исправиться и раздать при жизни свои вещи, которые обременяют грешную мою душу. Конечно, дали молиться за них и за их умерших родственников. У нее недавно сын-офицер военный помер, нужно поминать и даже молиться, а я ленив. Тут и за себя не молимся, а за это нужно молиться, молиться и не лениться. А теперь особенно люблю полежать, слабость моя заставляет полежать. Завтра понедельник, ваши собираются в путь, спаси их, Господи.

Погода у нас стоит хорошая, но был и снег, и дождь, и мороз временами. Скоро погода меняется, даже резко.

Клавдия Алексеевна, сыну м. Феодосии Вячеславу я заказывал для церкви подсвечники, но ничего нет, ни ответу и ни привету. И мать Феодосия собиралась приехать, но нету.

Божие благословение всем-всем: Матроне, Василию и Тихону Васильевичу. М. Анастасия вам все расскажет про нас, как мы живем и суетимся. Здоровье мое все слабеет и слабеет, в Мичуринске уже мне не придется побывать по старости и по слабости. Письмо тоже ленив писать.

Поздравляю я вас с наступающим Рождественским постом, от души желаю вам провести его молитвенно. Посылаю вам на молитвенную память книгу читать, когда есть время. Остаюсь недостойный архимандрит С.

Письмо 22

Христос Воскресе!!!

Поздравляю вас с торжественным всерадостным праздником Светлого Христова Воскресения и от души желаю провести в мире душевном и радости духовной. Простите, что ленив, писать не умею, да и некогда: то болезнь, то служба, то посетители частые, недуги заставляют лежать. От души желаю, чтобы сподобил Господь праздновать вечную Пасху, где нет болезни, печали и вздыхания.

Недостойный архимандрит С.

Приписка к письму.

Дорогие наши Клавдия Алексеевна и вся ваша семья. Поздравляем вас всех с великим праздником и со всеми вами христосоваемся. Христос Воскресе! Папа слаб, но служит по праздникам и очень торжественно. Пишу в Великую Субботу в 6 часов вечера, а в 10 часов пойдем. Помолитесь, чтобы благополучно встретить праздник. К нам в Великую Пятницу приехала из Москвы Домашина родня Зина. Очень хорошая девочка. Клавдия Алексеевна, не забудьте поздравить всех-всех от нас.

Письмо 23

Мир Вам, Евфалия Алексеевна, и Божие благословение пребывает над Вами.

Простите, Евфалия Алексеевна: от души прошу прощение за мое невнимание, нерадение. Я стал невнимателен сам к себе самому и к другим по своему слабому здоровью. Здоровье все слабеет и ум

тоже слабеет, также и Господь дает каждому свой крест и крест тот, который мы можем нести.

Евфалия Алексеевна, я должен благодарить Господа Бога за его великие милости, особенно ко мне, грешному. И Вам Господь посылает свою милость, ведь Вы еще можете молиться за детей, т. е. внуков. Ведь они теперь отвыкли молиться от духа времени. Ну, что же делать, за них нужно молиться, просить Господа, чтобы Господь вразумил их. Много-много теперь молодых людей, которые гибнут от своей неразумной молодости, теперь ничего не признают. Благодарение Господу, что у Вас дочь такая хорошая молитвенница, спаси ее, Господи, дай, Господи, таких людей побольше. Клавдюша, она и за вас всех молится. Помоги ей, Господи, эту добродетель иметь до самого гроба. Я, грешный, не имею ничего доброго, ни смирения, ни терпения, а главное, нет у меня молитвы. Сейчас ночью на Нижней, сами знаете, где, легли в 12 часов, а проснулся в два часа и более не мог уснуть. Пришлось вставать и писать письмо в Мичуринск. Как-то все ненормально, и спишь, и ешь, т. е. кушаешь, все ненормально. Так пришло время, Господь дает для покаяния. И мы должны этим временем дорожить.

Простите, Евфалия Алексеевна, я много не могу писать, по своему малому уму припоминаю Симу.

Клавдия Алексеевна, вот посылаю Вам крупу пшеничную для раздачи на Ваше усмотрение, как там уже Господь известит, кому два стакана, а кому и можно три стакана. Крупа очень хорошая, кушайте на доброе здоровье. Ведь вы меня вареньем

снабжаете, так, дорогие мои, сам не знаю, чего бы на благословение вам, так пришлось послать крупы для каши.

Клавдия Алексеевна, прошу прислать мне, сколько в вашей Ильиновской церкви в будни продают просфорок. Не в праздник, а в будни. Мне хотелось знать 40 ли, или 50, или 70, или 100, или, может быть, 150. Клавдия Алексеевна, простите за любопытство.

За это время у нас было много дождей, зелени много, огурцов, и помидор, и картофеля.

Мой привет и Божие благословение всем-всем, знающим и незнающим меня, грешного и недостойного. Вспоминаю Мичуринск ваш. Видно, больше не придется его видеть по своему слабому здоровью. Время идет и к вечности приближает.

Дорогие мои, всех-всех поблагодарите за утешение – присланные деньги и варенье. Мне нужно день-ночь молиться. Больше всего лежу по своей немощи. Простите, ради Господа нашего Иисуса Христа, грешный и недостойный архимандрит Севастиан.

Вера расскажет, как мы здесь живем.

Письмо 24

Храни вас всех, Господи, Своею милостию, дорогие мои.

Не много пишу Вам, Клавдия Алексеевна, всем знающим меня, грешного. Во-первых, посылаю Божие благословение, да пребывает над вами. Приношу благодарность тебе, Клавдия Алексеевна и

маме твоей, Евфалии Алексеевне, и остальным матушкам, всем, знающим меня. Вот уже приближается святая Четырдесятница, время идет незаметно. Как мы мало о том думаем (т. е. о времени). О, горе нам, грешным, живущим на грешной земле. Подумать нужно получше о том, как мы себе создаем на земле своими делами и поступками жизнь мучительную. И мы никак не можем исправить своими делами, потому что мы сильно горды. Ведь Господь смиренным дает благодать, а гордым Господь противится.

Живем по-старому, перемен особых нет, хотя с весны начиная, уже можно сказать, боли все притесняют церковные дела.

Дорогие мои, дай, Господь, хотя бы и так молиться по милости Божией. А время идет, Людмила вам расскажет про нашу карагандинскую жизнь.

Как ваши мичуринские батюшки? Ваши батюшки еще молодые, по требам и пешком ходят, и на машине ездят, а мой батюшка пешком мало ходит. У нас есть машина, она обслуживает нас.

Как о. Георгий, мамы вашей духовник, бывает у вас? С Николаем Павловичем беседует? И Николай Павлович расположен ли к нему, как к духовному отцу? Николай Павлович постарел, нужно ему и подумать о смерти. Смерти никто не может миновать и переход в вечность.

Дорогие мои, простите меня. Я ленив писать, ленив и добрые дела делать, ленив особенно молиться. Горе мне, на меня смотрят как на святого человека, а я как самый великий грешник, нет у меня

добрых дел. Господи, прости меня, грешного и недостойного. А тут дали титул архимандрита. Простым иеромонахом лучше, а самым простым монахом или послушником еще легче. Им меньше отвечать перед Богом и людьми, так, дорогие мои. Я знаю, Клавдия Алексеевна, Вы скорбите о том, о своих сынках, пусть бы они не были так учены, но зато Бога имели. А то ведь Бога потеряли, а без Бога плохо жить на свете, а главное, хорошо с Господом в Вечности. А здесь все пройдет. Как мне только нужно бы помнить о смерти, всякое житейское отложить попечение, а мы так привязались к земному попечению. Приношу всем благодарность за молитвы и за память.

Спаси, Господи, вас, дорогие мои, всегда помнящие. Передайте мой привет вашим батюшкам и прошу святых молитв. Жду вас с Матроной Васильевной. Недостойный архим. С.

Письмо 25

Мир тебе и Божие благословение, дорогая Клавдия Алексеевна.

Мы пока по милости Божией живы, хотя и не совсем здоровы. С каждым днем здоровье мое слабеет, но пока еще служу понемногу, даже и на требы выезжаю. Сейчас только приехал с мелькомбината. За все слава Богу.

Тетю Маню поминаю как могу. Будьте Богом хранимы. Божие благословение бабусе, Николаю Павловичу и деткам. Простите. И еще кланяются вам все мелькомбинатские.

Простите, дорогая Клавдия Алексеевна, прошу прощения у всех за все, а главное, моя лень не дает время писать письма. Я одного прошу: молитесь за меня, грешного. И так, дорогие мои, вот. Всегда помнящий вас недостойный архимандрит Севастиан.

Письмо 26

5 августа 1958 г.

Мир вашему дому, благодать Божия да будет над вами!

Посылаю вам всем Божие благословение, дорогие мои Евфалия Алексеевна, Николай Павлович, Клавдия Алексеевна и всем вашим чадцам. Поздравляю вас с прошедшими праздниками и желаю от души встретить летние праздники (Преображение Господне и Успение Божией Матери) и провести их в душевном покое и телесном здравии.

Дорогая Клавдия Алексеевна, мы по милости Божией живем, слава Богу, по-прежнему, почти без перемены. Гости посещают нас аккуратно, скучно не бывает. Дорогие, письмо и лепту вашу получили, за что сердечно благодарим. Из вашего письма видно, как вы, бедные, скорбите о своих сыновьях. С малыми – горе малое, а с великими – великое горе. Мне думается, еще большее горе, когда дети забывают Бога. Горе тем, которые не верят в Бога, с чем мы придем ко Господу, даже вспомнить страшно, только одна надежда, что Господь долготерпелив и многомилостив.

Дорогая Клавдия Алексеевна, все сестры Вам кланяются, все живы, по-прежнему здоровы, как и

всегда. На том, думаю, кончать. Желаем от души душевного спасения, телесного здоровья.

Далее пишет одна из сестер, возможно, Вера.

Погода у нас стоит хорошая. Дожди бывали часты. Картофель травой очень хороший, а также и огурцы и помидоры. Но завязи очень мало и еще пока не видим так, как в прошлый год. В прошлые года в это время уже давно кушали, а сейчас еще нет. Кое-кто для дорогого батюшки приносит. Господь посещает нас, да еще и мало, мы и этого не заслуживаем, что получаем.

Дорогая Клавдия Алексеевна, что дороже всего для вас, этого я пропустила, как здоровье батюшки. Батюшка благословили писать вам, а сами легли отдохнуть, и вдруг приезжают с Федоровки за батюшкой, и мне пришлось оторваться.

Здоровье дорогого нашего батюшки очень слабое, кашель, грыжа, боль в спине, судороги ног. Забота о церкви, серьезные дела, усмирить сестер и братьев, успокоить больных и забота о сиротах, и все-все, что есть, все ему, бедненькому, приходится переживать и всех успокоить, а мы все никто не слушаем. После мы все хватимся, но будет уже поздно. Служит Господу не покладая рук, каждый Божий день в храме, и нас приучает. А мы ленимся и ропщем, что устали, а он вроде не устает. Да ведь и года уже преклонные. Помолитесь, дорогие, чтобы Господь укрепил его здоровье для нас, грешных, для поддержки.

Простите, что написала много, но читать нечего. Я ведь неграмотная, думаю, что догадаетесь, кто так написал неграмотно. Простите, грешная Ве...

Далее написано рукой батюшки.

Уже простите, дорогие мои, помолитесь за меня, грешного и недостойного архимандрита С. Ф. Божие благословение всем, дорогие мои, грешный архим. С.

Письмо 27

Мир вам и Божие благословение всем-всем, знающим меня, грешного и недостойного. Поздравляю я вас всех с великим наступающим вседостойным праздником Рождества Христова и последующим за ним праздником Крещения Господня. От души желаю провести эти великие дни в мире душевном и телесном здравии и во всяком благополучии, а главное, молитвенно, а где молитва и мир, там Бог. Бог наш на Небеси и на земли, вся елика восхоте сотвори, с нами Бог, разумеите языцы и покоряйтесь. Яко с нами Бог. Наше главное дело – спасение души, а душа дороже всего мира. Аминь. Недостойный архимандрит С. Фомин.

Далее пишет м. Агриппина.

Дорогая наша Клавдия Алексеевна и вся ваша семья, поздравляем вас с великими праздниками Крещения Господня. Простите, что задержали с поздравлением. Письма ваши получили, спаси, Господи, вас и всех сестер. Просим святых молитв о нас всех, а особенно за отца нашего духовного архимандрита Севастиана. Совершилось это 9 декабря старого стиля в воскресенье. Так в храме все плакали, даже мужчины, не зная от чего, или от радости, или все знали, что он этого не хочет. Батюшка очень переживал. Но когда надели митру, то батюшка был подобен ангелу. Лицо его сияло от благодати. А когда владыка читал молитвы над

головой батюшки, бесноватые кричали без слов. Здоровье папы очень слабое. Простите, грешная Агриппина.

Письмо 28

Дорогая Клавдия Алексеевна! Посылаю Вашему семейству Божие благословение и поздравляю с наступающими великими праздниками Благовещения Пресвятой Богородицы и Вербного Воскресенья и желаю встретить и провести в мире душевном и радости духовной. У нас пока слава Богу за все, только я слабею и слабею с каждым днем, но пока еще по милости Божией служу, как и всегда. Только я теперь служу если две обедни, то раннюю, а позднюю исповедую. А если плохо, могу немного отдохнуть.

Клавдия Алексеевна, я Вас очень прошу объяснить мичуринцам своим о нашей церкви, а то они меня называют владыкой и про монастырь поминают. Так вот, расскажите, что этого ничего нет.

Будьте хранимы Богом.

Письмо 29

Дорогая Клавдия Алексеевна! Поздравляю Вас хотя уже с прошедшим праздником Светлого Христова Воскресенья! Сегодня по народному обычаю «Радоница», у нас было две обедни, я служил позднюю и панихиду, а после обеда ездил на кладбище, хотя служить на могилках нам запретили, но я просто христосовался с дорогими мне покойниками, и кое-где пели «вечную память». Когда

вернулся, было около восьми вечера, служба вечерняя уже кончалась. Сегодня провожаем Полю. Праздник мы встретили и проводили благополучно, начиная со Страстной Среды и включая сегодняшний день, я служил каждый день. За все слава Богу. Посылаю Божие благословение Николаю Павловичу, Евфалии Алексеевне и всем Вашим деткам с внучатами.

Далее приписка другой рукой.

Всем-всем посылаю Божие благословение, всем мичуринцам, руки мои дрожат от слабого сердца, все приходится переживать, но горе тому, нет смирения и терпения. Посылаю вам всем-всем мичуринцам сухой рыбки, и батюшкам тоже, хотя бы по одной сухой рыбке.

Испрашиваю ваших святых молитв, недостойный арх. С.

Приписка другой рукой.

Мир вам и спасение и во всем благое поспешение. Так, дорогие мои, помолитесь за меня многогрешного. К празднику посылаю рыбки. То ведь у вас там нет рыбы, у нас пока есть рыба. Остаюсь помнящий вас архим. С.

Письмо 30

Мир вам, дорогие мои дети!

Посылаю я вам Божие благословение, и всему вашему семейству, и дому вашему. Желая провести эти великие дни Страстной седмицы и Пасхальной седмицы молитвенно, в мире душевном и телесном здравии, а где молитвы, там праздник. Праздник – отрада для души. Клавдия Алексеевна, получил я

ваши деньги, которые вы посылали с Домашей, 200 р. Из вашего письма видно, тяжело было вам с Юриком, горе в том, что он неверующий человек. Но вы молитесь за него. Живем по-старому, простите. Остаюсь помнящий вас недостойный архим. С.

На обороте письма – письмо одной из духовных дочерей к Клавдии Алексеевне без подписи.

Христос Воскресе!

Дорогие Евфалия Алексеевна, Николай Павлович и Клавдия Алексеевна, поздравляем вас со Святой Пятидесятницей. Дай, Господи, провести в духовной радости. Мы пока по милости Божией живем слава Богу, праздники провели спокойно и благополучно. Авва Страстную со среды и всю Пасхальную седмицу служил, ежедневно трудился с любовью и бодростью, благодать Божия его подкрепляла. Погода была чудная, тепло и сухо. Все Пасху с крестным ходом ходили раздевшись, в субботу немного покропил дождь, но все-таки ходили и потом начали артос раздроблять. Но авва все время на улицу не выходил, а провожал и встречал в храме и читал последнее Евангелие. А на Пасху сам батюшка ходил, но кругом не ходили, потому что нельзя пройти, тесно, а только на паперти закрывали дверь церковную и там начинали светлую утреню и потом отверзали двери и входили в храм. Все праздники Господь нас утешил, батюшка возглавлял сам. Не знаем, как благодарить Господа за его милость к нам, грешным. Трудитесь до последних сил. Господь его укрепляет своею благодатию.

Письмо 31

Мир вам, Божие благословение да пребывает над вами, дорогие мои!

Клавдия Алексеевна, Николай Павлович, Евфалия Алексеевна! Всех вас я поздравляю. С великой скорбью узнал о том, что ваш храм во имя Пророка Илии закрыли. Конечно, делается по воле Отца Небесного, так, дорогие мои, а нам, грешным, тяжело предаться в волю Отца Небесного. Простите, легко говорить, да трудно выполнять по нашей немощи, особенно мне, грешному. Жаль ваш храм. Храм очень хороший, старинный. Храм молитв, а сделали храмом разбойников, особенно мы сами виноваты, священнослужители Божьего алтаря. Мы теперь должны не осуждать друг друга, а молиться, друг друга прощать, чтобы Господь простил нам наши грехи.

Храмы Божии все закрываются, подумайте о том, сколько храмов было в ваших районах, и в праздники они были полны молящимися верующими. Помоги, Господи, нам все переживать и от веры не отпасть. И Господь укрепит в вере и любви, чтоб между нами согласие, любовь была. Читайте более духовные, т. е. святые книги для поддержки своей слабой веры. Ведь очень мы слабы во всех делах христианских. Простите меня, грешного недостойного, верующих все менеет и менеет. Да, видно, Господу Богу угодно. Помолитесь за меня, немощного и унылого, утружденного бурными помыслами. Прошу святых молитв. Жизнь наша минутная. Мать Груша наша заболела, проводили о. Иоанна и с нею случился припадок сердечный.

Недостойный архим. С. Посылаю вам по рыбке и Надежде Ивановне.

Письмо 32

Христос Воскресе!

Дорогие Клавдия Алексеевна, Евфалия Алексеевна, Николай Павлович и все ваши дети. Поздравляю со Святой Пятидесятницею, а руки плохо пишут. От души желаю провести святую Пятидесятницу в духе христианском и молитвенном, а главное, в мире, а где мир – там земное небо. Если будете жить по-христиански, то после смерти в другой мир перейдете, где уже нету печали, но жизнь бесконечная, дорогие мои дети. Жаль мне всех вас, стали слабые, старые, тоже немощные. И я, никуда не годный, слабый, хилый, испрашиваю святых молитв за меня, грешного, ленивого и утружденного бурными помыслами.

Посылаю вам рыбу для ваших старушек, там сами знаете.

Грешный арх. С.

Надежде Ивановне дайте, она больной человек. Прошу святых молитв ее за меня, грешного. И Божие благословение всем, знающим меня, грешного. Скоро праздник Вознесения Господня и День Святой Живоначальной Троицы.

Письмо 33

13.08.1963 г.

Мир вам!

Божие благословение шлю Вам, дорогая Клавдия Алексеевна, и всему Вашему семейству.

Поздравляю с наступающим Успенским постом и желаю здоровья и мира душевного.

Мы, слава Богу, пока живы, живем потихоньку и передвигаемся вперед малыми, а не гигантскими шагами.

Здоровье мое, конечно, слабое. Болезней много, но что ж, все приходится терпеть, ибо этому и учу вверенное мне Богом стадо, а прежде, чем учить, надо все самому испытать и претерпеть. Все боли, невзгоды, неприятности, которые Господь попускает или чрез людей, или чрез лукавого.

Но, несмотря на слабое здоровье, все еще служу помаленьку.

Желатель вашего спасения, недостойный архим.
С. Простите, рука дрожит.

Письмо 34

14.01.1964 г.

Мир вам!

Уважаемые Николай Павлович и Клавдия Алексеевна с детками, поздравляю вас с прошедшими и наступающими высокаторжественными праздниками, а также с наступающим Новолетием 1964 г. и желаю душевного и телесного здоровья, спокойствия и мира души.

Мы, слава Богу, по милости Божией встретили и проводили Рождество Христово хорошо, а сейчас готовимся к Крещению. На Рождество служили две обедни: с вечера полпятого, а утренняя была в четыре часа утра.

Здоровье мое, конечно, слабое, то ничего, а то вдруг сразу или грыжа, или слабость, а особенно, когда служу и порошок нельзя выпить и со службы нельзя уйти, но все еще потихоньку служу.

На Рождество и после у нас был сильный буран, а сегодня хорошая, теплая погода: потихоньку идет небольшой снежок.

Скоро день кончины мать Веры на преподобного Серафима, а сегодня, т. е. 14/1, мой отец Василий именинник.

Новостей особых нет, все по-старому, понемножку служим.

Недостойный архим. С.

Письмо 35

Мир вам и спасение, дорогие мои Клавдия Алексеевна, и Евфалия Алексеевна, и Николай Павлович, и все знающие меня, грешного и недостойного. Простите, ради Господа нашего Иисуса Христа, простите, что мало пишу. Сейчас писал ответ Питириму, и писал целый (*час. – Ред.*), а написанного ничего нет. Я писарь очень плохой, почти никому не пишу, руки дрожат. Дожили до старости, а ума нет, мне пишут, а я более молчанием отвечаю.

Дорогие, сегодня кто-то приезжает от вас. Передайте Валентине Ивановне, маму ее поминаем,

как можем. Дорогие мои, пока можно, молитесь друг за друга. Все вспоминаю Мичуринск и вас всех, кого знаю. Поздравляю вас с наступающими великими днями: Святой седмицей и Светлым Христовым Воскресением. Желаю встретить и провести молитвенно. Недостойный архим. С.

Далее приписка карандашом неразборчивым почерком.

Теперь во всех болезни. Поле и Люсе передайте привет и поздравления с праздником. Женя идет на почту, и я, дай Бог, сейчас поехал на Комбинат.

Письмо 36

Милость Божия да пребывает над всеми вами. Посылаю Божие благословение всем знающим меня, а маму твою – с Днем Ангела. Вспомнил ее, когда служил молебен. Спаси ее, Господи.

Евфалия Алексеевна, поздравляю я Вас с прошедшим Днем Ангела, простите, что не так было нужно (*поздравить. – Ред.*), но я думаю, Вы не взыщите с меня, потому что я рассеянный, старый человек. Заботы много, дела все не клеятся. Такова жизнь, сами знаете. Только прошу святых молитв. Нужно готовиться в другой мир, мир невидимый. Если молодые помирают, а старому нужно быть всегда готовому и подумать о том, с чем явиться в Вечность.

Простите, помолитесь за меня, нерадивого, унылого, печального, во многие беды падшего. Мое желание – душевного мира и спасения. Все верующие должны между собою жить мирно. Вот видите, вы такие верующие, а сестра Катя совсем

другая, также Клавдия и Мария. Когда-то они ездили в Оптину, а теперь совсем перевоспитались по-другому. Простите, собираюсь прочитать правило. Грешный архим. С.

Письмо 37

Милость Божия и покров Царицы Небесной буди со всеми вами. Посылаю вам всем Божие благословение, поздравляю с прошедшим праздником Рождества Христова и предстоящим праздником Богоявления. Письма ваши получил. Клавдия Алексеевна, но с ответом задержался. То нездоровье, то недуг. Все у нас пока по-старому. К празднику все почти переболели, голоса пропали. С большим трудом и Божией помощью все же провели все службы, слава Богу. Сейчас немного легче стало, а дальше, как Бог даст.

Недостойный архимандрит С. Фомин

Письмо 38

Мир Вам, Клавдия Алексеевна, и Божие благословение да пребывает над вами. Спаси, Господи, вас всех, знающих меня и сестер моих. Поздравляю вас с прошедшим великим праздником Рождества Христова и наступающим великим праздником Крещения Господня. Время бежит, не останавливается, и никто не может его остановить. Тот может его остановить, кто установил времена и лета. Клавдия Алексеевна, Вы уже меня простите, лентяя такого, ах, я ленив писать много. Нужно было, но я по своей лени мало пишу. То немощь, то лень,

то болезнь, то всякие невзгоды. Но более всего лень. У меня такое бывает настроение, думаю лучше почитаю.

Остаюсь всегда помнящий вас, недостойный и грешный архимандрит Севастиан.

Завтра по-старому стилю Новый год. Служба Обрезанию Господню и Василию Великому. Я ошибся, нужно бы год провожать во вторник вечером, тогда праздновали вернее, а я совершенно забыл про Новый год. Еще посылаю Божие благословение всем вам. Помолитесь за меня, грешного и недостойного.

Письмо 39

Мир вам, дорогие мои! Евфалия Алексеевна, поздравляю с прошедшим Днем Ангела вашего. Время, время настает незаметно. Вот сегодня среда крестопоклонной недели, половина Великого поста прошла. В пятницу будет Сорок мучеников – первый весенний праздник. У нас снегу нет нисколько, в степях и полях сухо наверно. Когда ваши девочки были, то уже снегу не было. Вот сегодня ночью был сильный дождь, а днем только облачно, солнца нету. Прошлое лето было сухое. Не дай, Господи, и нынешнее лето такое. Зима у нас хорошая была, а снегу мало было. Вот, дорогие мои, по-нашему не бывает. Как уже Господь даст за грехи, и награду по делам нашим получаем.

Клавдия Алексеевна, поздравляю вас всех-всех с великими днями. По милости Божией и за вашими святыми молитвами пока живу на земле и дальше, что уже Господь даст. Все Господом живем и

движемся, по Господню повелению все мы земнородные. Елена Андреевна расскажет про нашу жизнь. Спаси ее, Господи, она немного ошибается. Пишу вам письмо, а сам дремлю, наверно, это от слабости сердца. Так, дорогие мои, Божие благословение Надежде Ивановне Фурсовой или Вельгельмовой. Поздравляю ее с великими днями недели святой Страстной седмицы, а потом Господня седмица. Поздравляю всех болящих, немощствующих с великими днями. Простите, я пишу, а тут и испрашивают...

Хочу немного в Мичуринск хотя пять слов написать на утешение. Вот, дорогие мои, ведь какой я писарь. Каждый день приходится что-либо пережить плохое и хорошее. Так, дорогие и незабвенные мои. Но мы пока между собою живем тихо, дальше, что Господь даст. Такая наша жизнь непрочная и непостоянная. Сами знаете, горе-горе живущим на земле. Вспоминаю ваши храмы, ваши улицы, ваши дома и ваши квартиры, ваши семьи. Остаюсь помнящий вас, знающих, *(меня. – Ред.)*, недостойный архим. С.

Письмо 40

Мир Вам, дорогая Клавдия Алексеевна, и Божие благословение да пребывает над Вами! Поздравляю я Вас с наступлением Святой четырехдесятницы, (т. е.) святого Великого поста. Наши гости собираются уже уезжать обратно домой в Мичуринск. Как это все скоро, время идет незаметно: как будто недавно приехали к нам и уже уезжают обратно в Мичуринск. Ах, Господи, как время мчится незаметно, вот уже

вторая неделя Великого святого поста. Всякое время нас приближает к вечности. Вот, дорогая моя Клавдия Алексеевна, слава Богу, что у Вас все по-старому, хотя есть часть по-новому, а новое что, да вот новое мы стареем и приближаемся к вечности. Вы знаете, я братца похоронил, уже 40 дней прошло. Ему было лет более 90. Вот, дорогие мои, помолитесь за меня, ленивого, унылого и немощного. Передайте мой привет о. Иоанну и о. Петру, вашим батюшкам, хотя они меня не знают. Живем по-старому, без перемены. День прошел и слава Богу. Здоровье мое не лучшеет, а хужеет. Всех-всех поздравляю с Великим постом и желаю всем преуспевать в добрых делах. Недостойный, грешный арх. С.

Далее приписка.

Провожая своих дорогих мичуринских гостей. Спаси их, Господи, помилуй. Маме вашей посылаю Божие благословение и всем родным по духу.

Грешный арх. Сев.

Особенно Евфалии Алексеевне, Николаю Павловичу, Матроне Васильевне, Тихону Васильевичу, Наташе, Надежде Ивановне Фурсовой, м. Пахомии, Евгении, Аниной сестре.

Письмо 41

Письмо написано под диктовку о. Севастиана сначала карандашом, потом – чернилами.

Х.В.! В.В.!

Уважаемая во Христе сестра Раиса и все Ваше семейство. Поздравляю с светлым и радостным праздником Воскресения Христова, который подходит к половине, а кажется, только начало

праздника Пасхи, и уже в среду половина, а там и отдание и прошла Пасха. Так и жизнь человеческая, совсем недавно, как я помню тебя, ты была совсем молоденькой девочкой, бегала, а сейчас уже порядочно лет прошло, и так вся жизнь пройдет. Здесь, на земле, все временное, преходящее, а там только все вечно и бесконечно, вот к чему надо стремиться нам больше, чтоб унаследовать вечную Пасху, где нет ни болезней, ни печалей, ни вздыханий, и мы можем сие получить только несением временных скорбей с благодарением. Что ни пошлет нам Господь: или болезни, или еще какие скорби – за все благодарить Бога, ибо он лучше нас знает, кому что нужно, полезно. Он ведет нас к вечному блаженству, а не к временному. Поэтому и должны все воспринимать с благодарением: да буди воля Твоя, Господи! Кто здесь более пострадает, тот больше получит в вечной жизни, ибо болезнями и скорбями Господь нас очищает. Вашему мужу благословение Божие, как и детям. Я, слава Богу, хотя здоровье и слабое, но все еще служу. Живу близко от церкви. Стало тепло. А остальное, что вас будет интересовать, спросите у Поли. Ну, оставайтесь хранимы Богом, ваш *(далее неразборчиво)* недостойный арх. С. Фомин.

Помолитесь за меня, грешного и унылого и непотребного, р. Б. С.

Письмо 42

1959 г. ?

Мир вам, дорогие мои чада, Клавдия Алексеевна, Евфалия Алексеевна!

Посылаю я вам Божие благословение и всем знающим меня, грешного и недостойного раба. От души желаю вам встретить и провести эти святые дни в мире душевном и телесном здравии. Страстные и пасхальные дни – самые великие дни нашего спасения. Хорошо было и отраднo провести эти дни в мире, а главное, молитвенно. Испрашиваю ваших святых молитв о мне, многогрешном. Сестра Матрона и брат Тихон Васильевич, Домаша передала мне от вас деньги более 100 р. Остаюсь помнящий вас, недостойный архиман. Севастиан.

Далее дополнение другим почерком.

Четверг, Светлая Седмица

Христос Воскресе!

Дорогие наши родные, Клавдия Алексеевна, Евфалия Алексеевна, и Николай Павлович, и вся ваша родная семья. Поздравляем вас с великим и радостным праздником и христосоваемся с вами. Христос Воскресе! Праздник мы встретили благополучно и очень торжественно. Самое главное, папа наш бодрствовал, спаси его, Господи. После такой ночи утром, часов в шесть, поехал в Дубовку освящать куличи в архимандритском облачении. Народу здесь и там было очень много. Ночь служили в церкви и во дворе. В церкви – батюшка и о. Александр и все старые певчие, а во дворе о. Серафим и все девочки. Утреню и обедницу погода была очень хорошая, тихо и тепло. Домаша приехала,

чувствует себя пока хорошо. Вещи еще не пришли малой скоростью. Мы пока все живы, но здоровье плохое. Варя кашляет, а я с 3-й недели поста все кисну после гриппа. Осложнение на легкие, и сейчас плохо чувствую. Простите, грешная Агриппина. Поклон и поздравление м. Матроне, Тихону Васильевичу и Наташе, и благодарим за гостинец.

Письмо 43

Мир вам и спасение и Божие благословение, дорогие мои дети. Как вы там живете? Похоронили свою матушку Евфалию Алексеевну, Царство ей Небесное. Я думаю, она теперь получила награду от Господа за свою христианскую жизнь, ведь она была истинная христианка. А то ведь бывают христиане на словах или на бумаге, но на деле очень мало. Как сказал владыка епископ Амвросий: «Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный». Мы видим на делах, как вера упала, но поднять ее некому, все мы стали слабы, никуда не годные. Пишу, а бумаги в чернилах замарал. Вот какой писарь, простите, ради Господа нашего Иисуса Христа.

Поздравляю я вас с прошедшими праздниками Рождества Христова и Богоявления Господня. Мы тоже м. Александру похоронили, спешили под сочельник Богоявления Господня, а тут еще архиерей был целую неделю. Господи, Господи, *(все. – Ред.)* какая-то суета *(далее неразборчиво)*, нужно бы о душе подумать. Я уже догораю, здоровье мое книзу и книзу. Вот, дорогие мои, оно по всему видим, как идешь книзу. Помолитесь за меня, грешного, недостойного. А слабости свое берут. Приезжайте,

тогда все расскажите. Поздравляю вас с наступлением Великого поста. Скоро-скоро Святая Четыредесятница.

Недостойный архим. С.

Далее небольшой текст. Написано неразборчиво.

Короткая записка отдельно от письма

Мир тебе, Клавдия Алексеевна, Божие благословение вам, дорогие мои. Мать Иоасафа приехала, не знаю, где она будет жить. Слава Богу, живем по-старому, пока перемен никаких нет. Получил 50 р., еще 100 р. кто-то прислал. Грешный иер. С. Фомин.

Письма духовных чад

Письмо неизвестного автора о пострижении
о. Константина (будущего владыки Питирима)

Вашему высокопреподобию радоваться! Прошла добрая половина поста, вот уже близко то время, когда будут воспоминаться спасительные страсти Господа.

Сегодня знаменательный день, дорогой батюшка, у Вашего духовного сына о. К. И Вам, думаю, раньше было известно, что в этот день 31/13/ IV-59 г. он должен принять ангельский образ. Но я хочу подробнее остановиться на этом действии. За обедом нам объявили, что в семь часов будет постриг в Троицком соборе. Для нас вход будет через Никоновский храм. Все знали о том, что будут постригать о. Константина. Я пришел в храм в 6-30. О. К. в это время в приделе к Никоновской церкви,

где лежали мощи разных святых, с каким-то иеромонахом в белой одежде, наверно, делал последние приготовления. Мы прошли в храм, там делалась уборка после дневного пребывания молящихся. Мощи Преподобного были закрыты. По северную сторону храма стояли мать о. К., сестра и, наверно, близкие знакомые, которые хотели посмотреть, как монастырь отъемлет у них их близкого. Вот собрались и вышли монахи, стали в два ряда лицом к лицу около солеи. Отворились Царские врата, и вышел наместник о. Пимен, взял жезл, зажег у Преподобного свечу и дал возглас. Диакон начал читать «Святой Боже...», Трисвятое и раздавать свечи. Потом все монахи направились в Никоновский храм. Остался один наместник. Через несколько минут монахи возвратились, прикрыв новопришедшего мантиями, так что никто из любопытных не мог его увидеть. Его подвели к наместнику, стоящему на солее, и он спросил, что по своему ли желанию приходишь и что желаешь? И был ясный и четкий ответ: «Ей Богу содействуюся, святой отче». После содержательных молитв, в которых увещали новоставленного оставить все блага мира и всех своих близких и не возвращаться вспять, наместник пошел к святой Раке Преподобного, взял требник и постриг волосы новопоставленному, назвав его Питиримом в честь Тамбовского чудотворца. Затем его облачили в «монашеские доспехи», и мы все увидели бывшего о. К. в клобуке, который ему удивительно шел. После окончания этого чина наместник сказал слово, главная мысль была такая, что если б сейчас пришел с Небес Ангел,

которого бы мы все увидели, и он бы всех нас благословил, как бы мы были рады. Этот Ангел и есть сейчас в лице новопоставленного, который очистил себя таинством покаяния и дал обет употребить жизнь свою для Господа. «Будем радоваться, – сказал наместник, – что прибавился в длинном ряду последователей Преподобного Сергия еще один ученик, и об этой радости и говорится в Чине пострижения: «Приди со страхом и радостью...». Затем наместник повел новопостриженного к Раке Преподобного и приложились к ней, а раньше еще его вручили старцу, которого повелевали слушать беспрекословно. Стала подходить вся братия, приветствовать его и спрашивать: «Что ты есть имя, брате». В это время о. П. был особенно хорош: лицо его светилось и сияло, он всем улыбался и отвечал: «Грешный иеромонах Питирим». А у меня прошло много благочестивых мыслей и пожеланий доброму иноку, терпения и крепости в подвигах. Я тоже подошел и поприветствовал теми же словами. Потом все стали расходиться, пение «ублажаем» стала затихать и остался там один о. П. Да он давно был по жизни монах, хотя и без клобука. Дай, Господи, чтобы наша Православная Церковь изобиловала такими людьми. Он всегда вел себя скромно и сдержанно. И в такое время, несмотря на внутренние скорби, лицо его всегда светилось радостью и простотой, а в этот знаменательный для него вечер оно отражало внутренний благодатный свет и излучало радость.

Письмо монахини Агриппины и о. Севастиана

Христос Воскресе!

Дорогая Клавдия Алексеевна, кланяюсь Вам и крепко целую Вас и Евфалию Алексеевну и кланяюсь Николаю Павловичу и всем вашим деткам. Поздравляю Вас с великим праздником Вознесения Господня и Святой Троицы. Дорогая Клавдия Алексеевна, простите, что не пишем Вам. Письма Ваши мы все получили, и Мария Тимофеевна. На все Ваши и прочие вопросы батюшка ответил: «Господь устроит все кому что нужно», а ему никак нет времени, ни одной минуточки, ну, вы знаете об этом. Живем пока по-прежнему, слава Богу, хорошо. Пасху провели неожиданно хорошо. М. Матрона обещается все Вам рассказать, она свидетель всего нашего переживания. Прошу вас, передайте мой земной поклон м. Иосафе и м. Евпраксии, м. Трифалии и Евгении с ее сестрами, Шуре, К... (*далее неразборчиво*) и всем знающим меня.

Письма Лайковой и Гусевой получили. У Лайковой в письме были вопросы. Он также ответил, как всем. Господь Сам устроит все. Вас ждем к себе. Помогите вам, Господи, во всем. Простите, все вам кланяются, кто вас знает. Поручение исполнили за воина Николая. Курсы Вера закончила, получила справку, пока не работает. Я тоже до февраля 1954 г. свободна. Папа тает с каждым днем, прибаливает, но себя ничуть не жалеет.

Прошу святых молитв, грешная Агриппина. Косынку ношу в церкву под пуховой платок.

Далее приписка о. Севастиана.

Христос Воскресе, дорогие мои Клавдия Алексеевна, Николай Павлович, Евфалия Алексеевна, и дети ваши, и все знающие меня, грешного. Простите, ленив я писать, сами знаете, то по приходу требы, то лень. А время бежит, сами знаете. Поздравляю вас с великими праздниками Вознесения Господня и Святой Троицы. Да, время, время бежит незаметно. Давно ли была Пасха, а вот уже скоро проходит Святая Пятидесятница. Всем поклон и Божие благословение, грешный иер. С.

Письмо келейницы В.
(Веры или Вари) и о. Севастиана

Христос Воскресе!

Дорогие Евфалия Алексеевна, Николай Павлович, Клавдия Алексеевна! Поздравляем вас с великим праздником Святой Пасхи. Сегодня едут Мария и Ирина, сейчас только принесли билеты. Время полвосьмого, батюшка служащий говорит: напиши немного Клавдии Алексеевне. Хочу сказать вам самое основное: праздник провели торжественно и благополучно, без всяких осложнений. Всю Страстную батюшка служил и Пасху. Вчера ездил, т. е. на второй день, к своим, брата причащал и вечером вернулся. Сегодня опять служит. Слава Богу за все. Все вам кланяемся, со всеми христосуемся. От м. Анастасии получили поздравительную телеграмму, я себя чувствую лучше. В среду на Страстной утром привезли, и буду здесь всю Светлую седмицу. Хотя сижу, но все же в церкви, благодарю Господа за молитвы батюшки. Простите, грешная В. Получили вчера ваше письмо, Феша сейчас пришла и сказала.

Далее приписка другим почерком (о. Севастиан)

Простите, Клавдия Алексеевна, Евфалия Алексеевна и Николай Павлович, Матрона Васильевна, Тихон Васильевич, и знающие меня, и Анна, которая с Клавдией Алексеевной была, у которой муж повесился. Всех, всех, всех поздравляю с великим праздником. Это называется Святая Пятидесятница. Посылаю Божие благословение, дорогие мои дети. Спешу служить, сегодня ведь третий день. Помолитесь и за меня, как только можете, дорогие мои. Недостойный архим. С.

Письмо без подписи

Милость Божия да хранит вас! Божие благословение да пребывает над вами!

Дорогие наши родные Евфалия Алексеевна, Клавдия Алексеевна, Николай Павлович. Кланяемся вам и желаем от Господа здоровья и мира душевного, да поможет нам Господь преодолеть все немощи душевные и телесные. «Глубиною мудрости человеколюбно вся строяй и полезная всем подаваяй». Получили ваши письма и прочитала Батюшке, но, простите, только собиралась отвечать, и другое получаю. Помогите вам, Господи, очень жаль всех, но не в нашей силе все содержится, в воле Вседержителя. О чем просили о Наде, выполнили. Хорошо бы и ей почитать акафист мученикам Гурию, Самону и Авиву. Содержание его много относится супружеской жизни, да и вообще молитва и терпение, и труд все перетрут. Нужно ей потерпеть, пусть не уходит, без скорби не проживешь. Господь ее любит.

Клавдия Алексеевна, вашей квартирантке крест, говорит, мало помогут, но поехать можно. Относительно дома Варваре о продаже: как-то не понятно, кто оставляет ей две комнаты и кухню, покупатель или кто с ней живет, напишите поясней. Вчера получили посылку просфор от Маруси. Я еще не читала.

Письмо о. Александра Кривоносова

Дорогая Клавдия Алексеевна!

Очень рад был получить от вас письмо. Рад, что вы в общем благополучны и здоровы. Мы также живем в общем благополучно. Только дедушка (*о. Севастиян. – Ред.*) все слабеет и слабеет, а я никуда не годен. Но, может быть, в скором времени к нам приедет человек очень знающий, опытный и достойный. Наконец нашу общину зарегистрировали. Начнем строиться. Забот и хлопот будет очень много, но надеемся на лучшее и помощь Божию. Я очень сочувствую вам и вполне разделяю вашу скорбь по поводу того, что ваших внучат обучают не молитве, а танцам. Но ведь это «дух времени». Прискорбно очень это. Прискорбно, но приходится (примириться с этим) только молиться, чтобы Господь их вразумил и привел к покаянию. Только любовью, кротостью и молитвой за них можно помочь им встать в свое время на путь спасения, да преданием их под покров Божией Матери, чтобы Она их управляла. Да внушать надо молодым родителям, чтобы они хотя бы современных педагогов читали (Макаренко и других). Воспитывали детей в духе дисциплинированности, а не в духе распушенности, капризов,

своеволия. Да пусть хоть по главе прочитывают из Евангелия и молятся ежедневно хотя бы понемножку, и возможно чаще в церковь ходят, творят больше добрых дел, избегают всякого греха и зла. Смирение, кротость, воздержание, терпение во всем проявляют. Простите. Да благословит вас, и вашу маму, и Николая Павловича Господь и дарует вам всяких благ. Недостойный иерей Александр.

Далее приписка по краю письма.

Я всегда помню ваше сердечное гостеприимство ко мне и всегда буду поминать вас в своих убогих молитвах, вашу маму и Николая Павловича и вынимаю за вас частицы... *Далее неразборчиво*

Письмо послушницы Олимпиады

Здравствуйте!

Клавдия Алексеевна, по благословению Вари я пишу на вас и прошу, как получите письмо, пожалуйста, постарайтесь передать поскорей о. Николаю Третьякову. Остаемся живы, батюшка Севастиан, Варя и все наши.

8-26/ X-1957.

Благословите, о. Николай! Заочно кланяюсь вам в ножки и прошу вашего благословения и святых молитв, грешная Олимпиада.

О. Николай! О. Кифа прислал вам 400 р. денег на дорогу и просит, чтобы вы к нему ехали. Деньги у меня, а батюшка Севастиан велел вас письмом уведомить.

25 по старому получила деньги, а 26 пишу. Пишу на Клавдию Алексеевну и сообщаю вам, о. Николай, новость. У нас был владыка, 19 под 20

служил всенощную обедню, очень ему все понравилось: батюшка Севастиан и порядок, чистота и пение. Сказал речь, духовенства было много, а о. Серафим не служил, потому что он болел. От нас владыка поехал в Кировку, а потом в Тихоновку, в Компанейск и Майкудук, а сегодня, т. е. 26, Ксенофонт и Мария, наши батюшки Севастиан и Александр едут в Кировку провожать владыку. Больше писать некогда, приезжайте и тогда все узнаете. Остаемся все пока живы молитвой, помнящая о вас грешная Олимпиада.

Письмо келейницы Веры

Христос Воскрес!

Дорогая Клавдия Алексеевна, кланяюсь Вам, всей Вашей семье, поздравляю Вас с Великим праздником Вознесения Господня и Святой Троицы. Дорогая Клавдия Алексеевна, мы все живы-здоровы, слава Богу, а самое главное – здоровье дорогого нашего дедушки. Мы сейчас молимся в молитвенном доме пока. Пасху Христову молились там. Клавдия Алексеевна, часто вспоминаю Вас, как мы с Вами ходили в Новый город. Как Вы мне раскусывали орехи. Сами не кушали, а меня угощали. Спаси Вас, Господи, дорогая Клавдия Алексеевна. Недавно у нас дедушка болел, 2 мая была температура 38,5. Но сейчас, слава Богу, по милости Божией потихонечку служит. Дорогая Клавдия Алексеевна, по молитвам дорогого дедушки, окончила свои курсы. Слава Богу, но работать еще не работаю. По всем предметам 4, а по бухгалтерскому учету уст. 5, по статистике 3, очень обидно, что так получилось, но ничего, за все

благодарить Бога. Погода у нас не очень хорошая, но слава Богу за то, что прошли дождинки, немного прохладно, огород уже дома посадили, а в поле еще нет, еще не пахали огород. Пока простите, прошу святых молитв. Клавдия Алексеевна, пишите письма, простите, здоровье не очень завидно. Немного подпишет дедушка. 5/V-53 г. Грешная Вера.

Простите, Клавдия Алексеевна, спешу писать, а спешка моя – ничего не могу ни писать, ни делать. Сами знаете.

Грешный И.С.

Письмо монахини Агнии (Стародубцевой)

Христос Воскресе!

Многоуважаемый Николай Павлович и дорогая Клавдия Алексеевна! Поздравляю вас с великим праздником Светлого Христова Воскресения. Дай вам Господь провести сии святые дни в добром здоровье, духовной радости. Благодарю вас за присланный вами гостинец. Получила перевод, спаси вас. Господи, за вашу память, которой я и не стою. Я все еще живу и двигаюсь со своей тумбочкой. Слава Богу, еще не лежу. М. Фекла тоже стала слабая и до меня не дойдет, согнулась. Прислала мне поздравление с праздником. Вот какие мы стали старые.

Не успела вам написать, получаю перевод от вас, который вы посылаете от о. Иоанна. Я послала ему поздравительную открытку и поблагодарила его за память о мне, недостойной. М. Анастасии передала, как вы пишете. Получила и телеграмму от о. Петра. Спаси их, Господи, что они меня помнят, особенно

будет дорого, когда помянут после смерти. Скоро, наверно, будет 83 года, слабею, но не лежу. С вами, я думаю, уже не увижусь. Вы не приедете к нам. Как здоровье Николая Павловича и Ваше, привыкаете жить без мамы, царство ей Небесное. Вспоминаю, как она у меня была. Простите, всегда Вас помнящая как родных по бабушке, плохо стало без него, недостойная м. Агния

1968 г. 8/21 апреля.

Первое письмо Груши (монахини Агриппины)

Милость Божия да хранит вас и нас. Дорогие наши родные, Клавдия Алексеевна, Евфалия Алексеевна, Николай Павлович. Всем вам кланяемся и желаем от Господа здоровья и спасения. Бабушка всем вам шлет благословение. Дорогие наши, как вы там поживаете? Давно не вижу ваших писем. Слышала, что присылали. Папа теперь у нас очень редко бывает. Вот как он нас отлучает от себя. Сначала в неделю раза три бывал, а потом один раз, а теперь реже и реже, иногда даже и в месяц раз. Тяжело нам привыкать к этому, но скоро, скоро, может, и совсем оставит нас. Часто говорит о том, что вот-вот и нужно уходить в вечность. О горе, горе, особенно нам. Мы живем пока по-прежнему, перемен нет ни в доме, ни в себе. К празднику Рождества Богородицы был владыка Иосиф, ночевал три ночи у бабушки, все ему понравилось. Но мы с ним очень устали, семь раз накрывали стол. Много собралось духовенства. Было четыре диакона и протоиерей Самарцев. О. Николай теперь у нас

штатным диаконом. Служит хорошо и ведет себя пока хорошо. У нас теперь три священника, еще есть о. Серафим 54 года без слуху и без знания. Папа и Варя его учат, но требы пока исполняет с желанием. В этом очень хорошо помогает и папу жалеет, а о. Николай уезжает в Ташкент. Здесь ему что-то не по себе. Ну, простите меня, мои дорогие. Прошу святых молитв, грешная Агриппина.

Еще забыла: Вера Афанасьевна наша сейчас в Москве, скоро вернется с больной Надеждой **Уваровой** (*возможно, описка. – Ред.*), а другая Вера – в Одессе. Батюшка проводил ее в монастырь жить. Помолитесь за нее, очень скучает по батюшке, а я и м. Анастасия и еще две ездили в Балхаш хоронить духовную дочь нашего батюшки. Вот сколько у нас новостей. Простите, Груша.

Второе письмо монахини Агриппины

Милость Божия да хранит вас, дорогие наши родные, Клавдия Алексеевна, Николай Павлович и Евфалия Алексеевна. Кланяется вам вся наша семья, а папа шлет вам свое благословение. Дорогая Клавдия Алексеевна, получила ваше письмо, где вы спрашиваете, когда вам взять отпуск. Папа сказал, лучше Великим постом помолиться. Я спросила: может, ей к нам приехать? Если есть средства, пусть приезжает. А Юрию Николаевичу можно взять отпуск и рассчитаться. Клавдия Алексеевна, если мое письмо захватит (*застанет. – Ред.*) Пашу, то скажите ей, пожалуйста, когда она будет ехать к нам, то, проезжая Москву, какие-то есть станции, там продают хороший и дешевый лук связками. Если

будет проезжать днем, пусть спросит, где это, и, пожалуйста, купит нам, мы с ней расплатимся. Она, кажется, нам тогда привозила. Скажите Тоне, яблочки дошли хорошо. Спаси, Господи, и Раичкина посылка тоже дошла хорошо, не испортились. Спаси, Господи, всех милующих и питающих.

Живем мы по-прежнему хорошо, слава Богу. Я забыла, писала я вам о приступе грыжи у батюшки, который нас очень всех напугал. Еще такой пока не повторялся, но можно его ожидать всегда. А обычная боль грыжи стала беспокоить его на день несколько раз. Когда служит, то мы очень за батюшку беспокойны, просфиры теперь вынимает сидя и иногда еле дослужит и уходит ложиться с грелкой. О. Александр тоже никуда не годится, хуже батюшки, то голова, то сердце. О. Серафим выручает пока. Спаси его, Господи, и очень жалеет батюшку. Вера Васильевна пишет, очень скучает по батюшке, просила посылку, выслали ей необходимые ее вещи: пальто, одеяло теплое. Ботинки просила пятый номер на низком каблуке, не нашли, но, может, будут. Работает на огороде, а теперь не знаю, где будет. Адрес ее: г. Одесса, ул. Чичерина, № 4, монастырь, Бобенко м. Иоанне для Веры Егоровой. Напишите ей, утешьте ее, замучилась мыслями, что она никому не нужна. Поэтому и батюшка проводил в монастырь. Простите, грешная Агриппина.

Письмо Елены

Здравствуйте, дорогая моя Клавдия Алексеевна, Евфалия Алексеевна и Николай Павлович.

Крепко мы все вас целуем и желаем вам от Господа доброго здоровья и всяческого благополучия в вашей жизни и работе. Дорогая моя Клавдия Алексеевна, сообщаю вам свою большую радость, которую мне доставила поездка к отцу, но простите меня, моя дорогая, что я вам ничего не писала так долго. Знаете, там как-то я не могла выбрать времени, утром и вечером ведь занята, а днем то куда уйдешь с отцом в гости, то дома немного отдохнешь. И так пролетели десять дней моего пребывания там. Выехали мы из дома шестого июля, а из Москвы мы сумели только выехать 9 числа, и только 13 числа в 11 часов дня мы приехали на место. Нас никто не встретил, они нас встречали днем раньше, но я доехала на автомашине до нового города, а потом сели на автобус и прямо до бани. Груша и м. Екатерина были дома. Вари не было, она была с отцом в молитвенном доме. Все были рады, что мы приехали, мы попили чаю и пошли в баню. Из бани пришли пообедали, потом часик отдохнули и пошли к вечери, пришли прямо с Грушей к отцу. Варя нас встретила очень радушно и повела к нему. Увидев нас, отец приветился и очень хорошо нас встретил и благословил, как он иногда умеет. И благословил Томочку. Он сказал: «Вот такая дочка большая (*помощница. – Ред.*) маме». И поцеловал ей головку. После службы мы обратно зашли к нему и пошли с сестрами домой, и все время мы находились у Вари с Грушей. Приехали мы в пятницу, а в воскресенье приехал мичуринский о. Николай Овчинников с матушкой Марией Алексеевной из Алма-Аты. Вы ведь его хорошо знаете. Варя с Верой его на машине

после службы поехали встречать. А меня отец послал. «Иди, – говорит – Елена, домой и помоги там накрыть стол и приборите там хорошенько». Мы так и сделали. И через несколько времени пришел отец домой его встречать, вошел, посмотрел на накрытый стол и кое-что добавил, а я при фартучке в белом платочке так и стою. Потом отец сел на стул и позвал к себе Тому, поговорил с ней и со мной немного, и смотрим: подъехала машина и приехали гости. Войдя, они помолились немного и привели себя в порядок, и через 15 минут наш отец выходит из своей комнатки. Все помолились, и отец Николай упал со слезами в ноги отца. И так они трогательно поприветствовали друг друга, расцеловались. Потом Мария Алексеевна тоже в ноги упала. И так было торжественно и приятно, я вам передать не могу! Потом сели все за стол и сидели больше часа. Так приятно было слышать их разговор, и я так рада и довольна, что моя Тома много почерпнула из разговора. Он рассказал, как он познакомился с матушкой. Как его посвящали в священники. Сколько лет он работал врачом-хирургом. Как владыка Иоанн при рукоположении его в иерея высказал слово. Все так было приятно и так поучительно. После обеда они отдохнули. Потом отцы ушли в молитвенный дом. И так он находился все время. А Мария Алексеевна с нами была у сестер все время. О. Николай два раза служил: на преподобного Сергия и заупокойную Всенощную. И несколько раз говорил поучения. Всем он очень понравился. И отец очень хочет, чтобы он остался у него. Он, видимо, тоже не против, но вряд ли его

отпустит владыка. Мария Алексеевна колеблется, но как будто перед своим отъездом дала согласие переехать вместе. И так они, пробыв пять дней, в четверг вылетели самолетом в Москву. Варя и Вера их провожали на машине, они поехали с Мелькомбината, были там с отцом. И о. Николай так говорил прощальное слово, что все плакали навзрыд. Он сказал, что очень остался доволен своей поездкой к ним и очень рад, что увидел отца, и что рад за нас, что мы имеем у себя таких благодатных пастырей, и многое другое. И так они расстались. А мы побыли там десять дней. И 23 числа мы скорым поездом выехали и приехали 27-го в Москву. Купили все для Томочки, что велел отец, и вернулись домой.

Дорогая моя, сколько принесла нам радости эта поездка! Я описать не могу и словами высказать ведь невозможно. Вы меня и так поймете. Понять может тот, кто сам это переживал. Тома очень осталась довольна, правда, первые дни она очень переутомлялась службой и у нее сильно заболела голова, открылась рвота, но потом все прошло постепенно. Один раз за все время она не ходила к вечери, а то все время была с нами вместе. Первый раз отец ей сказал: «Ну, Томочка, скучать у нас будешь». И она стала помогать батюшке. Потом так привыкла, что и не оставалась дома. Когда отец приходил домой, он ее всегда брал к себе, два раза со мной, а остальное время ее одну. Конечно, утешал ее как он умеет. И его благословение было ей учиться на акушерку. Относительно переезда сказал так: «Как подышу квартиру, так вам напишу». А так будем жить и ждать спокойно, когда будет на это

распоряжение. Он сказал при прощании: «Не скорби, не плачь Елена, ты приедешь и будешь у нас жить, а пока поживи там, и Тома пусть продолжает учиться».

Вот и все, что могла кратенько написать вам.

Дорогая Клавдия Алексеевна, спаси Вас, Господи, благодаря Вашей заботе наша поездка была благополучна.

До свидания, мои дорогие, целую вас крепко, Лена.

Первое письмо неизвестного священника

8/ III /1948 г.

День св. Предтечи Господня

Досточтимой матери Валентине шлю привет, благословение и поздравление с наступающими спасительными днями Великого поста. Милость Божия да ниспошлет в сердца наши дух искреннего покаяния и сокрушения о своем недостойнстве и дух смирения, терпения и любви. Письмо твое, мать, получил. Писавшей его Клавдии Алексеевне мой привет и благословение. С душевной радостью вспомнил Вас, Клавдия Алексеевна, всю Вашу милую семью и дорогих мальчиков, которые теперь уже стали юношами. Дай Бог, чтобы они в море житейском сохранили те ростки веры в Господа и любви к людям, которые они получили в родной семье. А душевное здоровье укрепляет и телесное. Вспоминаю квартиру на Гоголевской и ее милую хозяйку А. И., уже покойницу, Царство ей Небесное, и наши беседы с Вами под сенью Казанской иконы Божией Матери. Теперь эта икона охраняет скорбный жизненный путь оставшейся другой А. И., которая

жива тем, что держится за край ризы Господней...
Посылаю тебе, мать Валентина, 50 р. на подкрепление во дни Великого поста. И когда вечером на молитве расстилаю коврик, сделанный твоими и сестрицы твоей, покойницы, руками, вспоминаю вас обеих. Не забывай, мать, и меня в своих молитвах. Вспоминаю Вас и Вашу семью. Клавдию Алексеевну тоже вспоминаю. Прошу, будете писать о Севастиану, передайте ему мой братский привет. Господь да хранит Вас.

Второе письмо неизвестного священника

10/ II /1954 г.

Всечестной матери Валентине мой привет, благословение и поздравление с наступающим праздником Сретения Господня. С глубокой верой и радостью встретил праведный Симеон Богомладенца Христа. С такой же радостью и верой и ты, мать Валентина, встречай каждый день жизни твоей, ибо Господь, давая тебе новый день жизни, дает милость Свою. Так благочестивые души встречали каждый день жизни своей и вечером, ложась спать, считали, что эта их последняя ночь, а там смерть и суд. Тогда не будет тебя «грызть тоска» от безделья, как ты пишешь, а будет ум и сердце занято Богом. А в пустой ум всякие мысли лезут. Даю тебе, мать, послушание. Твори малое правило преп. Серафима. Три раза в день: утром, в полдень и вечером читай «Отче наш» три раза, «Богородице Дево» – три раза, «Верую во единого Бога», т.е. Символ веры – один раз и 100 молитв Иисусовых по четкам. Только читай не одним лишь языком, а умом и сердцем иди за

каждым словом. И тогда ум не будет рассеяно бродить, где ни попало и сердце согреется любовью и благодарностью к Господу и слеза покаяния и сокрушения о своем недостоинстве не раз навернется на потухающие глаза. А прочее восполнит свет Христов, просвещающий всякого человека, грядущего в мир.

Передай мой привет Евфалии Алексеевне, Клавдии Алексеевне, Николаю Павловичу с семейством. Всегда вспоминаю их в храме Божиим и того же прошу взаимно. Поминаю и тебя, мать Валентина, твоего писаря девицу Пелагею и ее больную сестру Марию, а также Агриппину, которой напоминаю слова преподобного Пимена многоболезненного: «Кто с любовью ухаживает за больным, тот получает от Господа такой же венец, как и больной»...

Господь да хранит вас всех. Будьте здоровы. Пишет ли тебе о. Севастьян?..

Пусть кто либо из окружающих тебя ежедневно читает тебе по одной главе из Евангелия по порядку и одну кафизму из Псалтири.

Помоги, Господи, терпеть твои болезни и немощи.

«В мире будете скорбны, но мужайтесь, я победил мир», – говорит Господь Христос.

«Многими скорбями подобает нам войти в Царствие Божие», – говорит апостол.

Этим подкрепляйся и утешайся в немощах своих. А Господь близко, при дверях...

Третье письмо неизвестного священника

23/ I /1956 г.

Многоуважаемой Клавдии Алексеевне вместе с Николаем Павловичем и мамой Евфалией Алексеевной мой привет, благословение и пожелание здоровья и Божьего благословения в делах.

Получил письма ваши, благодарю за поздравления и добрые пожелания.

Божиею милостию пока жив и здоров, насколько можно быть здоровым в 76 лет. Служу у престола Божия, пока Господь терпит грехам моим, благодарю Его безмерную милость, что сподобил дожить и поклониться Богомладенцу Христу, ради нас, грешных, родившегося в убогой Вифлеемской пещере, и желал бы, чтобы Он, Всеблагий, дал дожить до Светлого Христова Воскресения.

Сынки ваши, Юрий и Шурик, слава Богу, живы и здоровы, и по родительским молитвам Господь их сохранит и в дальнейшем.

О. Севастьян – достойный труженик на ниве Христовой, Господь да продлит его жизнь на пользу духовных чад его. Молюсь всегда о всей семье вашей и о нем. Будете писать ему, от меня передайте привет и просьбу молиться о моем недостоинстве.

У моих двух внучек, у Гали и Тани, сегодня успешно закончились зимние экзамены. Мои дочери Галя и Валя, слава Богу, живы и здоровы. Старшая, Галя, работает, младшая, Валя, ведет домашнее хозяйство и готовит уроки с дочкой Наташей перwokлассницей.

Господь да хранит семью вашу... Всегда радуйтесь... непрестанно молитесь... и Бог мира и любви да будет с вами.

Четвертое письмо неизвестного священника

3/ X /1957 г.

Канун Покрова Божией Матери

Досточтимой матери Валентине шлю свой привет, благословение и поздравление с праздником Покрова Пресвятой Богородицы. Своим всемирным Покровом да покроет Она, любвеобильная Матерь всего света, и твои скорби душевные и немощи телесные. Не унывай, мать, на свою слепоту, не сетуй, а благодари Бога, который посылает нам и радости, и скорби для нашего вечного блага. Моли Владычицу, чтобы Она просветила твои «очи сердечные», и ты душой почувствовала бы всю благодать Божию к тебе. Он лишил тебя видеть свет Божий, но избавил от таких тяжелых болезней, от которых другие криком кричат. «В терпении вашем спасайте души ваша», – говорит апостол, и ты, мать, потерпи, а Божия Матерь поможет тебе нести свой крест старческой немощи.

«Господи, помилуй,

Господи, прости,

Дай мне до могилы

Крест мой донести».

Всегда поминаю тебя и тех, кто около тебя, – Агриппину и Пелагею. Да поможет Господь «друг друга тяготы носить» и в сердечном сокрушении и покаянии достичь мирной и христианской кончины. – Я Божией милостью пока служу у престола

Господня. Не забывай в молитвах... «Молитесь друг за друга»... Привет Клавдии Алексеевне, ея маме, Евфалии и Николаю Павловичу. С любовью вспоминаю всю их семью и поминаю всегда. Скоро пришлю подкрепление. Господь да хранит всех.

+

Мир вам дороже моих дел,
Посылаю я вам Божьи благослов
и желаю вамому семейству и дому
провести эти великие дни в мире
душевно и телесном здравии.

Дни страстной седмицы, и Пасхаль
ной седмицы молитвенно а где
молитвы там праздник, праздник
отрада для души, Клавдий Антон
пожелал я вам дачи, которые
вы просили с Домашной заор, Из
вашего письма видно также
было вам с Юриком горе в том
что он не веруется человек. Но все
молитесь за него, Ни кем по старому простите
Осталось пожелать вам радости
Архимир

Мир тебе и Боши благос-
ловени дорогая Клавдия Фир.
Мы пока по милости
Бошией живи хотя и
свсем здоровы. С каждым
днем здоровы мое слабей
но пока еще служу по
немного, даме и по шри-
бк выезжаю сей час только
иногда с мелькомыной
за все слава Богу,
еще мать я поминаю,
как могу. Будьте Богом
охранены. Боши благос-
ловенные бабуся как Тоб.
и деткам. Просимте
и еще кланяюся вам все
мелькомынашаме

Документы из архива Уполномоченного по делам религий Казахской ССР

Р.П.Ц.

Казахстан

Московская патриархия

Епархиальный совет

г. Алма-Ата Кавалерийская 47. телефон

Указ

Иеромонаху Севастиану Фомину.

В силу нарушения Вами церковной дисциплины и неумелого административного руководства приходом настоящим – Вы, с сего числа считаетесь находящимся на покое.

Благоволите сдать все дела по приходу священнику Дудкину Алексею.

м.п.

6 декабря 1947г.

г. Алма-Ата

№1233

Архиепископ Алма-Атинский и Казахстанский
Николай

Подлинник указа получил:

Копия

Д.Т.У.
Исцеловская Патриархия

Казахстан ЗС
Соборный совет

г. Алма-Ата, Кавалерийская ул. Телефон

Указ

Иеромонаху, Севастьяну, Фролону

В силу нарушения Вами церковной дисциплины
и неуплате административного сбора за
приходом на основании Вып. сего дела
считаетесь находящимся на покое.
Плашвольные сдать все дела по приходу
священнику Фудину Алексею.

• м.п.

6 декабря 1947 г.
г. Алма-Ата
№ 1233

Архидиакону
Александровскому и Казахстанскому

Подлинный указ получен. *С. С. Соловьев*

по ... копии приобщенной Фудину КС Облсо

Уполномоченному по делам Русской Православной Церкви при Карагандинском облисполкоме тов. Ткаченко

от священника пос. Б. Михайловка Дудкина Алексея

Докладная записка

Довожу до вашего сведения, что указом Алма-Атинского архиепископа Николая от 6/ХІІ.47г. за № 1235 я назначен священником к православно-молитвенному дому пос. Б Михайловка Карагандинской области.

Одновременно с моими назначением, имеются при молитвенном доме в Михайловке иеромонах Севастьян Фомин, указом одного архиепископа за №1233, от службы уволен, за нарушение церковной дисциплины, и неумелого административного руководства церковным приходом с предписанием сдать мне все дела по Михайловскому приходу. Но иеромонах Севастьян Фомин подчиниться распоряжению архиепископа отказался, ссылаясь на решение имеющейся у него двадцатки, которая на своем собрании 21/ХІІ постановила меня не принимать и послать своего представителя в Алма-Ату к архиепископу Николаю с ходатайством о восстановлении иеромонаха Фомина на службе в Михайловке.

Поведение иеромонаха Фомина является в корне неправильным, поскольку распоряжение архиепископом прислано не церковной двадцатки, а непосредственно Севастьяну Фомину. Неподчинение Севастьяна Фомина ещё заключается и подтверж-

дается тем положением, что получив свое назначение с 13/ХІІ 47 г. Фомин не прислал ко мне ни одного прихожанина с какой-либо требой, продолжая обслуживать последних сам, хотя и заверил благочинного Холодкова Владимира, что он – Фомин никаких треб не делает. Мало этого Севастьян Фомин кроме требоисправлений вопреки запрещению гражданских властей, а также данной им подписки благочинного не совершать богослужений, не прекращал и продолжает служить литургию по разным частным домам, что называется подпольно, как-то было в Николин день 19.12, 21.12, 28.12. – воскресенья, что подтверждается людьми, которые посещают и посещали указанные богослужения. Богослужения проводятся у монашек по ул. Верхняя №53, гр-ки Калойда, ул. Нижняя №25 и других. Подтверждают эти собрания: гр. Панченко и гр., проживающий Михайловка, ул. Верхняя дом №45...

В доме, предназначенном для совершения служб, Севастьян Фомин из-за болезни не служит, а делает всё это секретно, но Советское око и сам Севастьян не обманет. Считающие себя за христиан община двадцатки, с возглавляющим ее иеромонахом Севастианом Фоминым, мало того, что не подчинились распоряжению архиепископа Николая, о сдаче мне церковных дел пошли дальше: составили на меня пасквильно порочащий материал и послали таковой архиепископу в Алма-Ату. Между прочим я лично в Михайловку не просился, а просил вообще предоставить мне какой-либо приход свободный, так что идти на занятый приход в Михайловке у меня никакого желания не было. Такова была воля

Барық елдерің пролетарлары, бірігіңдер!

Қазақтың Советті Социалистік Республикасы
Еңбекшілер Депутаттарының Қарағанды
Облыстық Советінің Атқару Комитетінің
Қ А У Л Ы С Ы

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Казахская Советская Социалистическая Республика
РЕШЕНИЕ
Исполнительного Комитета Карагандинского
Областного Совета Депутатов Трудящихся

Карағанды Қ. Советтер үйі.

№ 321

г. Караганда, дом Советов.

2. шілде 1946 ж. г.

О ходатайстве верующих прошения
Компанейск - об открытии молит-
венного дома.

В связи с наличием действующего молитвенного дома
в городе Караганда-, исполком Облсовета депутатов трудящихся
РЕШИЛ:

1. Отклонить ходатайство верующих об открытии
молитвенного дома в поселке Компанейск г. Караганда.

Зам. Пред. исполкома
Облсовета депутатов трудящихся

(И. Ткаченко)

Секретарь исполкома
Облсовета депутатов трудящихся

(К. Давыдов)

РАКО. № 1364. Оп. 1а. Д. 29. Л. 1.
Копия. Машинопись.

Уполномоченному по церковным делам
по Карагандинской области
т. Ткаченко.

Настоятеля Кировского мол. дома
в г. Караганда священника М. Певунова.

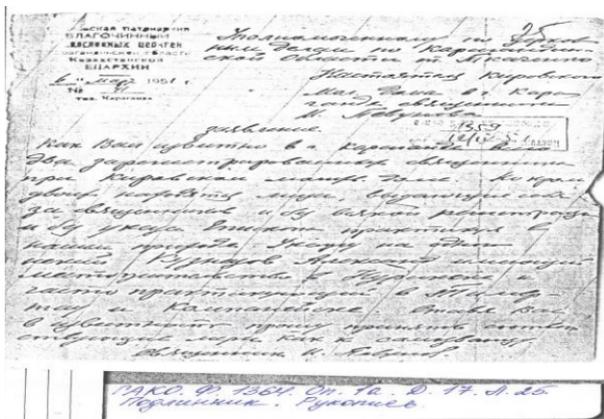
Заявление.

Как Вам известно в г. Караганде всего два зарегистрированных священника при Кировском молитв. доме. Но кроме двоих находятся лица, выдающие себя за священников, и без всякой регистрации и без указа Епископа практикуя в нашем приходе. Укажу на одного: некий Кузнецов Александр, имеющий место жительства в Нуринске и часто практикующий в Тимертау и Компанейске. Ставя вас в известность, прошу принять соответствующие меры как к самозванцу

Священник М. Певунов

ГАКО. Ф. 1364 Оп. 1а. Д. 17. Л. 25.

Подлинник. Рукопись.

Уполномоченному по церковным делам при
Областном Исполнительном Комитете
Карагайтинской области. 10

Молоч. 12/х. 551.

от Православных верующих
всехлавицких Алексея Пашурова
Московского и всей Руси, поселка
МАЙКОДУК Стышинского района
Карагайтинской области.

Заявление

Мы, нижеподписавшиеся, православные верующие
проживаем в поселке МАЙКОДУК, на территории
которого проживают неиможно много правосла-
вных верующих.

Ближайшая церковь к нам, находящаяся на рас-
стоянии около 16 км. и при этом пути сообразны
к ней затруднительны и сл. неудобны, особенно
при крещении, похоронах и др. и др., кроме
этого мы не можем посещать естественное
богослужение даже в большие Праздники.

Мы считаем от Вас, что церковные службы в
силу таких условий, совершаются габитно в
своих домах, габитно в общем нашем молитвен-
ном небольшом дощике, что находится на Октябрьском
д. 9 и 44 поселка Ст. Майкодук.

Наша религиозная православная община существует
давно, которая организована с благословением
Сергия - Патриарха Московского и всей Руси!, которая
привлекла нас горло молилось об отмене врага
с лица Русской земли, всеглен помочь родному
Советскому Правительству в адержании победы
над коварными врагом. Мы горло осуществляем
на этой преле. Наши сметны и догери

сестры сражались на всех фронтах и истре-
бляли свою молнию жужж за Родину, а мы
здесь работали в шахтах, колхозах, давали
бокаше углей и хлеба для фронта.

Во время Отечественной войны, мы ей слали
печенье и продукты, ввели в фонд обороны 32 шире.
рублей, а сейчас сестры похлопывают руки ребятами
в шахтах и колхозах. и сейчас дали слово в
Вашем лице дали обещание сестры и подружки
на своем поприще, а если понадобится сестры
угодно защитим нашу Родину и истребим
участим нашего Правительству и поможем ему
в деле борьбы с Миром во всем Мире!

Иногда из немецкой пленки просили Вас, как
председателю Советский власти из Ульяновской
Депутатов Трудовой Народной армии.
Зарегистрируйте нашу Церковь, нашу
общину и молитвенный дом, кающийся
в поселке Майкудук.

Всем и надеемся: с мамой Гурьевой
Жабиной Гурьевой за Белью Мурман
Александр Кислов В. В. Мурман, Гурьев
Козлов, Вадим Гурьевой Гурьевой
Павел Гурьевой Мурман за нами
Кривенцова Дмитрий Бадровская
Золоторева Владимир, Златова,
Гурьевина Александр Гурьев
Соловьев Гурьевой

РАКО. 4. 1364. Ст. 10. Я. 29 с. 10.
Периодический Вестник.

50

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КАРАГАНДИНСКОГО ОБЛСМОЛКОМА
и УПолномоченному по делам религиозного культа

тов. ТКАЧЕНКО М. И.

От органа двадцатки Больше-Михайловской Общины православно-верующих.

*в Совет Общины
и органу.
Инициатива
не была
М. И. Мамин
Л. И.*

Нами возбужден ходатайство перед Москвой о регистрации нашей Общины. По этому вопросу от тов. КАРПОВА был сделан запрос т. ВАХМЕНИНУ по существу нашего заявления. Первый ответ из Алма-Аты не удовлетворил Совет по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР. Был направлен второй запрос в Алма-Аты и вот прошло уже более месяца, но ответа никакого не последовало. У тов. КАРПОВА заявлено, что Совет немедленно же по получении ответа из Алма-Аты будет рассматривать наш вопрос о регистрации Общины. Значит задержка в разрешении этого вопроса происходит исключительно из-за неответа Алма-Аты. Но возможно, что т. ВАХМЕНИН запросил по нашему делу Карагандинский Облсмолок и ответ на запрос Москвы задерживается в Караганде. Если это так, то мы убедительно просим Вас, уважаемый Михаил Игнатьевич, выяснить этот вопрос здесь на месте и если запрос о регистрации нашей Общины действительно поступил из Алма-Аты к Вам, не задерживая дать соответствующий ответ.

К сему: члены органа
двадцатки:

30/VI-52 г.

*Удочков, Ткаченко
Резенский, Танченко
Труфанов, Мишенин
Каландаров,*

*РАКО. Ф. 1364. Оп. 12. Д. 4. Л. 50.
Копия. Маминотис.*

Пр. МС ж-ты срис
для шерку
Советиня
С. И. И.

Настояние 1951 г.
№ 2284
В Карагандинском обл. обл. совет

ИЗБОРНЫЙ
Совета
дел русской
православной церкви
при Совете Министров
КазССР

Заместителю Председателя
Карагандинского Облсполкома

тов. ТКАЧЕНКО М. И.

IXII 1951 г.
126

Акт-Ата

В ноябре 1951 года настоятелем молитвенного
дома Певуновым было проведено общее собрание верую-
щих гор. Караганды для выборов церковной двадцатки, на
котором присутствовало 740 человек.

Согласно существующего положения никаких выбо-
ров в двадцатки не производится, пополнение двадцаток
осуществляется путем добровольной подачи заявлений
из числа верующих, в котором дается обязательство по
выполнению договорных условий.

Выборы производятся только церковного совета и
ревизионной комиссии из числа двадцатки, *т.е. все*
собрание *для этой цели производится только для избрания*
В связи с этим прошу пригласить священника
Певунова и указать ему на незаконные действия.

Уполномоченный Совета по делам
русской православной церкви при
Совете Министров КазССР

С. Вахменин
(С. Вахменин)

*РАКО. 91.364. Оп. 1а. Д. 17. Л. 30.
Копия. Машинопись.*

Уполномоченному по делам
Русской православной церкви, Кара-
Зандинской обл. г.н. П. Каенко.

Узловский Совет Арх.
Михайловского молитв. дома
г. Карсаиды Кудовского р-на

Заявление.

Согласно заключенного акта в 1948 г. с
Соркомхозом г. Карсаиды на строительство
нового молитвенного дома, здание старого
наши строительством осквернено, а по это-
му просим Вашего распоряжения на-
значит нам санитарно-техническую
комиссию для осмотра здания и
разрешения слезения в нем, а из ста-
рого молитв. дома просим Вашего
указания как поступить?

Узловский совет: Назарен С. Ф. Доминров
Староста церкви
31/1-49г.
Казначей Лавринь

ПРОТОКОЛ

Общего собрания верующих Михаило Архангельского молитвенного дома г.о. Карагадны 4 ноября 1951 года.

Присутствовало 740 чел.

Собрание открывает настоятель церкви свяд. Певунов И.

Зачитав распоряжение Архиепископа Николая от 8 октября 1951 года за № 918 о переизборах церковного совета и ревизионной комиссии за истечением срока их полномочий, а так же было зачитано положение управления русской православной церкви в части избрания церковного совета. По его же предложению избраны председателем и секретарем настоящего собрания причем избранными оказались Федосов В.А. и секретарем Мортьянов С.И.

ПОВЕСТКА ДНИ.

1. Переизбрание членов церковного совета и ревизионной комиссии.

2. Пополнение двадцатки за счет выбывших.

ПОСТАНОВИЛИ:

Переизбрать членов церковного совета и ревизионной комиссии. Причем постановленные на голоование старшие члены церковного совета, как по истощивши настоящий молитвенный дом, сторожку и дома для причта единогласно были вновь переизбраны.

- а/ церковный староста Б. Миронов
- б/ помощника его Д. Чубакова
- в/ кассиром П. Лаврунова

Членами ревизионной комиссии Федосов В.А. Чебатарев П. и доизбрали третьего членом Пичогина А.Д. пос.Компанейск.

Затем приступили к избранию членов двадцатки единогласно избрали членом двадцатки:

1. Белов И.Г.	6. Выхтенко Р.И.	11. Поставалов С.М.
2. Кузьменко М.И.	7. Вранов Е.	12. Бахтно Т.И.
3. Шандыба И.А.	8. Лобанова Г.П.	13. Понамарев М.Ф.
4. Агарков Н.И.	9. Лигина	14. Калмыкова А.Н.
5. Свищаренко Х.И.	10. Шепалыкова Ф.	15. Чебатарев С.Я.
		16. Шичков О.И.

Итого добавили членов двадцатки 16 чел. из них по распоряжению Архиепископа вошли в двадцатку из поселков Тихановка, Пришахтинский, Компанейск.

Председатель:

Секретарь:

РАКО, Ф. Веч. Ст. 1а. Д. 17. л. 29.
Копия. Подлинник в с.

Уполномоченному по делам
Русской православной церкви при
Великом князе гор. Караганда, Карагандин-
ской обл. шов. Железову.

Проставлено $\frac{25/IV}{1957}$
в "Православной Церкви"
в Карагандинской обл.

от возвращающих посылка
Космопмейск. - Сортировочная
Железнодорожного р-но.

Заявление

Вторично просим Вашего разрешения
об открытии нашего бывшего помещенного
дома, так как как Губинский Совет нам
Вашего распоряжения не выполняем и моим
бывшим помещенной дом неразрешается.

Пока мы ходатайствуем перед высшим
инстанцией о регистрации, убедительно
просим открыть нам временно
помещенный дом.

Вручить:

Муж

Тылин

Женщина

Иванов

Молодиль

Сидорова

25/IV - 57 г.

РАКО. Фр. 1364. Оп. 1а. Д. 29. Л. 9.
Городской Комитет.

20

Заместителю Председателя
Карагандинского Облисполкома

товарищу ХЛЕБОВУ П.А.

5/11
14

58 В Михайло-Архангельском молитвенном доме гор.Караганды был зарегистрирован священник Хилитинский Михаил Степанович который в данное время оставил службу в указанном молитвенном доме и переехал в пос.Ново-Тихоновку, где самовольно открыл молитвенный дом и продолжает в нём служить.

За эти незаконные действия Уполномоченным Совета он снят с регистрации, в связи с чем прошу изъять у Хилитинского справку о регистрации от 8.ХП-53 г. за № 143 и выслать её Уполномоченному Совету.

Кроме того в пос.Компанейском проживает ссыльный священник Гайденко Фёдор, который архиепископом Николаем был назначен четвёртым священником в вышеуказанный Михайло-Архангельский молитвенный дом гор.Караганды. В данное время священнику Гайденко архиепископом Николаем запрещено служение, но указа архиепископу не возвращает, разъезжая с ним по посёлкам. Этот указ также прошу изъять у Гайденко и выслать в адрес Уполномоченного Совета.

Уполномоченный Совета по делам
русской православной церкви при
Совете Министров Казахской ССР

(С. Вохменин)

С. Вохменин

*РАКО. 9. 1384. От. 1 е. Д. 29. 1. 20.
Туркменник. Мамисконов*

НИКОЛАЙ
МИТРОПОЛИТ

Алма-Атинский и Казахстанский
гор. Алма-Ата, Джетысуйская 14, телефон 43-52

16

гор. КАРАГАНДА, ОБЛИСПОЛКОМ

Уполномоченному по делам религиозных культов
тов. АДИКОВУ.

Проживавший в пос. Компанейске высланный прот. Феодор Гайденко сообщил нам, что в означенном поселке, в течение ряда лет, орудовала злостная группировка в 72 человека врагов Советской власти, с которой власть ничего не могла одолеть, а он - Гайденко за несколько месяцев своей церковной службы в Компанейске ее ликвидировал, сделал их всех людьми советскими, что он привел в православие 400 человек из осмысленных римско-католиков, униатов, сектантов и даже евреев и что такая его деятельность нашла полное одобрение и благодарность как с вашей стороны так и еще со стороны Карагандинских гражданских властей вообще и что Вы, несмотря на то, что Компанейск как приход незарегистрирован отбирая у Гайденко по распоряжению Уполномоченного тов. Вохменнича еще Указ сказали ему чтобы он не подчинялся ни Вохменнину, ни архиерею, а продолжал служить так как он нужный для вас человек и т.д.

Просим Вас сообщить нам соответствует ли это действительности, а также имела ли место ликвидация гр. Гайденко вышеупомянутой группировки в Компанейске, приведение им в православие 400 человек инославных, а также Ваше действительное отношение к деятельности о. Гайденко.

Нам это необходимо для освещения этого дела перед Советом по делам Русской Православной Церкви и Патриархией.

МИТРОПОЛИТ

АЛМААТИНСКИЙ И КАЗАХСТАНСКИЙ

Григорьев

П. 2/10

1955г. Март 29 день

Алма-Ата, Картирзапробитне МСХ Каз.ССР Зак. 114-500

*РАКО. 91. 1364. Оп. 12. Д. 29. Л. 16.
Копия. Митрополитов.*

Товарищу уполномоченному области по церковным делам в Караганде

Верующим Компанейска и Сортирочной надоели постоянные бунты и волнения, которые несколько лет устраиваются священником Певуновым. 9-ый по счёту священник у нас в лице о. Фёдора Гайденко падает жертвой его злой воли. Начиная от Великого поста по сию пору у нас неспокойно. О. Фёдора Гайденко сняли без причины. Он нам дорог, потому что честный, не пьяница, нравственный. Больше всего народ любит за то, что он советский человек, любит Правительство и Партию, поучает этому и народ. Прислали нам вместо него Сайчука, который по руководству Певунова, не дает нам покоя. Вечно у него какие-то собрания, пьянка, а при этом ссоры. Сегодня первый Май – Всемирный праздник рабочих, а Сайчук с Филатовой целую неделю трубят и зовут через своих собутыльников на какое-то собрание, где хотят добиться какого-то утверждения. Мы посылаем в Ваше распоряжение двадцать человек они взяли на себя обязательство успокоить верующий народ. Филатова и Глотов устранены от руководства верующими за нечестность и бунт. Пусть Певунов оставит нас в покое и не вмешивается в наши дела. Если священнику о. Фёдору Гайденко разрешает Митрополит служить в других местах, то можно и в Караганде. Просим помогите нам чтобы положить конец всяким не спокойствиям.

30/IV-1955г. Недригайлов Владимир Петр.
Недригайлова Вера.

Первому секретарю Карагандинского
Обкома КП Каз. ССР.

т.с. Я К О В Л Е В У . С . Я

т.с.

организационной двадцатки Больше-
Михайловской общины православных.

З А Я В Л Е Н И Е .

Глубокоуважаемый Сергей Яковлевич!

Члены нашей общины в основном престарелые, родители шахтеров и рабочих, у многих из которых пострадали и погибли дети на войне, находятся теперь в большой тревоге и волнении из-за опасения, чтобы нас не лишили права совершать богослужения, тем более в самые **важные** моменты для православных-Великий пост и в приближающуюся Пасху. Наша община безуспешно с 1947 г. добивается регистрации своей общины.

Между тем, как магометанам разрешено в Караганде несколько мечетей, хотя они составляют не более 25 % всего населения города, которое в основном православное русское, а православным не разрешают даже двух молитвенных домов на такой громадный город. Почему так? Наша община имеет неоспоримые преимущества на регистрацию. Наша община фактически существует с 1912 г. с момента открытия единственного в Караганде храма в Большой Михайловке, теперь занятого каким-то складом. Наша община обслуживает самый крупный район-Денинский; наш молитвенный дом находится в 18 км. от зарегистрированного Кировского молитвенного дома. В нашу общину входят 16 отдельных населенных поселков, подавляющее большинство из которых удалено еще на 5-20 км. от нашего молитвенного дома. Да разве возможно престарелым людям посещать Кировский молитвенный дом? **А какие расстояния?**

Уполномоченный по религиозному культу при Совете Министров Каз. ССР т.с. Вахменин требует от нас письменного подтверждения от местной власти, что она не возражает против совершения нами богослужений в молитвенном доме и регистрации общины.

Но мы знаем, что уполномоченный Облсплскама т.с. Дзюбов без согласования с Вами не решится дать требуемое нами письменное подтверждение.

Почему мы вынуждены обратиться к Вам от имени всей массы престарелых верующих общины с убедительной просьбой не отказывать срочно дать т.с. Дзюбову указание в отношении вышеизложенного в положительном смысле, чем избавите нас от необходимости беспокоить по данному вопросу т.с. Писнамаренко и Вышестоящих.

Ваш
Надеемся, что не откажете в нашей просьбе.

К о му ч л е н ы д в а д ц а т к и :

*Кравченко, Толмачев,
Мещеряков, Ковалев, Улькин, Яковлев,
Шалин, Лопарин, Казанцев, Орлов, Писнев,
Перехин, Фролов, Кендык, Сурин*
*ответ просим направить по
30.11.1954. Адресу: Караганда, 8
Большая Михайловка, 1-й Загородный,
д. 18 Молитвенный дом Двдцатки*

Литература

1. Архив Астраханского УФСБ, д. 4723-с, л. 15-22.
2. Балавариани. Мудрость Балавара. – Тб.: Заря Востока. Памятники древнегрузинской литературы, 1962. – 160 с.
3. Живой воды неиссякаемый источник. Карагандинский старец Севастиан – М.: Паломник, 2014. – с. 315-316.
4. Из архивной переписи Самарской губернии, Ставропольского уезда за 1859 г.: [Электронный ресурс]: <http://news163.ru/terra/671-v-novoj-khmelevke-i-elkhovke-vosstanavlivayutsya-dva-khrama-postroennye-v-devyatnadsatom>.
5. Королева Вера. Свет радости в мире печали: митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф. – М.: Паломник, 2012. – 736 с.
6. Марков Сергей. Стихи: [Электронный ресурс]: http://smarkov.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=155&Itemid=65
7. «Маяк степи» (газета). – Акмолинск, 1923, 4 августа; 1923, 6 октября.
8. Надсон Семен. Христианка: [Электронный ресурс]: <http://er3ed.qrz.ru/nadson-christianka.htm>
9. Наш светлый Ангел. Памяти схиигумении Севастианы. – Караганда (брошюра). – с. 22-28.
10. Солоухин Владимир. Стихи: [Электронный ресурс]: <http://www.marie-olshansky.ru/ct/christmas-2014.shtml>
11. Омские епархиальные ведомости (журнал), 1911. – №12. – с. 4–5; 1913. – №22. – с. 8; 1914. – №4. – с. 9; №5. – с. 13; №13. – с. 3; №19. – с. 4; 1915. – №17. – с. 12; №22. – с. 4.
12. Оптиная пустынь и ее время: [Электронный ресурс]: <http://www.rulit.me/books/optina-pustyn-i-ee-vremya-read-268478-13.html>
13. Письма преподобного Севастиана Карагандинского. Воспоминания духовных чад. – Сергиев Посад:

Православный приход Димитрие-Солунского храма в Яковлево, 2016. – 160 с.

14. Попов Юрий. Караганда и вокруг нее: [Электронный ресурс]: <http://nomad.su/?a=15-201608310016>

15. Протоиерей Александр Кривоносов. Исповедь жизни. – М.: Паломник, 2014. – с. 23.

16. Свет Православия в Казахстане (журнал-газета), 1994. – №9 (18); 1995. – №8 (26); 1998. – №5 (52). – с. 4-7; 1999. – №8 (65). – с. 31; 2000. – №5 (72). – с. 19; приложение «Лучик» 2005. – №5 (35); 2006. – №№3-4.

17. Справочная книга Омской епархии. – Омск, типография "Иртыш", 1914. – с. 212-213, с. 186, с. 1023.

Содержание

От автора-составителя.....	3
Мои воспоминания о схиигумении Севастиане и Михайловском храме	8
Жизнь прихода.....	26
Дом Жуковых	40
Кончина матушки Агнии.....	54
Молодежный центр.....	56
Балавариани.....	62
Отъезд из Караганды	74
Староста храма.....	77
Матушка Анастасия	80
Иеромонах Герман	84
Письма Жуковым	86
Иерей Владимир Жуков	97
Строительство Введенского собора	111
Прославление преподобного Севастиана.....	114
Женский монастырь в Караганде.....	117
Женский монастырь в Караганде.....	117
Карагандинская епархия.....	123
Последняя встреча с матушкой Севастианой.....	124
Жизнеописание схиигумена Евфимия (Тимакова)	154

Воспоминания М. П. Стакановой. Мариина тетрадь..	219
Очерки по истории Русской Православной Церкви в Караганде (1824-1917 гг.)	245
Ульяновские мученики.....	251
Дореволюционный приход Михайловской церкви ...	255
Клирики в Михайловке до революции и в начальный советский период.....	267
Со святыми упокой	282
Приложение	284
Наше духовное наследие	
Письма преподобного Севастиана Карагандинского и его духовных чад.....	285
Документа из архива уполномоченного по делам религий Казахской ССР.....	363
Литература	381

Издание

*Димитрие-Солунского храма
в Яковлево*

**Ответственный редактор В. Б. Панков
Корректор Л. Н. Панкова**

**Формат 84x108/32. П.л. 10,8. Тираж 1500. Заказ
Печать офсетная.**

**Отпечатано в типографии Патриаршего
Издательско-полиграфического центра
г. Сергиев Посад
т./факс /495/ 721-26-45**

**Православный приход
Димитрие-Солунского храма
д. Яковлево Сергиево-Посадского района
(инд. 141326)
Московской области Московской епархии
Русской Православной Церкви
просит оказать посильную помощь
в восстановлении.**

**Наш расчетный счет 40703810740380003494
Сергиево-Посадское ОСБ №2578
«СБЕРБАНК РОССИИ» г. Москва,
кор. счет 30101810400000000225,
БИК 044525225, ИНН 5042058731,
КПП 504201001**

**Храм посвящен великомученику
Димитрию Солунскому и имеет два придела –
верхний и нижний. Верхний освящен во имя
великомученика Димитрия, нижний – во имя
великомученицы Екатерины.**

**Здание построено в конце XIX века и
находится в начальной стадии реставрации.
Настоятель протоиерей Вячеслав Михайлович Брегеда.**

**Просьба указывать целевое назначение пожертвования.
Мы поминаем в молитвах жертвователей или тех, о ком
они просят помолиться.**

Номер банковской карты: 4276 1609 1481 6542, Сбербанк России.

E-mail: vyacheslav.bregeda@yandex.ru

www.iakovlevo.ru

vk.com/id202345724

www.facebook.com/viacheslav.bregeda